

ЕВРАТОМ

и „ОБЩИЙ
РЫНОК“

И * Л

Издательство
иностранной
литературы

*

ЕВРАТОМ И „ОБЩИЙ РЫНОК“

СБОРНИК СТАТЕЙ

Составитель и редактор
Э. С. ШЕЙНИС

Вступительная статья
Н. Е. ПОЛЯНОВА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва, 1957

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

25 марта 1957 года в Риме произошло событие, которое иные политики и реакционные газеты Западной Европы и Америки не постеснялись окрестить чуть ли не днем рождения «золотого века» во взаимоотношениях шести европейских государств: правительства Франции, Федеративной Республики Германии, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Италии поставили в тот день свои подписи под документами, учреждающими две новые замкнутые организации — сообщество шести стран по атомной энергии (так называемый Евратом) и «общий рынок», представляющий таможенный союз тех же шести стран.

Вслед за тем началась усиленная обработка общественного мнения и парламентариев Западной Европы, чтобы заставить законодательные учреждения шести стран уже к осени 1957 года ратифицировать договоры, подписанные в Риме. В ход пущены все средства рекламы, весь арсенал обмана, все методы нажима и шантажа — от обещаний до угроз, от пряника до кнута. Боннский канцлер Аденауэр назвал подписание договоров о Евратоме и «общем рынке» «историческим моментом, наполняющим его душу благодатью». Министр иностранных дел Италии Мартино посвятил этому моменту не менее высокопарные слова, заявив, что «восходит заря объединения нашего континента, который до сих пор был так разобщен соперничеством». Целая армия присяжных публицистов крупных монополий начала регулярную осаду общественного мнения, стремясь посеять в умах миллионов европейцев несбыточные иллюзии о процветании, которое будто бы наступит, когда Евратом и «общий рынок» станут фактом. Все более настойчивые

увещевания стали раздаваться и с той стороны Атлантического океана. Государственный секретарь США Даллес, проявляя подозрительный интерес к обоим западноевропейским проектам, при каждом удобном случае давал понять, что сколачивание «малой Европы» пользуется особым покровительством Вашингтона. Такие заявления американского государственного секретаря прозвучали и в ходе Бермудского совещания Эйзенхауэра — Макмиллана, и во время пребывания западногерманского министра иностранных дел фон Брентано в США, и на боннской сессии совета НАТО, и в дни визита федерального канцлера Аденауэра в Соединенные Штаты в мае 1957 года.

Но странное дело, чем громче бьет в литавры реакционная пропаганда, пытаясь придать в глазах европейцев привлекательность идее «объединения Европы», тем неприязненнее относятся к этой затее народы. В общественных кругах европейских стран все лучше понимают, что за ширмой Евратома и «общего рынка» продолжается подготовка опасного заговора против мира. Заговор этот отражает ту линию в мировой политике, которая направлена на обострение международной напряженности, создание и углубление замкнутых военных блоков, разобщение европейских стран, противопоставление одних группировок другим, превращение Западной Германии в бронированный атомный кулак Атлантического блока. В качестве главной движущей силы здесь выступают агрессивные круги США, избравшие своими ближайшими партнерами боннских реваншистов.

Вашингтон далеко не случайно выступает в роли ревнивого опекуна Евратома и «общего рынка». Обе эти организации служат логическим продолжением других западных группировок, создававшихся в течение ряда послевоенных лет на европейской арене под американскую диктовку. Нелишне напомнить, что задолго до лета 1955 года, когда в итальянском городе Мессине дипломаты шести стран приступили к обсуждению проектов Евратома и «общего рынка», в Западной Европе уже действовали Организация европейского экономического сотрудничества, Европейский платежный союз, Европейское объединение угля и стали. Это было время, когда после бесславных похорон Европейского оборонительного сообщества Национальным собранием Франции

началось претворение в жизнь парижских соглашений, развязавших руки германскому милитаризму.

Разумеется, на пути сколачивания Евратома и «общего рынка» дело не обходится без острых взаимных стычек, дипломатических схваток и споров между участниками этих организаций. Ими был отмечен период, который предшествовал совещаниям в Париже и Брюсселе зимой 1957 года, где министрам шести стран удалось с грехом пополам сформулировать более или менее согласованные решения. Теперь, после подписания договоров о Евратоме и «общем рынке», взаимные распри между их участниками не только продолжаются, но и приобретают еще более ожесточенный характер, превращая обе организации в поле экономических битв, на котором царит волчеье право сильного. Такова уж природа монополистического капитализма: сколачивая международные объединения во имя экспансионистских и агрессивных целей, он неизбежно сталкивается на своем пути с внутренними противоречиями. Эту особенность подметил еще Ленин, указавший: «Не подлежит сомнению, что развитие идет в *направлении* к одному единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., — что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультра-империалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность»¹.

Главная цель, которой руководствуются вдохновители и создатели Евратома и «общего рынка», имеет самое непосредственное отношение к агрессивным планам Атлантического блока. Это видно уже из того, что все без исключения члены обеих замкнутых организаций входят в состав этого блока. Посредством создания двух новых филиалов НАТО Вашингтон и его партнеры рассчитывают подвести некий экономический фундамент под Атлантический союз, еще крепче привязать Францию, За-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 94—95.

падную Германию, Бельгию, Голландию, Люксембург и Италию к атлантической военной колеснице, подчинить их народы произволу атомного бизнеса и заставить их следовать в фарватере самоубийственного курса, чреватого новыми военными конфликтами. Так нанизываются новые звенья на цепь, которую начали создавать десять лет назад при помощи плана Маршалла. В эту цепь заковываются западноевропейские государства со всеми пагубными последствиями для их суверенитета, безопасности, жизненного уровня народов.

Организаторов Евратома и «общего рынка», пытающихся прикрыть свою деятельность фальшивыми разговорами о «процветании объединенной Европы», отнюдь не смущает при этом, что создание прежних «европейских объединений», например платежного союза и угольно-стального пула, не принесло экономике западноевропейских стран обещанного благоденствия. Напротив, широко известно, что за годы действия этих объединений население Западной Европы испытывает лишь новые тяготы, связанные с увеличением бремени военных расходов, ростом цен, сокращением жилищного строительства и т. д. Финансы ряда стран, в том числе Франции и Италии, потерпели серьезный ущерб, безработица в некоторых государствах обнаруживает опасную тенденцию к росту, платежеспособный спрос населения сокращается.

Все это, конечно, нисколько не волнует атлантических стратегов, действующих за кулисами «малой Европы». Им нет дела до национальных интересов западноевропейских народов. Но губительные последствия такой политики все более тревожат широкие общественные круги старого континента. Недаром обсуждение проектов Евратома и «общего рынка» в дипломатических сферах шести стран, а теперь и в сферах парламентских вызывало и вызывает растущую критику этих проектов со стороны всех трезво мыслящих европейцев. В последние годы со страниц прессы, с трибун конференций научных и общественных организаций все чаще раздаются голоса людей, разоблачающих агрессивную сущность планов Евратома и «общего рынка». С возражениями против них выступил лидер западногерманских социал-демократов Олленхауэр, ряд английских лейбористов, бывший французский премьер-министр Мендес-Франс и многие другие. Эти планы, подчеркивается в известном Заявлении Министер-

ства иностранных дел СССР от 16 марта 1957 года, «не могут не вызывать у народов глубокой тревоги, в том числе и в самой Западной Германии, где имеются силы, которые выступают против указанных планов, выражая законное опасение по поводу тех последствий, которые может повлечь их реализация и для Западной Германии». Весьма показательно, что на состоявшейся в апреле — мае 1957 года XII сессии Экономической комиссии ООН для Европы ряд делегатов западных стран вынужден был признать, что проекты Евратома и «общего рынка» наталкиваются на растущее сопротивление и в определенных деловых кругах, которые с беспокойством относятся к попыткам крупных монополий, прежде всего западногерманских, использовать свои преимущества в новых организациях во вред менее сильным конкурентам. Подобные признания весьма симптоматичны. Они показывают, сколь широкий размах приняло в Европе движение против новых «объединений» — детищ атлантической стратегии и «холодной войны». Это движение охватывает поистине все слои общества — от рабочих до предпринимателей, от крестьян до ученых и партийных лидеров.

Предлагаемый сборник, воспроизводящий статьи ряда европейских органов печати, дает возможность советскому читателю познакомиться с тем, что думают о Евратоме и «общем рынке» представители различных общественных кругов Европы. В сборнике представлены авторы Франции, Англии, Федеративной Республики Германии, Германской Демократической Республики, Италии, Польши, Чехословакии. Их статьи дают целую гамму мнений и аргументов, помогающих увидеть проблему в разностороннем освещении. Далеко не все авторы едины в своих взглядах и оценках, далеко не у всех из них одинаковые исходные позиции для критики новых «европейских объединений». С рядом утверждений некоторых органов печати, например гамбургского журнала «Дер шпигель», нельзя согласиться. Доводы иных авторов, например комментатора английского журнала «Ньюстейтсмен энд нэйшн», покажутся читателю недостаточно убедительными и глубокими. В сборник включены и статьи, написанные задолго до окончательного оформления договоров о Евратоме и «общем рынке»; некоторые из этих материалов относятся к 1956 году, но и они пред-

ставляют интерес с точки зрения развития общественной критики обоих проектов. Однако у всех статей сборника, отражающих, естественно, лишь малую долю многочисленных критических высказываний европейской прессы о Евратоме и «общем рынке», есть нечто общее: это понятная тревога их авторов за судьбы европейской безопасности, за судьбы экономики отдельных европейских стран, за перспективы сотрудничества европейских государств и благополучие их народов.

Ознакомление с предлагаемыми статьями лишний раз убеждает в том, что атлантической пропаганде не удалось обмануть бдительность европейских народов: они распознали, что скрывается за фальшивыми разговорами об экономическом процветании, и уясняют себе размеры опасности, какую таит претворение в жизнь проектов Евратома и «общего рынка». В то же время публикуемые статьи показывают, что общественное мнение Европы все лучше видит пути к действительно плодотворному развитию экономического сотрудничества между государствами, независимо от их политических систем и экономического устройства, такого сотрудничества, которое служило бы идеям мира и дружбы народов и отвечало бы интересам подъема жизненного уровня трудящихся.

* * *

Есть вопрос, который не может не интересовать каждого, кто знакомится с проектами Евратома и «общего рынка»: кому выгодны эти проекты? Чтобы ответить на этот вопрос, не бесполезно сначала обратиться к самим документам о создании двух новых «европейских сообществ» — документам, представляющим довольно пухлый том в несколько сот страниц. Из ознакомления с ним явствует, что «общий рынок» предусматривает постепенную отмену всех таможенных пошлин между Францией, Западной Германией, Италией, Голландией, Бельгией и Люксембургом и установление единых пошлин в торговле со странами, которые не являются участниками договора. Для устранения таможенных пошлин предусмотрен срок в 12—15 лет после вступления в силу договора об «общем рынке». Одновременно предусмотрены и другие меры: ликвидируются количественные ограничения для импорта, экспортные субсидии, устра-

няется существенная разница в налоговом обложении товаров, производится унификация транспортных тарифов, уравниваются размеры выплат на социальное обеспечение, предоставляется свобода для обращения капиталов и перемещения рабочей силы в пределах шести стран и др. Иными словами, как утверждают авторы проекта, намечено постепенно создать «общий рынок» шести западноевропейских стран, в рамках которого падут барьеры, воплотившие в себе исторически сложившиеся различия в издержках производства на большинство видов промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Не менее многообещающе выглядит на первый взгляд и проект Евратома. Согласно этому проекту, намечено создать некий атомный сверхкартель, который будет покупать, продавать, распределять атомное сырье, контролировать производство атомной энергии и способствовать его развитию для «мирных целей». Финансируется это предприятие странами-участницами в соответствии с установленной для каждой из них квотой. Например, Западная Германия и Франция должны каждая внести немногим менее трети расходов по Евратому, Италия — 23 процента, остающуюся часть расходов делят Бельгия, Голландия и Люксембург. В соответствии с долей финансового участия распределяются и голоса шести стран, точнее — влияние каждой из них при руководстве Евратомом.

Так выглядят планы на бумаге. Остается добавить, что авторы договоров об «общем рынке» и Евратоме обещают народам шести западноевропейских стран и многие другие преимущества. В частности, усиленно подчеркивается, что Евратом и «общий рынок» будут заниматься только вопросами мирного сотрудничества; что создание их будет способствовать ослаблению экономической зависимости шести стран от Соединенных Штатов Америки; что Евратом будет использован в качестве орудия контроля над производством атомной энергии в Западной Германии; что Италия избавится от хронической безработицы и т. п. По поводу подобных бумажных заверений известный французский публицист профессор Парижского университета Бернар Лавернь с ядовитой иронией замечает: «Эти господа не скупятся на громкие, красивые слова, ибо торжественные и пыш-

ные заверения ничего не стоят. Так почему бы не быть в этом отношении расточительным?»

В своих статьях, воспроизведенных в настоящем сборнике, Бернар Лавернь, немецкий экономист Ганс В. Ауст, польский публицист Ежи Ковалевский, чешский автор Карел Доудера и другие, анализируя оба проекта, показывают, кому выгодны планы создания Евратома и «общего рынка», во имя каких целей они разрабатывались, кто рассчитывает пожать их плоды. Почти все авторы сходятся в том, что в выигрыше от осуществления обеих проектов окажутся наиболее могущественные монополистические группы, а именно западногерманские и американские. Этот вывод подтверждается и опытом деятельности Европейского объединения угля и стали и другими фактами, отражающими соотношение сил внутри новых сообществ.

В самом деле, за время действия угольно-стального картеля концерны Рура, используя свои преимущества на общем рынке угля и стали, утвердили на нем свое господствующее положение, оставив далеко позади себя своих французских конкурентов, не говоря уже о металлургических трестах других западноевропейских стран. В 1952 году в Западной Германии было выплавлено 15,8 миллиона тонн стали, а во Франции, включая Саар, — около 14 миллионов тонн. Потребовалось, однако, всего четыре года действия угольно-стального картеля, чтобы положение самым существенным образом изменилось. В 1956 году во Франции выплавлено 13,4 миллиона тонн стали, в Сааре — 3,4 миллиона тонн, а в Западной Германии — 23 миллиона тонн. За это время Франции пришлось к тому же под нажимом Вашингтона и Бонна заключить саарскую сделку, согласно которой эта важная промышленная область перешла к Федеративной республике. Французское правительство вынуждено было пойти на такой шаг не в последнюю очередь потому, что западногерманские концерны, сумевшие с американской помощью занять главенствующее положение внутри Объединения угля и стали, начали вести себя еще более бесцеремонно, требуя от Франции большей уступчивости в саарском споре и подкрепляя такие требования аргументами силы. Результат оказался для Франции весьма плачевным. Западная Германия, включая Саар, контролирует ныне годовую выплавку стали в объеме 26,5 мил-

лиона тонн, то есть в два раза больше, чем Франция, а к 1960 году, как сообщал орган рурских концернов «Индустрикурир», Федеративная республика рассчитывает производить в два с половиной — три раза больше стали, чем Франция. Можно добавить, что в 1956 году концерны Рура закрепили свои диктаторские позиции в Объединении угля и стали и в организационном отношении, поставив у кормила законодательной власти Объединения своего представителя Фурлера, сменившего Анри-Поля Спаака. Все это означает, что Западная Германия вступает в «общий рынок» и Евратом не только в качестве наиболее сильного партнера, но и во всеоружии своеобразного «опыта», приобретенного в расправе с конкурентами в рамках различных европейских объединений.

Тяжело смотреть, восклицает в связи с этим Лавернь, как грубые руки как бы с наслаждением разрушают всю экономику Франции. Он приводит в своих статьях множество фактов, показывающих, в каком невыгодном по сравнению с Западной Германией положении окажется Франция внутри новых объединений. Окажется потому, что ее экономика не в состоянии выдержать соперничество «по силе», «по капиталу» с западногерманскими концернами. «Какие бы речи ни произносил Ги Молле в парламенте, — пишет в одной из своих статей Бернар Лавернь, — все равно тонна кокса будет нам обходиться в будущем так же, как и в прошлом, по крайней мере на 1000 франков дороже, чем немецким промышленникам... Учитывая, что цена кокса составляет одну треть себестоимости стали, мы никогда не избавимся от этого неблагоприятного фактора».

Неблагоприятные факторы преследуют Францию и в других отраслях индустрии. Например, уголь и электроэнергия, напоминает в своей статье немецкий экономист Ганс В. Ауст, во Франции на 20—30 процентов дороже, чем в Западной Германии. ФРГ, дополняет чешский публицист Карел Доудера, стала также крупнейшим в Европе производителем автомобилей. К тому же в Западной Германии производится больше, чем во Франции, судов, цемента и многих других товаров; производственный аппарат там технически более совершенен, а производительность труда в целом выше, чем на французских предприятиях.

Западная Германия имеет и более прочные позиции на внешних рынках: в 1956 году ее доля в экспорте капиталистических стран составила около 8 процентов, а доля Франции — лишь около 5 процентов. Уже эти данные подтверждают, сколь обманчивы утверждения пропагандистов «общего рынка», будто страны, участвующие в этой организации, смогут обеспечить себе «равные возможности» и взаимное благоденствие. Со всем напротив, на «общем рынке» и в Евратоме будет действовать «право сильнейшего», и это право со всей беззастенчивостью использует Западная Германия, успешная превратить едва ли не все западноевропейские страны в своих должников. Недаром председатель Союза западногерманских промышленников Фриц Берг громкогласно объявил, что его коллеги по Союзу возлагают на таможенную унию «большие надежды», а крупный рурский предприниматель и биржевой комбинатор Вилли Шликер, в прошлом один из процветающих деятелей гитлеровского министерства вооружения, выдвинул даже идею некоего западногерманского «плана Маршалла» для европейских стран.

Прилив особых чувств испытывают монополисты Рура, когда речь заходит о колониальном отростке «общего рынка» — о проекте Еврафрики. В римском договоре от 25 марта имеется специальный раздел, посвященный включению заморских владений стран — участниц этого договора в таможенный союз. Здесь также предусмотрено создать фонд капиталовложений с хитроумной системой распределения между участниками соглашения. Вносят в фонд средства все участники Еврафрики: Франция и Федеративная Республика Германии — по 200 миллионов долларов; Голландия и Бельгия — по 70 миллионов; Италия — 40 миллионов; Люксембург — 1 миллион — всего за пять лет 581 миллион долларов. Но расходовать эти средства будут лишь те государства, которые имеют колонии: Франция — 511 миллионов; Голландия — 35; Бельгия — 30; Италия — 5 миллионов долларов.

На первый взгляд может создаться впечатление, что все это выгодно для Франции, которая за 5 лет получает дополнительно 311 миллионов долларов (хотя она требовала и значительно больше) для капиталовложений в Африке. Но при ближайшем рассмотрении выясняется,

что дело обстоит иначе: получая весьма скромные средства для капиталовложений в Африке, Франция должна в обмен на это широко распахнуть двери своих заморских владений перед другими участниками соглашений. Поскольку наиболее сильными среди них являются западногерманские монополии, нетрудно предвидеть, что именно они первыми ринутся прибираться к рукам французские колониальные богатства. Ги Молле пытался в связи с этим утешить французских парламентариев формулой показного благородства, заявив, что, «умел делиться, великая страна обогащается».

Но делится Франция со своими партнерами и прежде всего с западногерманскими претендентами на французское колониальное наследство не от хорошей жизни, и при этом она не обогащается, а несет ощутительные потери. Почему? Дело в том, что трудности Франции в колониях приняли неизлечимый характер. Провал суэцкой авантюры и кровопролитная война в Алжире нанесли жестокий удар финансам Франции, значительно охладили инициативу частных инвесторов и намного усилили ненависть африканцев к французским колонизаторам.

Стремясь усилить свои позиции в борьбе с национально-освободительным движением в Африке, правящие круги Франции решились в конечном счете пожертвовать долей, чтобы не потерять все, то есть открыть перед Западной Германией лазейку в Африку и попытаться с ее помощью спасти уплывающие из рук колониальные богатства и разваливающуюся колониальную систему. Надо ли говорить, что в Руре, где еще с послеверсальских времен лелеют мечты об африканских колониях, восприняли план Еврафрики с большим восторгом. Рурские концерны услышали в нем звук трубы, зовущей к богатейшим сырьевым источникам и рынкам «Черного континента». Нетерпение этих концернов столь велико, что они даже успели пустить в обращение специальную пропагандистскую версию для африканского потребления, гласящую, что колониальным народам следует относиться к Западной Германии «с большим доверием», чем к Англии и Франции, так как она «не загрязнила рук» в суэцкой авантюре. Что и говорить, страсть к наживе побуждает даже завзятых охотников за черепами, какими в прошлом не раз показы-

При ознакомлении с проектом Евратома бросается в глаза два обстоятельства: во-первых, наиболее настойчивыми глашатаями этого проекта являются американские агрессивные круги, встречающие полное понимание и поддержку со стороны боннских реваншистов; во-вторых, германские концерны постарались еще до подписания договора о Евратоме создать себе весьма прочные «позиции силы» в атомном бизнесе, что позволит им с первого дня существования новой организации играть в ней первую скрипку. В этом им усиленно помогают старшие американские партнеры, связанные давнишними картельными узами с западногерманскими магнатами.

Вашингтон выступил в качестве закулисного инициатора Евратома в первую очередь потому, что он добивается скорейшего возрождения германского милитаризма и оснащения его всеми современными средствами массового уничтожения. Поскольку парижские соглашения формально запрещают предоставление атомных бомб гитлеровским генералам, был избран обходной маневр, дающий возможность снабдить такими бомбами новый вермахт через черный ход. Таким «черным ходом» и стал Евратом, в рамках которого Западной Германии предоставляются «равные возможности» в производстве атомной энергии с пятью другими западноевропейскими странами. Было бы, однако, наивно думать, что, когда дело дойдет до использования этих «равных возможностей», германские милитаристы не воспользуются накопленными атомными материалами, сырьем и техническим опытом, чтобы в один прекрасный день не начать изготовление ядерного оружия на собственных заводах. Такое намерение, несомненно, получит благословение Вашингтона и потому, что американские банки готовятся стать виднейшими кредиторами Евратома, а американские военные тресты — «Дюпон де Немур», «Дженерал моторс» и другие уже сейчас состоят в доле с теми западногерманскими концернами, которые будут первыми в гонке атомного вооружения в Западной Европе.

В связи с этим представляют интерес факты, приведенные Гансом В. Аустом в его обширной статье «Западня «общего рынка». Автор напоминает, что еще в конце 1954 года в Западной Германии было создано общество с ограниченной ответственностью «Физикалише

вали себя в колониях германские милитаристы, изображать из себя невинных агнцев!

В статьях настоящего сборника вопрос о Еврафрике не нашел подробного освещения. Заслуживают, однако, внимания выводы обозревателя пражской газеты «Руде право», который подчеркивает: «Кризис французской колониальной политики вызвал заметный отлив французского частного капитала из Северной Африки. Западногерманский капитал может помочь заполнить эту брешь. Шеф рурского концерна Клекнера Генле заявил о готовности западногерманских монополий оказать помощь французскому империализму и принять участие в эксплуатации французских колоний».

Нетрудно предвидеть, кто положит в карман львиную долю дивидендов от этого предприятия!

Новые «европейские объединения» сколачиваются в обстановке гонки вооружений, создания бундесвера, превращения Западной Германии в атомный плацдарм Атлантического блока. Это создает особые опасности для мира в Европе, тем более что план Евратома непосредственно связан с предоставлением ядерного оружия германским милитаристам и налаживанием производства такого оружия в самой Западной Германии.

Атлантические политики пытаются ввести в заблуждение европейские народы, утверждая, будто Евратом не имеет ничего общего с ядерным вооружением Западной Германии и что новая организация явится даже средством контроля над производством атомной энергии в ФРГ. Любопытно проследить эволюцию подобных фальшивых доводов реакционной пропаганды. Когда заключались парижские соглашения, то авторы их утверждали, что Западная Германия вообще будет лишена права приобщиться к атомному бизнесу. Ныне та же пропаганда говорит уже о контроле над производством атомной энергии в Федеративной республике. Недалек день, когда будет объявлено, что гитлеровские генералы должны получить «право» использовать орудие массового уничтожения людей для «блага Европы» и «атлантической цивилизации», — ведь понятиями «Европа» и «цивилизация» издавна привыкли спекулировать все захватчики — от Наполеона и Бисмарка до Гитлера, когда они хотели звучной фразой прикрыть свои нечистые намерения.

штудиенгезельшафт», впоследствии расширенное, в которое вошли около трех десятков крупнейших концернов. Это своеобразный атомный трест частных компаний, заблаговременно объединившихся для атомного производства. В него вошли «АЭГ», «Сименс», «Гуте-хофнунгс-хютте», «Крупп», «Фарбверке-Хехст» и «Байер» (две последние компании являются отпрысками военно-химического треста ИГ Фарбениндустри) и другие концерны, чья связь с американским капиталом общеизвестна. Кроме того, в Бонне была создана правительственная «Немецкая атомная комиссия», в которой заседают представители этих же концернов, в том числе директор такого влиятельного американского предприятия в Западной Германии, как ЭССО («Стандард-ойл»). Все это показывает, что Западная Германия вступает в Евратом не только заранее подготовленной для конкурентной борьбы с французскими и другими западноевропейскими монополиями, желающими участвовать в производстве атомной энергии, но и связанной общностью агрессивных интересов с американским партнером.

Чего же стоят после этого торжественные заверения американских и боннских министров, что Федеративная республика якобы не будет сама производить атомные бомбы! Цена им ломаный грош, этим заверениям, тем более, что в течение многих месяцев вся дипломатическая и военная деятельность руководителей НАТО подчинена одному — расчистке путей к атомному вооружению бундесвера. Этому были посвящены решения сессии совета НАТО, принятые по инициативе Соединенных Штатов в Париже (декабрь 1956 года) и в Бонне (май 1957 года), визиты гитлеровских генералов в Вашингтон и американского главнокомандующего НАТО генерала Норстада в Бонн, многочисленные совещания дипломатов и военных.

Не удивительно, что в западноевропейских странах миллионы людей с беспокойством наблюдают за опасной игрой вдохновителей Евратома. Французский журнал «Франс нувель» еще в начале 1956 года писал в одной из своих статей, что «руководящий «европейский» атомный орган имеет целью передать месторождения, атомные исследования и целиком всю экономику шести стран, входящих в Европейское объединение угля и стали, под американский контроль, что позволило бы атом-

ным монополиям США не только тотчас же использовать новые открытия, но и помешать тому развитию в области атомной энергии, которое не в их интересах... Источники сырья, атомные и водородные бомбы для армии НАТО, разрешение на постройку новых заводов — все это подчинено в Евратоме воле США, конечно, не говоря уже о финансовой и экономической помощи».

Французский журнал приходит далее к некоторым небезынтесным выводам. Он пишет, что Евратом углубит раздоры между империалистами, лишит Францию возможности свободного развития в области атомной энергии и, как результат этого, возможности отстоять свою независимость. Создание этой организации приведет к тому, что «американские атомные бомбы будут служить армиям НАТО и, следовательно, странам — членам Евратома, в том числе Западной Германии». Наконец, «Франс нувель» подчеркивает, что Евратом противоречит проекту создания Международного атомного агентства, предусмотренного ООН для «организации подлинного сотрудничества всех стран с учетом их интересов, их суверенитета и дела мира в рамках всеобщего разоружения и контроля над этим разоружением с тем, чтобы запретить применение бомб массового разрушения».

В подобном же духе высказывается Оттавио Пасторе на страницах итальянского журнала «Ринашита». Разоблачая фальшивые заверения министра иностранных дел Мартино насчет того, что Западной Германии не будет позволено производить атомное оружие, автор не без иронии пишет: «По-видимому, невероятно, чтобы Германия (Западная. — Н. П.), принимая участие в производстве атомной энергии совместно с другими государствами, согласилась с тем, что лишь ее союзники смогут использовать эту энергию для военных целей». Да, это поистине невероятно!

С помощью Евратома и других филиалов НАТО хотят обезоружить западноевропейские страны перед германскими милитаристами и их американскими опекунами. Создание этих объединений нельзя расценивать иначе, как акт предательства интересов европейских народов, как попытку выдать западноевропейские страны на произвол германских магнатов и реваншистов, выступающих в качестве главных жандармов Вашингтона в

Европе. Факты, приведенные в статьях настоящего сборника, со всей убедительностью показывают, что такая политика вовсе не поможет участникам Евратома и «общего рынка» стать некой «третьей силой», «независимой» от Соединенных Штатов и способной «противостоять» им, как утверждает западная пропаганда.

Напротив, если стоять на реальной почве, то нельзя не видеть, что сколачивание новых европейских объединений сулит дополнительные экономические выгоды американским монополиям и усилит их влияние в Западной Европе. Широко известно, что в послевоенные годы они еще глубже внедрили в экономику Франции, Западной Германии, Италии и других западноевропейских стран. В каждой из них действуют десятки филиалов и дочерних компаний американских трестов и фирм, таких, как «Дженерал моторс», «Форд», «Стандард-ойл», «Дюпон де немур» и другие. Общая сумма прямых американских капиталовложений в шести странах «общего рынка» возросла за пять лет едва ли не вдвое — с 663 миллионов долларов в 1950 г. до 1154 миллионов долларов в 1955 году. Западногерманская газета «Штутгартер цейтунг» пишет, например, что дюссельдорфский филиал Бэнк оф Америка едва справляется с операциями американских фирм, пустивших корни в Западной Германии. В последнее время там обосновалась американская компания Генри Кайзера, имеющая предприятия по производству оборудования для прокатных цехов: расширяет свои владения Форд, имеющий большой завод в Кельне, и «Дженерал моторс», которому принадлежит фирма «Опель» в Рюссельгейме; открыла новый завод фирма «Катерпилар тракторс» и т. д. Все эти компании уже теперь приносят своим хозяевам весьма крупную долю той прибыли, которую американский капитал получает от торговли со странами Западной Европы. Легко представить себе, как взыграют духом эти компании, когда с их пути будут убраны порой довольно ощутимые таможенные барьеры.

Нельзя также забывать, что западноевропейские страны прочно привязаны к Соединенным Штатам как по линии военной помощи, так и во внешней торговле. Только в 1953—1955 годах западноевропейские страны получили, по американским статистическим данным,

6 миллиардов долларов военных субсидий. Ежегодно те же страны потребляют на многие миллионы долларов американского сырья, продовольствия и промышленных товаров. Хорошо известно, что без американских поставок нефти Англия и Франция оказались бы в дни суэцкой авантюры и после ее провала в катастрофическом положении.

Спрашивается: можно ли одним росчерком пера под договорами о Евратоме и «общем рынке» снять с Западной Европы все те бесчисленные путы экономической зависимости от США, которые были давным-давно на нее наложены и стали в последние годы еще более тяжелыми? Ответ может быть только отрицательный. В результате создания Евратома и «общего рынка» Западная Европа не только не обретет мифической независимости от Соединенных Штатов, а напротив, сами Соединенные Штаты, точнее, их монополистические круги, будут наживаться на «общем рынке» и Евратоме.

Возникает и другой вопрос: если от Евратома и «общего рынка» выигрывает прежде всего Западная Германия и ее американские покровители, то почему же тогда поставили свои подписи под соответствующими документами правительства Франции, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга? В основе этого лежит несколько причин. Прежде всего следует отметить, что оба объединения представляют собой сговор монополий, которые, как хорошо известно из истории, всегда пренебрегали национальными интересами народов в угоду своим узкокорыстным интересам. Жестокие конкурентные бои между монополиями никогда не мешали им заключать сделки за спиной и против трудящихся. Примером может служить знаменитый «Стальной картель» середины двадцатых годов, в котором очень быстро нашли общий язык магнаты тяжелой промышленности Германии, Франции, Бельгии и Люксембурга; в последующие годы к ним присоединились хозяева металлургических трестов Англии и США. Сколачивание этого картеля не устранило противоречий между его участниками. Но оно помогло им ускорить подготовку ко второй мировой войне. Ни объединение угля и стали, ни Евратом, ни «общий рынок» не вносят в такую практику ничего принципиально нового. Представители «200 семейств» Франции, которые в 1926 году вступили в

«Стальной картель», в 1938 году явились в Мюнхен, а в 1940 году привели свою страну к позорному столбу в Компьене, выступили в 1950 году с планом Шумана и в 1957 году настояли на подписании договоров о Евратоме и «общем рынке». Такова столбовая дорожка их предательства.

Не секрет, что во Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурге и Италии имеются магнаты крупной промышленности, которые с удовольствием наблюдают за активностью некоторых западногерманских концернов, так как давно стали их совладельцами. Не столь давно возник, например, консорциум «Гарпенер бергбау — Сидешар», в котором французские и западногерманские тресты, выражаясь фигурально, пожимают друг другу руки. Консорциум этот образовался не в последнюю очередь в результате ловких манипуляций рурского магната Фридриха Флика. Он проник во французское общество «Сосьете дез асьери э трефилиери де Нев-Мэзон Шатийон» и ряд других. В то же время он предоставил возможность французам приобрести львиную долю акций своего концерна «Гарпенер бергбау», что и было сделано парижским акционерным обществом «Сидешар» по поручению десяти крупнейших металлургических заводов Франции. В результате одно из самых ценных месторождений рурского угля оказалось во французских руках.

Сложный узел общих интересов французских и рурских магнатов завязывается в саарском городе Фольклингене, где находится твердыня концерна Рехлинга. Этот концерн используется обеими сторонами в качестве трамплина: французский капитал пробивает себе путь из Фольклингена в Рур, а рурский, в лице, кстати, того же Флика, — в Северную Африку. Так, минуя государственные рубежи, творят общее дело большого бизнеса монополии Западной Европы. Немецкий Экономический институт в Берлине, изучая этот процесс, пришел к выводу, что, например, в 1955 году французский капитал уже имел в Руре позиции, позволяющие ему контролировать 15 миллионов тонн ежегодной добычи западногерманского угля и немногим менее 6 миллионов тонн ежегодного выжига кокса.

Подобные факты проливают свет на закулисную подоплеку Евратома и «общего рынка». Но они вовсе не исчерпывают причин, побудивших известные монополисти-

ческие круги Франции, Бенилюкса и Италии пойти на новый сговор с германскими магнатами. Кое-кто из промышленников Франции рассчитывает нажиться за счет облегчения экспорта некоторых видов товаров, в отношении которых растут трудности сбыта. Этим дельцов мало трогает, что Франция в целом потеряет свободу действий во внешней торговле и будет вынуждена подчиняться распоряжениям иностранных монополий. Кое-кто из сельскохозяйственных капиталистов Италии надеется расширить рынок для продажи фруктов и овощей. Некоторые предпринимательские круги во Франции, Италии, в странах Бенилюкса надеются получить выигрыш от модернизации промышленных предприятий.

Наконец, монополистические круги всех шести западноевропейских стран едины в своем стремлении организовать новое наступление на права трудящихся и использовать снижение таможенных барьеров, чтобы переложить всю тяжесть торговой войны и конкурентных битв на плечи трудящихся. Здесь как раз и раскрывается зловещий смысл тех положений договора об «общем рынке», в которых речь идет об «уравнивании социальных условий», о «свободном перемещении рабочей силы» и т. д. Французских трудящихся, которые имеют в результате напряженной и долголетней борьбы большие социальные завоевания, чем трудящиеся Западной Германии или Италии, хотят заставить отказаться от этих завоеваний под предлогом «уравнивания». Правящие круги Италии попытаются со своей стороны избавиться от «лишних рабочих рук»: как известно, на безработицу в Италии обречено постоянно более двух миллионов человек. Не исключено, что сотни тысяч итальянцев будут направлены в другие страны «общего рынка». Но что их там ожидает? Самые тяжелые, опасные, низкооплачиваемые работы, полная зависимость от немецких и других иностранных монополий. С другой стороны, предприниматели, импортируя рабочую силу, будут оказывать постоянный нажим на трудящихся своих стран, требуя от них повиновения.

Вот что об этом пишет немецкий экономист Герхард Кегель в газете «Нейес Дейчланд»: «Одна из причин, побуждающих монополии стран, входящих в Европейское объединение угля и стали, создать малоевропейский таможенный союз, заключается как раз в том, что они намерены с помощью этого объединения торпедировать

требования трудящихся относительно более высокой заработной платы и улучшения социальных условий. Более того, создатели «общего рынка» намерены нивелировать уровень жизни и заработной платы в сторону снижения». Герхард Кегель напоминает в связи с этим об откровенном заявлении боннского министра хозяйства Эрхарда, грозившего в будущем подавлять движение рабочих за повышение заработной платы всеми средствами, включая «грубую силу».

В не менее ясных выражениях оценивает последствия создания Евратом и «общего рынка» для трудящихся Западной Европы профессор Бернар Лавернь. «Если бы самому дьяволу,— пишет он,— поручили выработать план, направленный на то, чтобы французский рабочий класс возненавидел и социалистическую партию, и МРП, и умеренных (типа г-на Пинэ), являющихся сторонниками создания «общего рынка», то он не мог бы придумать более эффективного средства... Создание общего рынка привело бы к тому, что подавляющее большинство наших рабочих вынуждено было бы на 20—30 процентов сократить свое питание; это привело бы к увеличению многомиллионной армии французских безработных, а правительство воображает, что французский пролетариат согласится или на значительное сокращение своего бюджета, или на массовую высылку в Германию, подобно тому, как это делалось во времена Лавалля, который отправлял десятки тысяч молодых французов на принудительные работы к нашим врагам».

В другом месте Лавернь приходит к выводу, что «общий рынок» неизбежно поставил бы Францию перед дилеммой: либо девальвировать на 40 процентов свою валюту, либо снизить на 20—30 процентов заработную плату всех рабочих, занятых в промышленности. Добавим от себя, что в сочетании с теми ударами, которые нанесут Евратом и «общий рынок» хозяйству и торговле его участников, подрывав их экономическую независимость, жертвы, которые выпадут на долю миллионов западноевропейских трудящихся, будут еще более серьезными.

Не все европейские критики обоих проектов правильно определяют их пагубную суть и извлекают отсюда необходимые выводы. Гамбургский журнал «Дер шпигель» снабжает свою статью об «общем рынке», помещаемую в этом сборнике, многозначительным заголовком — «Ры-

нок иллюзий». Журнал выступает против проекта таможенного союза шести стран, хотя и облекает свои мысли порой в несколько туманную форму. Но исходные позиции для критики у комментатора «Дер шпигель» не могут не вызвать возражений. Он склонен представить дело таким образом, будто «общий рынок» — это французская затея, «французский путь», с которым Западную Германию «заставило согласиться» дипломатическое мастерство Франции. Участие германских концернов в «общем рынке» журнал сводит к формуле, которую сам называет «несколько грубой»: «Германия платит для того, чтобы Франция могла заштопать самые большие дыры в своем постоянном дефиците». Но в этом ли заключается подлинная цель создателей «малой Европы»?

Журнал сетует на «пагубную привычку» Франции жить за счет якобы богатых родственников, какими, очевидно, следует считать западногерманских монополистов. Подобная точка зрения не имеет ничего общего с действительным положением вещей. Можно понять беспокойство гамбургского журнала за будущее западногерманской экономики и развитие ее сотрудничества с другими европейскими странами. Можно лишь приветствовать высказанную журналом правильную мысль о том, что «созданный «общий рынок» нагромождает новые препятствия на пути воссоединения». Эта мысль отражает законную тревогу немцев в связи с той угрозой, которая нависает над будущим Германии в результате углубления раскола Европы. Но нельзя, конечно, согласиться с предвзятым подходом комментатора журнала к опасностям, которые неизбежно вытекают из попыток подвести экономический фундамент под агрессивный Атлантический блок для каждой страны — участницы «общего рынка», в том числе для Франции и Западной Германии, да и не только для них.

В отличие от автора гамбургского журнала Герхард Кегель четко излагает в «Нейес Дейчланд» точку зрения прогрессивной немецкой общественности на планы Евратома и «общего рынка». Он подчеркивает, что речь идет об агрессивных экономических пактах, направленных своим острием прежде всего против социалистических стран. Эти пакты приведут к дальнейшему росту прибылей монополий и к дальнейшим тяготам для немцев, французов и других западноевропейских народов. В зак-

лючение обозреватель «Нейес Дейчланд» подчеркивает, что «общий рынок» и Евратом еще более углубят раскол Германии, углубят пропасть между двумя германскими государствами и превратят границу между ними в таможенную границу. «Все это еще более затруднит борьбу немецких патриотов за мирное воссоединение Германии в единое, миролюбивое, демократическое государство».

Новые пакты организаторов «малой Европы» принесут тяготы и бедствия не только тем странам, которые принимают в них участие, но и другим государствам Европы. Как относится к такой опасности Англия? Ее позиция сложна и противоречива. Тесно связанная со странами Британского содружества, Англия не может стать членом «общего рынка». В противном случае заморские рынки Англии, которые и так подвержены массивным атакам американских и германских монополий, стали бы добычей последних. План Еврафрики достаточно красноречиво иллюстрирует такую перспективу. Но Западная Европа всегда играла большую роль в английской внешней торговле. Безучастно относиться к тому, как германские монополии вкуче с американскими выхватывают буквально из-под носа Англии жирные куски в Европе и воздвигают вокруг рынка шести стран каменную стену торговых барьеров, в Лондоне не могут. Там с величайшей нервной напряженностью наблюдали за активностью дипломатов шести стран по сколачиванию новых объединений, тем более что и до их появления дефицит внешнеторгового баланса Англии, в особенности после бесславной колониальной экспедиции на берега Нила и Синайского полуострова, принял угрожающие размеры. В начале 1957 года он составил более 100 миллионов фунтов стерлингов против 74 миллионов за тот же период прошлого года. В правлениях автомобильных, металлургических, текстильных концернов Англии не на шутку встревожились. Эту тревогу и выразил на страницах лондонского журнала «Нью стейтсмен энд нэйшн» Т. Балог.

Он приходит к выводу, что замыслы сторонников «общего рынка» «опасны для благосостояния и Британии и Европы в целом». Опасны потому, что не могут «излечить ужасной экономической слабости Европы перед лицом растущего могущества и технического превосходства США и СССР». К тому же дело грозит «еще большими политическими разногласиями в силу тех проблем, кото-

рые обусловлены техническим превосходством Германии». «Общий рынок» еще более ухудшит и без того неважные отношения между Востоком и Западом, «заморозив в гигантском экономическом месиве раскол Германии», и ускорит процесс распада стерлинговой зоны.

Как видим, Т. Балог довольно здраво судит о последствиях создания таможенного союза шести стран. Он отдает себе отчет и в том, что выдвинутый английским правительством «встречный план», предусматривающий образование так называемой «зоны свободной торговли» в Европе, не спасет английскую экономику от ударов сильного германского соперника и не пополнит тающие золотые и долларовые запасы Англии. Свое более чем нелестное мнение об английском плане Т. Балог выразил так: «Подобный акт (то есть создание «зоны свободной торговли». — Н. П.) был бы немногим лучше безуспешной попытки неудачливого конкурента улучшить свое положение, изменив правила соревнований».

Иными словами, когда Т. Балог критикует различные проекты «европейского объединения», его доводы звучат убедительно. К сожалению, другое впечатление остается от ознакомления с его положительной программой. Прежде всего потому, что ее... по существу нет. Т. Балог попросту рекомендует наращивать золотые запасы, то есть класть монеты в кубышку, нисколько не заботясь о том, как Англия будет сводить концы с концами и каким образом она осуществит такую политику. Надо сказать, что у многих буржуазных публицистов Запада обнаруживается подобный недостаток: они умеют показать отрицательную сторону «малой Европы», но становятся робкими и неуверенными, когда требуется высказаться за ту или иную положительную программу.

* * *

Кому же, таким образом, выгодны планы сколачивания двух новых филиалов НАТО? «Ответ на этот вопрос,— указывается в Заявлении Министерства иностранных дел СССР о планах создания Евратома и «общего рынка»,— может быть только один — эти планы призваны служить интересам тех кругов в западных странах, которые хотят вооружить германских реваншистов ядерным оружием, обострить отношения между странами

Европы, создать новые препятствия на пути обеспечения мира и безопасности в Европе, еще больше затруднить восстановление национального единства германского народа, интересам тех, кто стремится лишить Францию и другие западноевропейские страны национального суверенитета, поставить их экономику в зависимость от западноевропейских монополий и помешать налаживанию общеевропейского экономического сотрудничества».

Что касается Советского Союза, то он всегда подчеркивал свое твердое убеждение в том, что подлинное решение экономических проблем, затрагивающих как интересы каждой европейской страны, так и решение всей проблемы экономического сотрудничества европейских стран, в том числе в области мирного использования атомной энергии, нельзя найти на основе создания новых замкнутых организаций государств, противопоставляемых другим странам Европы. Это решение может и должно быть найдено на общеевропейской основе, путем использования уже существующих организаций общеевропейского характера или создания новых организаций на таких условиях, которые приемлемы для всех европейских стран, независимо от их социального строя.

За такое мирное общеевропейское сотрудничество горячо высказывается все больше представителей общественности Запада и Востока Европы. Французский журнал «Франс нувель» подчеркивает в статье «За подлинное европейское сотрудничество», публикуемой в настоящем сборнике, что «широко сформулированное сотрудничество, предложенное СССР, позволило бы нашей стране восстановить ее традиционные коммерческие, научные и технические связи и с Востоком, которые были прерваны в результате холодной войны». Излагая советские предложения общеевропейского экономического сотрудничества, журнал отмечает, что они представляют собой «серьезное и разумное решение, которое наша страна не может игнорировать. Это путь мира и дружбы, истинного прогресса и подлинного и гармонического союза экономических районов комплекса европейских стран».

Подобные же мысли высказывает польский комментатор Ежи Ковалевский на страницах варшавской газеты «Трибуна люду». Он сравнивает советский проект «большой Европы» с атлантическими планами «малой Евро-

пы» и показывает, насколько первый проект действительно выгоден для всех европейских стран.

Современная Европа таит в себе огромные неиспользованные возможности для мирного экономического сотрудничества населяющих ее народов. Эти возможности ждут своего воплощения в реальные дела. Народы принесли в прошлом немало жертв, чтобы обуздать различных претендентов на мировое господство, вознамерившихся осуществить на практике древний миф о похищении Европы. Меньше всего хотят народы позволить творцам Атлантического блока пойти по этой дороге кровопролитных конфликтов, смерти и разрушений. Именно поэтому они делают все, чтобы никто не отваживался более на попытки похитить Европу, в каком бы облики ни выступал захватчик — легендарного ли быка, атлантического генерала или боннского жандарма на американской службе.

Н. Полянов.

Май 1957 г.

1

ЖУЛЬНИЧЕСТВО ЕВРАТОМА ¹

БЕРНАР ЛАВЕРНЬ,
ПРОФЕССОР ПАРИЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Предположим, что в один прекрасный день какое-либо частное лицо потребует от французского государства уступить ему в полную собственность весь уголь, добываемый во французских шахтах или импортируемый во Францию, а также право распределять весь этот уголь по такой цене, какую ему заблагорассудится установить между различными французскими или даже иностранными предприятиями, или совсем не распределять этот уголь, предпочитая создавать запасы. Несомненно, все сочтут, что этот человек — безумец, и постараются немедленно поместить его в больницу.

Однако в ту странную эпоху, в которую мы живем, невероятное порой оказывается реальным. Совсем недавно в Париже происходило совещание деятелей, прибывших из различных стран, которые, руководствуясь различными и порой противоположными намерениями, предложили передать — имея в виду самих себя и своих друзей — в их полную собственность огромный источник энергии, который завтра будет хозяином мира, а именно: все существующие в их странах месторождения урана или уран, который будет импортирован из иностранных государств, и право — для самих себя и своих близких друзей — распределять по собственному усмотрению и по цене, по какой они захотят, между различными странами это сырье, являющееся отныне источником всех богатств, а также политической и военной мощи.

Судите сами: некоторое число людей, собравшись 17 и 18 января в Париже в зале Брантинг, приняло резолюцию, которая, по их мнению, должна быть незамедлитель-

¹ «Трибюн де насьон», 3 февраля 1956 г., Франция.

но представлена парламентам шести стран «малой Европы». Эта резолюция предлагает создание Европейской комиссии по атомной энергии со следующими полномочиями:

«Необходимо, чтобы все ядерное горючее, произведенное или импортируемое на территории, находящееся под юрисдикцией наших стран, передавалось Европейской комиссии по атомной энергии... Комиссия должна сохранить исключительное право собственности на ядерное горючее на всем пути его преобразования. Она должна справедливо и без дискриминации передавать его в распоряжение тех, кто его использует».

Я верю, что читатели не будут введены в заблуждение этими добрыми намерениями. Поскольку договор просто-душно забывает определить, по каким нормам и каким путем уран будет распределяться «справедливо и без дискриминации», само собой разумеется, комиссия в этом отношении будет иметь неограниченные права. К тому же формально предусмотрено, что комиссия одна будет иметь неограниченное право собственности на все месторождения урана и на весь импортируемый уран. Впрочем, разве смысл собственности не заключается в праве поступать по собственному усмотрению с имуществом, которым обладают? Короче говоря, нет никакого сомнения в отношении следующего основного факта: эти господа, собравшись 18 января в Париже, требуют черным по белому экспроприировать без всякой компенсации у шести государств «малой Европы» их право собственности на уран, который находится на их территории, и предоставить им юридические права монопольной собственности на весь уран, который будет произведен в какой-либо из этих шести стран или который может быть импортирован, и право распределения этого драгоценного металла по собственному усмотрению.

Никогда права и прерогативы наших государств не были столь скандально и сильно урезаны, и об этом никогда даже не думали! В резолюции, конечно, говорится о необходимости объединения ресурсов европейских государств с тем, чтобы добиться быстрых успехов в атомной промышленности.

Некоторые научно-исследовательские работы в области ядерной энергии стоят очень дорого. Ни один здравомыслящий человек не станет заранее враждебно отно-

ситься к некоторому объединению финансовых ресурсов государств. В Женеве уже существует центр исследовательских работ в области ядерной энергии. Франция финансирует 24 процента всех его расходов. Все согласны с самим принципом проектов, инициатором которых является Организация европейского экономического сотрудничества, имеющих целью создание различных исследовательских центров и дружественную координацию деятельности различных стран в области создания атомных установок, как это указано в замечательном докладе Луи Армана. Это здоровые идеи. Что же касается того, как сказал Ги Молле в Национальном собрании 31 января, что Европа благодаря Евратому станет с атомной точки зрения равной США и СССР, то это является жалким хвастовством, и мы уже слышали нечто подобное, когда французскому парламенту было предложено принять план Шумана относительно Объединения угля и стали. С другой стороны, если некоторые научные работы стоят очень дорого, то расходы на строительство обычных атомных установок не так велики, чтобы Франция, Германия и Италия не могли сами их построить в наилучших условиях. Это — расходы порядка расходов на строительство современного крейсера. Абсурдно заявлять, что для создания атомной промышленности нашим шести государствам нужно объединить свои ресурсы. Угольно-стальной пул должен был также объединить ресурсы шести стран. Это утверждение являлось не чем иным, как ужасной ложью. Один из результатов заключался в том, что соперничество между Францией и Германией доведено до еще не виданных масштабов. Конкуренция всегда является синонимом борьбы, а не «объединения» усилий, как это целыми днями нелепо повторяют наши политические деятели.

Поэтому не надо заблуждаться: точно так же, как основная цель Объединения угля и стали заключалась не в снижении стоимости жизни (наоборот, цены на уголь и сталь значительно возросли), а в объединении Европы, точно так же основная цель пресловутого атомного сообщества заключается в создании германской Европы путем уничтожения прежде всего Франции, главного соперника Германии на европейском континенте. Этот проект внешне носит экономический характер и ставит своей целью обеспечение интересов человечества. Это обман.

Его цель прежде всего является политической. Заслуга заговорщиков 18 января в том, что они сами признались в этом.

Прежде чем пойти дальше в этом анализе, обсудим более подробно значение выдвинутого принципа, поскольку связанные с ним притязания так велики, что на первый взгляд трудно-заметить его скандальный характер и кажется даже, что это шутка. Французское государство в настоящее время является единственным собственником всех месторождений урана, которые существуют или могут быть открыты на национальной территории. Близ Лиможа имеются весьма большие месторождения. Французское государство одно имеет право импортировать из-за границы эту ценную руду. Во всех странах мира господствует тот же принцип. Нет ничего более естественного, чем это стремление любого современного государства сохранить в своих руках это сырье, использование которого обусловит завтра все экономическое развитие наших стран и уже революционизировало все средства военной обороны. Уран становится основным стержнем экономической жизни и военной мощи государств — в сто раз больше, чем уголь или электро-энергия. Любой орган, который монопольно обладал бы исключительным правом распределять по собственному усмотрению ценную руду между различными государствами, явился бы, таким образом, абсолютным хозяином этих государств. Подобная привилегия была бы почти столь же действенной и ограничивающей свободу, как привилегия, которая заключалась бы в обладании исключительным правом давать жителям страны возможность пользоваться водой или воздухом, необходимым и для их жизни, или отказывать им в этом.

В эпоху, когда во всех странах государственная власть все больше и больше берет в свои руки контроль, а порой даже приобретает право собственности на все основное сырье, необходимое для промышленности, нельзя себе представить, чтобы комитет, состоящий из небольшого числа людей, мог осмелиться предложить государствам добровольно лишить себя в их пользу или пользу их друзей величайших экономических богатств и огромной военной мощи современного типа.

Было время, когда государственная власть была столь слаба, что она соглашалась с любым расчленением почти

вплоть до исчезновения. Так было в средние века, когда многие крупные вассалы, как герцог Бургонский, были сильнее, чем их теоретический сюзерен — король Франции.

И вот Комитет 18 января хладнокровно предлагает шести государствам «малой Европы» пойти на подобное урезывание своих прав. Короче говоря, именно они — члены Евратома — стали бы королями и хозяевами этих государств. А, впрочем, почему они, а не другие граждане этих государств? Любой француз имеет такое же право, или, вернее, не имеет права, как и заговорщики 18 января, стать диктатором Европы. Разве члены вышеуказанного Комитета предлагают Франции и Бельгии, которые единственные из 6 стран располагают месторождениями урана, предоставить им некоторую компенсацию в виде закупочной цены этих огромных богатств? Нисколько. Они требуют, чтобы «исключительное право собственности на ядерное горючее на всем пути его преобразования было передано им бесплатно». Можно подумать, что такая дерзость приснилась. Мы являемся свидетелями самой дерзкой попытки мошенничества, которая когда-либо имела место, с целью ограбить наши современные государства, лишив их самых необходимых и самых законных ценностей и прав.

Попытка ограбления наших шести государств, пагубная с экономической и политической точек зрения, явилась бы не менее катастрофичной с военной точки зрения. Лично мы не очень верим в целесообразность или, во всяком случае, возможность для Франции создать, по крайней мере в течение длительного времени, атомную и водородную бомбы. Однако совершенно недопустимо, чтобы наша страна заранее по международному договору отказалась от права использовать в военных целях расщепление атома. Ни Швеция, ни Швейцария — страны в основном миролюбивые, ни какая-либо другая страна мира не согласились на подобное урезывание своих прав...

Пока ядерное оружие не запрещено по соглашению об общем и контролируемом разоружении, заключенному прежде всего между Америкой и СССР, с нашей стороны было бы безумием отказываться — единственным в мире — от права использовать атом в целях военной обороны.

В конечном счете атомная энергия может быть использована для других военных целей, помимо строительства ядерных снарядов. США уже имеют две-три подводные лодки с атомным двигателем. Завтра не только все подводные лодки, но все суда, плавающие на поверхности моря, будут иметь в качестве источника энергии расщепление атома. Комитет же 18 января указал в начале своей декларации об абсолютном запрещении для шести государств, использовать атом для других целей, помимо мирных. Это является одной из приманок, которые он использует, чтобы обмануть доверие неосведомленных людей. Если бы этот принцип был принят, то в будущем, когда все торговые суда имели бы в качестве двигательной силы атом, наши военные корабли — французские, германские и итальянские, даже плавающие на поверхности, — были бы обречены сохранить в качестве горючего уголь или мазут! Только это одно следствие плана, разработанного заговорщиками 18 января, делало бы этот план абсолютно неприемлемым. Таким образом, в военной области, как и в экономической и политической, Франция и пять остальных стран «малой Европы», согласившись с проектом, покорились бы необходимости находиться в абсурдном подчинении у других стран мира. Этот пагубный проект, далеко не освобождая Европу, как это считал возможным заявить Ги Молле (подумал ли только он о некоторых последствиях, к которым, по-видимому, приведет Евратом?), обезоружил бы Европу и поставил бы ее в зависимость от всех стран мира. Пусть Ги Молле найдет ответ на это возражение.

В этих условиях нет ничего удивительного, что германский министр по атомным вопросам Штраусс заявил, что боннское правительство отклоняет этот проект пула. На этот раз мы соглашаемся с министром Федеративной республики. Крупная германская промышленность в лице Менде также отклоняет проект Евратома по крайней мере в его нынешней форме. Опасность для нас заключается в том, что Германия может добиться изменения договора в том смысле, что будет разрешено военное использование атома, или, согласившись с нынешним договором, она нарушит в дальнейшем это запрещение. Поскольку Германия не имеет ни грамма урана, Евратом в качестве первого следствия договора должен будет щедро снабдить ее, то есть мы, французы, должны будем пере-

дать Германии значительную часть урана, добытого на наших собственных французских месторождениях. Вы видите, что опять-таки объединение Европы для Франции означает необходимость давать и ничего не получать в обмен.

По всем этим причинам нужно, безусловно, предпочесть проекту Евратома проекты, разработанные Организацией европейского экономического сотрудничества: они оставляют государствам уран, который они имеют или купят за границей. Эти проекты, являющиеся гораздо более гибкими, предусматривают известную полюбовную координацию европейских проектов, касающихся некоторых специализированных ядерных установок. Международные ядерные организации, как например ядерный центр, который уже функционирует в Женеве, уже созданы или находятся на пути создания. Между этими различными проектами и проектом, предложенным Комитетом 18 января, имеется огромная разница в структуре и значении. Все решения, которые используют уран в качестве предлога для того, чтобы разоружить наши государства и построить на их развалинах новую «Германскую священную империю», первой жертвой которой была бы Франция, являются безумными и жульническими, как тот проект, инициаторами которого нагло или бессознательно выступили заговорщики 18 января.

ЧТО ТАКОЕ ЕВРАТОМ?¹

В своей правительственной декларации Ги Молле дал понять, что его правительство ставит своей задачей «добиться заключения до лета договора, учреждающего «Евратом».

Как известно, Ги Молле является членом Комитета действия по созданию Соединенных Штатов Европы, возглавляемого Жаном Моннэ. Этот бывший председатель Европейского объединения угля и стали ушел в отставку, чтобы взять в руки жезл «Европейской федерации» — предприятия, потерпевшего крах при отклонении Европейского оборонительного сообщества.

«Революционный» проект, подобный проекту Европейского объединения угля и стали

Тридцать пять деятелей — председателей или секретарей партий, социалистов, христианских демократов и либералов, к которым присоединились несколько представителей раскольнических западноевропейских профсоюзов, — образуют в основном этот комитет Жана Моннэ. Эти политики добиваются, чтобы парламенты шести стран «малой Европы» уделили свое внимание их проекту Евратома, который они сами расценили как «революционный».

Если вспомнить, то в прошлом то же самое говорилось в отношении проекта угольно-стального пула, чтобы замаскировать от масс классическую попытку провести картелизацию угольно-металлургической промышленности и создание наднациональной политической власти,

¹ «Франс нувель», 4 февраля 1956 г., Франция.

предвосхищающей Европейское оборонительное сообщество и Федерацию государств «малой Европы».

Однако нельзя сказать, что технократы из комитета Жана Моннэ представляют лишь самих себя и что их стремление навязать в кратчайший срок создание пула из атомных ресурсов «малой Европы» является лишь одним из аспектов их обычных, антидемократических методов.

Политика Евратома

Они представляют собой — независимо от общеизвестного престижа, которым пользуется г-н Моннэ в США, — упорное стремление объединить в интересах США не только европейские государства, их уголь и железный лом, но теперь также и экономические и научные средства, которые атомная энергия может развить в масштабах, которые трудно точно предвидеть.

Если каждое из этих государств смогло бы благодаря своим собственным ресурсам удешевить свои экономические возможности, используя неограниченные силы атомной энергии, то что стало бы с американским превосходством и с мечтами вечно сохранять американский контроль над этими странами?

Однако вопрос не поставлен таким образом. Вопрос об атомной энергии поставлен вверх ногами, так же как это было сделано в отношении угля и стали и в отношении армий Западной Европы и боннского вермахта.

Комитет Жана Моннэ хочет подстегнуть движение за «европейское возрождение», но с учетом уроков провала Европейского оборонительного сообщества. Он уже видит бьющую ключом федеральную Европу, «действующую», как говорят специалисты на своем жаргоне, одновременно и в области доменных печей и в области атомных электростанций Евратома.

Однако его инициатива носит прежде всего политический характер, а не технический и экономический. Поэтому Евратом должен быть отвергнут так же, как все проекты «европейской» политической интеграции, ибо он преследует цель подорвать основы национального суверенитета, передать власть парламентов, представляющих нации, ограниченному кругу финансистов и монополистов, которые управляют государственным департаментом США.

Возражения, которые мы продолжаем выдвигать против установления так называемой наднациональной власти над европейскими странами, сохраняют все свое значение и по отношению к Евратому.

США стремятся захватить урановые рудники

Рассмотрим теперь экономические и технические обоснования, которые приводят сторонники Евратома.

Прежде всего, имея в виду совместное заявление, опубликованное 19 января комитетом Жана Моннэ, следует спросить: как будет осуществляться достаточное снабжение ядерным горючим?

Именно этот «европейский» атомный руководящий орган, состав которого напоминает состав руководящего органа угольно-стального пула, «должен,— как говорится в совместной декларации комитета Моннэ,— быть единственным органом, правомочным вести переговоры и заключать с другими странами все соглашения, необходимые для осуществления его миссии, и, в частности, в отношении снабжения ядерным сырьем».

«Права и обязанности стран-участниц, вытекающие из действующих соглашений по вопросу о мирном использовании атомной энергии, должны быть переданы комиссии с оговоркой о согласии стран, с которыми заключены соглашения».

Иначе говоря, урановая руда может закупаться лишь через Объединение, включая долю, причитающуюся Бельгии по ее соглашению с США относительно урана, добываемого в Бельгийском Конго.

Эта оговорка предполагает переговоры между руководящим атомным органом «малой Европы», США и Великобританией. Две последние страны на основании соглашения, заключенного с Бельгией в ноябре прошлого года, располагают 90 процентами урана Бельгийского Конго, добытого в 1956 и 1957 годах, и 75 процентами в течение трех последующих лет. Бельгия не имеет права продавать причитающуюся ей часть без консультации со своими союзниками, которые, особенно США, занимают монопольное положение и имеют возможность оказывать сильное давление на западноевропейские страны.

Это давление достаточно свидетельствует об англо-американском антагонизме в самом руководящем атом-

ном органе, который предлагается создать, что еще более затруднит снабжение.

США стремились обеспечить себе мировую монополию в области термоядерного оружия, а также в области промышленного производства атомной энергии.

Однако из-за чрезвычайных успехов в этой области Советского Союза этот план потерпел неудачу.

Вот почему США стремятся в максимальной степени распространить свои монополистические притязания на зависимые от них капиталистические страны Европы.

Таким образом, руководящий «европейский» атомный орган имеет целью передать месторождения, атомные исследования и целиком всю экономику шести стран, входящих в Европейское объединение угля и стали, под американский контроль, что позволило бы атомным монополиям США не только тотчас же использовать новые открытия, но и помешать тому развитию в области атомной энергии, которое не в их интересах.

Позиция Великобритании

Это обстоятельство объясняет, почему Великобритания выступает против проекта Евратома и покровительствует проекту создания атомного пула, который поспешно разработала по ее инициативе Организация европейского экономического сотрудничества. Этот проект выдвигает форму сотрудничества, более разнообразную и вместе с тем учитывающую национальные интересы.

Следует уточнить, что Англия является участником и играет преобладающую роль в Организации европейского экономического сотрудничества, в то время как она не член Европейского объединения угля и стали, по образцу которого хотят создать Евратом.

Проект Организации европейского экономического сотрудничества и комитет Жана Монне являются конкретным выражением противоречий интересов Великобритании и США по вопросу об атомной энергии. Это положение уже вызвало сопротивление в Бельгии, где либералы требуют, чтобы каждая страна, участвующая в атомном органе западных стран, соблюдала принцип взаимности, то есть чтобы она предоставляла в его распоряжение свои урановые рудники и свои промышленные предприятия.

Поскольку Франция является среди шести стран Евратома самым значительным после Бельгии производителем сырья, Евратом направлен на то, чтобы лишить нашу страну основных ресурсов, необходимых для ее промышленного развития и развития в области атомной энергии — основы ее независимости.

Предварительные разрешения

Это еще усугубляется тем, что совместная декларация комитета Моннэ гласит, что «создание и эксплуатация ядерных сооружений потребуют предварительного» разрешения, которое будет предоставляться комиссией по выполнению условий в области переработки и использовании горючего и обеспечения безопасности рабочей силы и населения».

Если не встречает возражений подлинное европейское сотрудничество в области обмена научной информацией по вопросу о безопасности и т. п., по непонятно, почему требуется специальное разрешение для создания атомных заводов, например, на территории Франции или какой-либо иной европейской страны. Предусматриваемая комиссия будет играть роль тормоза в развитии использования атомной энергии в Европе, а это показывает, что ее цель — служить отнюдь не интересам европейских стран.

Великобритания, занявшая определенную позицию по вопросу об атомной энергии, строит или собирается строить атомные электростанции, не спросив мнения комитета Жана Моннэ. Трудности, с которыми Великобритания сталкивается в отношениях со своим атлантическим союзником США с 1945 года и поныне и которые явились объектом обсуждения между Иденом и Эйзенхауэром, достаточно показывают, что Евратом вдохновляется американцами, является американской машиной по контролю и руководству с тем, чтобы захватить наиболее важные источники урана, находящиеся в капиталистическом мире, расположенные в Бельгийском Конго и на других территориях, принадлежащих Франции и Великобритании.

Деятельность исключительно гражданская

Утверждают, что деятельность Евратома будет «исключительно гражданская» и что таково как предварительное, так и окончательное решение его инициаторов.

Однако в то же время было заявлено, что Атлантический пакт остается единственной гарантией безопасности «свободного мира». Известно, что последняя сессия НАТО в Париже включила атомные бомбы на вооружение стран Североатлантического союза.

Предварительное решение, о котором идет речь, однако, означает, что термоядерная защита США будет достаточна для обороны Западной Европы и что, исходя из этого факта, не будет необходимым тратить крупные суммы, чтобы производить ядерное оружие. Американские бомбы будут защищать Евратом. Иначе говоря, США, которые обязали европейские страны тратить каждый год миллиардные суммы для того, чтобы создать армию НАТО, хотят при помощи Евратома, который они полностью поддерживают, дать конкретные гарантии американским монополиям в отношении возможностей американских сателлитов в последующем также изготовлять ядерное оружие.

Источники сырья, атомные и водородные бомбы для армии НАТО, разрешение на постройку новых заводов — все это подчинено в Евратоме воле США, конечно, не говоря уже о финансовой и экономической помощи.

Великобритания на собственной шкуре узнала, что означает для нее англо-американское атомное сотрудничество и «ограниченное доверие в англо-американском товариществе», которое США оказывают, по горькому признанию «Таймс», своему верному союзнику.

Игра Западной Германии

Следует также добавить в связи с этим, что Великобритания ищет пути укрепления своих позиций, разбитых повсюду Соединенными Штатами Америки, организуя сотрудничество с монополиями Западной Германии. Именно с этой целью боннский министр по атомным вопросам Франц Штраусс ездил в Англию в конце 1955 года, а его предварительные переговоры в Лондоне проводились другими путями даже в момент, когда была выдвинута идея Евратома.

Западногерманские монополии охотно проводят собственную империалистическую атомную политику.

Ясно, что так называемая оппозиция германских промышленников к Евратому носит чисто тактический

характер, который позволяет им одновременно поддерживать англичан, американцев и «европейскую сторону». Это отвечает будущим планам боннских реваншистов, которые мечтают о том, чтобы господствовать над «малой Европой» экономически, политически и в области атомной энергии, а также играть роль первой скрипки в американском оркестре.

Существо Евратома

Таким образом, основные аргументы, выдвигаемые с целью оправдать создание Евратома, не выдерживают критики при соприкосновении с фактами. Ни претензия на якобы «наднациональный» и мирный характер, ни обещания сотрудничества в целях преодоления технических и финансовых трудностей не могут затемнить тех фактов, что:

1. По образцу Европейского объединения угля и стали авторы Евратома стремятся организовать атомные картели, которые будут распоряжаться новой и многообещающей энергией.

2. Евратом усугубляет раздоры между империалистами.

3. Евратом преследует цель лишить Францию возможности свободного развития в области атомной энергии и, как результат этого, возможности отвоевать свою независимость.

4. Он не дает решения основных вопросов разоружения потому, что американские атомные бомбы будут служить армиям НАТО и, следовательно, странам — членам Евратома, в том числе Западной Германии.

5. Он противоречит проекту создания Международного атомного агентства, предусмотренного ООН для организации подлинного сотрудничества всех стран с учетом их интересов, их суверенитета и дела мира в рамках всеобщего разоружения и контроля над этим разоружением с тем, чтобы запретить применение бомб массового разрушения.

Таковы основные характерные черты Евратома, который хотят создать до наступления лета, то есть в тот же период, когда под эгидой Организации Объединенных Наций начнутся переговоры о разоружении.

ЕВРАТОМ И РАЗОРУЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСУДАРСТВА ¹

БЕРНАР ЛАВЕРНЬ,
ПРОФЕССОР ПАРИЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Я указывал на экономическое и военное значение положения, которое выдвинуто теми, кто хочет разоружить наши западные государства, и которое заключается в следующем: они — простые технократы или простые частные лица — намерены конфисковать в свою пользу юридически неотъемлемое право собственности на весь уран, находящийся в шести странах сообщества, независимо от его формы. То, что мы увидели, уже немало. Но самомнению наглеца нет пределов. Лица, которые расхищают государственную собственность, выдвигают новые притязания. Что говорится в пункте «б» резолюции от 18 января?

«Для строительства и эксплуатации ядерных реакторов необходимо предварительное разрешение, которое комиссия даст, когда будут выполнены условия, которые предоставляют ей возможность следить за преобразованием и использованием горючего, а также наблюдать за охраной безопасности рабочих и населения.

Правила охраны безопасности, которые нужно соблюдать при перевозке и обработке материалов, строительстве и эксплуатации реакторов, удалении отходов, должны быть определены комиссией вместе с международными организациями, и в частности ООН. Она должна обеспечить их применение».

Этот документ совершенно ясен. Даже в том случае, если то или иное государство получит по усмотрению комиссии некоторое количество урана, это государство не будет иметь права строить установки, которые ему представляются наиболее подходящими для использо-

¹ «Трибюн де насьон», 10 февраля 1956 г., Франция.

вания ценного металла. Действительно, не только необходимо предварительное разрешение комиссии на строительство и эксплуатацию всех ядерных установок, но комиссия потребует предоставления ей возможности следить за преобразованием ядерного горючего на всех стадиях производства.

Таким образом, в силу этого предварительного разрешения и постоянного контроля комиссия сможет запретить тому или иному государству извлекать из руды какие-либо продукты, что потребовало бы создания специальной установки. В то же время она сможет разрешить подобную установку другой стране «малой Европы». Поскольку комиссия является полной хозяйкой своих решений, она сможет позволить одному то, что она под каким-либо предлогом запретит другим.

Более того, комиссия имела бы право следить за охраной безопасности рабочих и населения, разрабатывать правила охраны безопасности, которые необходимо соблюдать при перевозке и обработке ядерных материалов, при строительстве и эксплуатации реакторов и удалении отходов. Тем самым комиссия имела бы неограниченные права; ни одно из государств, которые строят эти реакторы, не будет хозяином у себя в стране, поскольку комиссия, как говорится в документе, должна будет «обеспечить применение этих правил». Одним словом, подлинным хозяином всех этих сооружений будет комиссия, а не государство, которое несет все расходы.

В конечном счете комиссия будет иметь полное юридическое право собственности не только на весь уран, производимый в наших государствах, но и на месторождения вообще; другими словами, создается впечатление, как будто бы ей самой поручена эксплуатация месторождений и она стала их владельцем, — ибо какая разница между правом собственности на руду и правом собственности на сами рудники? Чего стоит рудник, если не иметь в виду все руды, которые в нем содержатся?

Все это настолько скандально, что трудно представить себе, что Франция и Бельгия — страны «малой Европы», владеющие месторождениями урана, смогут согласиться продолжать из года в год нести расходы по извлечению руды и затем бесплатно уступить указанной комиссии всю продукцию рудников. Подобные подарки, единственные в своем роде, недопустимы, поскольку эти

подарки будут означать систематическую кражу, совершаемую в ущерб государствам. Кроме того, непонятно, каким образом комиссия, которая не располагает никакими капиталами, может одна взять на себя эксплуатацию всех месторождений, имеющихся во Франции и Бельгийском Конго.

Комиссия будет также полной хозяйкой всех ядерных установок, в то время как она за них ничего не заплатила. В этих сооружениях нельзя будет абсолютно ничего сделать без ее постоянного контроля. Французское государство построило, израсходовав большие деньги, в Маркуле (департамент Гар) завод, где будут созданы первые большие атомные реакторы в нашей стране. Это предприятие, как и все последующие, фактически будет находиться в непосредственном подчинении комиссии. Последняя останется собственницей урана, какие бы преобразования он ни претерпевал по мере того, как он будет проходить последовательные стадии подготовки.

В пункте «а» резолюции говорится следующее: «Это положение (передача комиссии права собственности на уран) не будет затрагивать выполнения ныне действующих международных обязательств». Это означает, что комиссия не намерена аннулировать соглашение, по которому Бельгия поставляла США и Англии 90 процентов продукции урана в Бельгийском Конго, — это количество должно быть сведено к 75 процентам. Каким образом комиссия смогла бы порвать контракт, выполнение которого является важным для ядерной промышленности США и Англии? Если Франция с 1948 года проявляет жалкое малодушие, то этого нельзя сказать о США, которые не потерпят, чтобы посягнули на их права, признанные по договору.

Поэтому Комитету, заседавшему 18 января, пришлось делать хорошую мину при плохой игре. Но если он не смог нанести ущерб Америке и Англии и уничтожить значительные преимущества, которыми эти государства пользуются по договору, данный Комитет намерен не только полностью связать на будущее в отношении всех ядерных материалов шесть стран, но и определенно потребовать передачи себе всех прав, которые до настоящего времени принадлежат шести государствам. Таков явный смысл абзаца, которым заканчивается резолюция Комитета: «Комиссия должна одна иметь

право вести переговоры и заключать с третьими странами любые договоры, необходимые для выполнения ее миссии, и в частности в отношении снабжения ядерным сырьем. Права и обязательства стран-участниц, вытекающие из действующих соглашений об использовании атомной энергии в мирных целях, должны быть переданы комиссии при условии согласия третьих стран, с которыми были заключены эти соглашения».

Никакое сомнение невозможно: будущая комиссия намерена окончательно и полностью присвоить себе все права, которые шесть стран в прошлом смогли приобрести в результате международных соглашений. Что касается права вести переговоры в будущем в этой области, шесть стран уступают это право в пользу комиссии, которая отныне займет их место как полноправная хозяйка.

О некоторых влиятельных организациях часто говорили, что они являются государством в государстве. Здесь не может быть никакого сомнения: Европейская комиссия по атомной энергии сразу же станет сверхгосударством, которое будет решать вопрос жизни и смерти так называемых шести государств, ставших отныне скромными вотчинами, простым географическим понятием, лишенным всякой автономии и всякой политической власти, поскольку завтра главным источником промышленной энергии станет атом.

Вернемся к тем, кто расхищает собственность наших современных государств. Желая представить свои притязания в менее скандальном виде, они постарались прикинуться простаками. Прежде всего они сочли необходимым сказать, что предполагаемый пакт будет широко открыт для любого государства, которое захочет к нему присоединиться:

«В частности, должны быть приложены все усилия, чтобы добиться полного участия Великобритании. Если Великобритания не согласится полностью участвовать, должны быть, во всяком случае, приняты необходимые меры для того, чтобы добиться ее тесной ассоциации».

Эти две фразы являются лишь грубой уловкой, имеющей целью обмануть наивных людей, которых — увы! — довольно много во Франции. Великобритания в течение 10 лет упорно отказывалась от участия во всех «европейских» планах, серьезно советуя (так делал Чер-

чилль) другим странам присоединиться к ним. В довершение всего она производит водородные бомбы — премьер-министр Иден торжественно сообщил, что Англия этим летом будет испытывать их в Тихом океане. Можно ли представить себе, что Великобритания хотя бы на одну минуту может подумать о коренном изменении всей своей тщательно разработанной атомной политики и связать себя по рукам и ногам, как это предлагает Комитет 18 января? Представить себе на одну минуту, что Лондон может когда-либо пойти на подобное отречение, равносильно предположению, что английские министры — типичные простаки. Между тем они далеки от этого! От всего этого пункта, касающегося присоединения новых государств к атомному пакту, веет лицемерием и ложью. Мы знаем, что это — любимое оружие этих господ, все одних и тех же, которые в течение 10 лет добиваются разоружения французского государства с тем, чтобы привести его в состояние полного бессилия.

Эти господа приняли вторую меру предосторожности: они сделали вид, что предлагают кое-какие гарантии государствам, которые они хотят превратить в свои жертвы. В этом отношении они не старались придумать что-то новое, так как эти гарантии сводятся в конечном счете к тем, которые были, так сказать, даны инициаторами Европейского объединения угля и стали шести странам «малой Европы». Структура атомного сообщества не была уточнена, но все свидетельствует о том, что по своей организации оно и объединение угля и стали — близнецы. В конце концов, одни и те же лица придумали и то и другое.

Резолюция указывает, что «парламентский контроль над комиссией должен осуществляться совместной Ассамблеей, а юридический контроль — судом Европейского объединения угля и стали».

Можно ли сомневаться, что эти мнимые гарантии являются чисто иллюзорными? Так называемая совместная Ассамблея, которая имеет своей целью контролировать деятельность высшего органа, являющегося главной пружиной угольно-стального пула, заседает 4—5 недель ежегодно. Она состоит из «европейцев», готовых заранее согласиться с объяснениями высшего органа, и поэтому она является лишь бюро по регистрации решений высше-

го органа. В конечном счете, что может сделать Ассамблея, которая заседает один месяц в году? Что касается суда, название которого является весьма неточным, так как он скорее похож на трибунал административного порядка, то его власть может быть лишь весьма ограниченной, если организаторы будущего сообщества постараются, как и организаторы угольно-стального пула, передать комиссии по атомной энергии столь широкие полномочия, что практически она не будет иметь повода, даже если и захочет, выйти за их пределы. В течение почти трех лет функционирования угольного объединения суд ни в чем не препятствовал решениям высшего органа. Быть членом суда является функцией, значение которой не может быть преувеличено. Мы уже видели, что, согласно положениям будущего атомного сообщества, его комиссариату предоставляются неограниченные права. Таким образом, две гарантии, которые нам предлагают заговорщики 18 января, являются лишь грубой ловушкой. По-видимому, они неправильно считали всех своих соотечественников людьми, лишенными всякого разума!

СИРЕНЫ ЕВРАТОМА НЕ ПЕРЕСТАЛИ ПЕТЬ¹

БЕРНАР ЛАВЕРНЬ,
ПРОФЕССОР ПАРИЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В наших двух предыдущих статьях мы видели, что вопреки утверждениям изобретателей проекта Евратома (Европейского сообщества по атомной энергии) государства, которые проявили бы из ряда вон выходящую слабость, присоединившись к нему, были бы лишены всех фактических гарантий. И наоборот, эти господа не скупятся на громкие, красивые слова, ибо торжественные и пышные заверения ничего не стоят. Так почему бы не быть в этом отношении расточительным? С тех пор как была составлена преамбула договора, учреждающего сообщество угля и стали, нам все время поют одну и ту же песню. Резолюция от 18 января гласит, что «надежды наших народов на улучшение условий жизни, на справедливость, свободу и мир совершенно не оправдываются, если национальные усилия останутся разъединенными».

Мы, без сомнения, должны обладать странно извращенным умом, чтобы осмеливаться не видеть в заговорщиках 18 января благодетелей всего человечества. Не только жизненный уровень, но и «справедливость, свобода и мир», если им верить в этом, будут обеспечены благодаря гениальной инициативе этих господ. Не ясно, при чем здесь справедливость? Еще менее ясно, каким образом экономическое, политическое и военное всемогущество, которое шесть государств «малой Европы» согласились бы передать членам комиссии по атомной энергии, привело бы к расцвету «свободы народов». Без сомнения, эти господа, собравшиеся в зале Брантинг, вспомнили о совете дон Базилио: «Лгите, лгите, всегда

¹ «Трибюн де насьон», 17 февраля 1956 г., Франция.

что-нибудь останется». Этим не ограничивается честолюбие этих новых благодетелей рода человеческого: «Наши страны должны объединить свои ресурсы и свои усилия. Поэтому мы проявили инициативу в создании Комитета действия по созданию Соединенных Штатов Европы. Комитет обеспечит единство действий организаций, которые являются его членами, дабы добиться с помощью конкретных последовательных достижений создания Соединенных Штатов Европы». Как и шесть министров, собравшихся недавно в Мессине, Комитет «полагает, что следует продолжать создание единой Европы путем развития общих институтов, постепенного слияния национальной экономики, создания рынка и постепенной организации их (стран-участниц — *Прим. ред.*) социальной политики».

Как же нам не прийти в восторг от подобных перспектив? Собираются осуществить слияние национальных экономик, создать «общий рынок», иными словами, установить свободный обмен посредством упразднения всех таможенных пошлин, постепенно согласовать законодательство различных стран.

Если бы редакторы проекта представили эти сами по себе весьма желательные цели в качестве идеалов, которые, быть может, будут достигнуты через одно-два столетия, никто бы не мог порицать их за это. Но обман, к тому же сознательный, заключается в том, что эти идеалы изображаются как осуществимые в течение нескольких лет!

Фактически если взять нынешний период, то между Францией и Западной Германией существует более ожесточенное, чем когда-либо, соперничество, и неискренность германских правителей осталась совершенно прежней, иными словами, полной. Свидетельством того является упорный отказ боннских министров от строительства системы каналов на Мозеле, потому что это строительство было бы в интересах французской металлургии. Канцлер Аденауэр недавно цинично заявил даже со всей определенностью, что роль правительства Германской Федеративной Республики не заключается в том, чтобы служить интересам французской промышленности. Таков «европейский» дух, который господствует по ту сторону Рейна, но наше Кэ д'Орсе с 1948 года решило завязать себе глаза; поэтому, когда французский министр

встречается с боннским министром — что случается часто, — то официальное коммюнике неизменно содержит следующие ритуальные слова: «полное совпадение французской и германской точек зрения», что показывает, что с 1948 года наши министры не только стали совершенно безвольными, но и потеряли всякий стыд.

Между тем эта большая реклама человеколюбивого великодушия не является для нас чем-то новым. Уже преамбула и статьи 2 и 3 договора, учреждающего пул угля и стали, были составлены в следующих выражениях: речь шла не только о том, чтобы обеспечить мир во всем мире и «заменить вековое соперничество (наций) слиянием их основных интересов», но и о том, чтобы добиться «развития занятости и повышения жизненного уровня в государствах-участниках... осуществить улучшение условий жизни и труда рабочей силы, делая возможным их уравнивание в обстановке прогресса».

Что касается проекта договора, учреждающего политическое сообщество «малой Европы», то он еще более лиричен. Народы «малой Европы» «убеждены, что вклад, который организованная, свободная и живая Европа может внести в цивилизацию и сохранение нашего общего духовного наследия, необходим для сохранения мирных отношений; озабочены тем, чтобы содействовать путем расширения нашего производства повышению жизненного уровня и успехов дела мира; исполнены решимости охранять сообща основное достоинство — свободу и равенство людей, каково бы ни было их звание, возраст и их занятия». Итак, стало быть, ни одно человеческое деяние не является более великим, нежели то, которое предлагают нашему почтительному вниманию изобретатели этого пакта. С 1952 года нас пытаются ввести в искушение все тем же пением сирен, почти все теми же словами. А между тем, видит око, да зуб неймет.

Было бы чудовищной глупостью вернуться к основным пустым высказываниям, которые имели место, например, 5 и 6 декабря 1951 года во время обсуждения в Национальном собрании договора об объединении угля и стали. Так, докладчик по законопроекту Альфред Кост-Флорэ не преминул воскликнуть: «Рур был элементом могущества, он перестал им быть, он уже им не будет... В самом деле, немцы согласились пойти на деконцентра-

цию Рура в качестве своего второго вклада в дело Европы. Цель плана Шумана состоит в том, чтобы отнять у нее (у Германии) это средство воинственной мощи, лишив ее источника энергии, дабы передать управление им в соответствии с установленными правилами наднациональному органу». Тот же докладчик добавил под аплодисменты Национального собрания, что Франция должна создать единую Европу, дабы стать ее вожаком.

Примерно такую же высокую мысль повторил Ги Молле 31 января в своем программном заявлении: «Ни в одной области международной политики не будет достигнуто никаких действительных результатов, если Франция не внесет сперва свой вклад в дело укрепления мира». Франции принадлежит «руководство» всеми странами вселенной — вот что с апломбом заявляют люди, вся политика которых сводится к тому, чтобы связать Францию договором и отдать ее без защиты извечным ее противникам и прежде всего ее новоявленному другу в лице Германии. Для чего существует язык у людей — чтобы лгать или чтобы изредка говорить правду?

Атомный пул, который хотели бы создать разрушители французского государства, причинил бы бесконечный ущерб жизненным интересам нашей страны, ибо существует следующее положение: Франция имеет, в частности в Лимузене, очень большие запасы урана. Бельгия имеет еще большие запасы урана в Бельгийском Конго, но, принимая во внимание ее договор о продаже с Вашингтоном и Лондоном, она располагает лишь 25 процентами добычи. Германия, согласно существующему договору, еще не пользуется правом расщеплять атом даже в мирных целях. Более того, она не имеет на своей территории ни грамма урана.

Вот, стало быть, какие три больших акта предательства интересов Франции хотели бы хладнокровно совершить сообщники 18 января:

1. Атомный пул дал бы Германии право расщеплять атом точно так же, как пул угля и стали предоставил ей право выплавлять сталь в неограниченном количестве.

2. Комиссия этого эвентуального пула, бесспорно, передала бы Германии большую часть французской или бельгийской урановой руды.

3. В настоящее время Франция идет впереди Германии лишь в области расщепления атома. Если бы сооб-

щество по атомной энергии было создано, все секретные способы производства, разработанные нашими учеными, были бы немедленно переданы сообществу, а следовательно, и Германии, которая обязательно будет иметь в этом сообществе своих представителей. И поскольку германская тяжелая промышленность нашего превосходит, через какие-нибудь несколько месяцев Германия обогнала бы нас в атомной области, как и в других областях. Если предложение о создании атомного пула не является типичным актом предательства французских национальных интересов, а также интересов мира во всем мире, — предательства, способного в один прекрасный день иметь последствия в Верховном суде, то, спрашиваем мы, каково же значение слова предательство? ¹

Однако, заверили нас эти заговорщики, мы дадим гарантию, что Германия так же, как и пять других стран, будет использовать атомную энергию исключительно в мирных целях. Одним словом, разрушители и грабители французского государства играют картой пацифизма. Это лишь еще один пример бахвальства. Для того чтобы использовать уран в каких бы то ни было целях, надо очищать его до тех пор, пока он не станет «обогащенным». Достаточно иметь «обогащенный» уран, чтобы использовать его по усмотрению в чисто промышленных целях или же, наоборот, создать в несколько месяцев атомные и водородные бомбы. Стало быть, позволить Германии обрабатывать урановую руду — значит дать ей возможность приступить почти тотчас же после этого к созданию ядерного оружия. Каким же образом комиссия по атомной энергии, если бы даже она и захотела того, могла бы запретить Германии изготовлять бомбы, если она будет иметь в своем распоряжении весь необходимый уран?

¹ Это положение Франции, передающей Германии свои атомные секреты и часть своей урановой руды, вызвало неуместно смягченную формулировку у Феликса Гайяра, председателя французской делегации экспертов, которая от имени правительства готовила в Брюсселе проект создания Европейского сообщества по атомной энергии: «Франция, — сказал он недавно (так по крайней мере сообщили газеты), — должна будет предложить в этой области Европе важный вклад». На самом же деле Франция отдаст все и не получит ничего. Господин Гайяр, добрый патриот, радуется этому. Именно это и означает во Франции быть «европейцем».

«Европейцы» неизменно пускают в ход все тот же прием. Начинают с того, что восстанавливают для Германии все привилегии, а нам говорят: «Ни о чем не беспокойтесь, мы будем ее контролировать!» Германия спешит воспользоваться предоставленными свободами. Что же касается контроля, то он рассеивается, как дым.

Самая скандальная подмена торжественно обещанного контроля связана с перевооружением Германии, разрешенным парижскими соглашениями, на чье авторство всецело может и должен претендовать Мендес-Франс. Что гласит статья 7-я раздела 2-го третьего протокола парижских соглашений? Предусматриваемые контролеры в области вооружений будут иметь неограниченную власть. В самом деле: «Для выполнения этих задач сообщество... будет проводить на европейском континенте проверки, посещения и инспектирование заводов, складов и вооруженных сил (кроме складов и вооруженных сил, находящихся в распоряжении НАТО) и будет представлять доклады совету министров — делегатов семи государств — членов объединения». Статья 12-я следующим образом дополняет эту статью 7-ю: «Для проверок, посещений и инспекции, которые будут проводиться в сотрудничестве и с участием национальных властей, если они того потребуют, члены агентства будут иметь по их просьбе свободный доступ на заводы и склады, и им будут передаваться необходимые отчеты и документы».

Когда в Национальном собрании обсуждались эти соглашения, многие наши министры клятвенно уверяли, что контроль будет жесткий, и Мендес-Франс даже сказал по поводу этого контроля, что он будет образцом этого рода, и предложил Советскому Союзу принять его в качестве общей системы контроля над всеми европейскими вооружениями! И вот с тех пор прошел год: созданы первые соединения немецкой армии, США свободно поставляют им самые современные танки. Угодно ли знать, как действует агентство по контролю над вооружениями?

Оно не только не приступило к исполнению своих обязанностей, не только не было создано, но никто даже и не заикается о его будущем создании!

Сами мы, конечно, вдоволь натерпелись от полной неискренности держав, которые непрерывно подписы-

вают множество договоров с твердой решимостью тотчас же нарушать их букву и дух.

И все же мы не думали, что государства, торжественно создавшие в 1954 году Западноевропейский союз, будут столь циничны, что даже не попытаются показать видимость того, что они устанавливают какую-либо систему контроля. Насмехались ли когда-либо более безудержно официальные власти над общественным мнением?

Можно не сомневаться в том, что контроль именно такого рода будут осуществлять наши похитители атомной энергии. Имеющий уши да услышит!

К тому же, если бы даже эвентуальные атомные комиссары и захотели контролировать немецкое ядерное производство, они совершенно не смогли бы сделать этого: ни немецкое государство, ни немецкая тяжелая промышленность не привыкли к подчинению. Высшему органу (Объединения угля и стали. — *Ред.*) в Люксембурге кое-что известно об этом. Он даже не мог попытаться помешать восстановлению картелей, в которые войдут большие предприятия Рура, хотя подписанный договор формально запретил это возрождение картелей.

Так вот каково описанное в основных чертах техническое, политическое и военное значение махинации, которую цинично осмеливаются предлагать нам слишком «по-европейски» настроенные французы. В сущности комиссия по атомной энергии намечает конфисковать весь уран, добываемый на французских месторождениях, и затем, если французское правительство покажет себя по-настоящему мудрым, ему вернут малую часть этого урана, другая же часть отойдет Германии — вот это и значит быть хорошим «европейцем»! Каждый по-своему понимает национальный долг и национальные интересы.

В силу всего этого мы твердо считаем, что надо рассматривать как предателей (будь то сознательных или несознательных) — как по отношению к Франции, так и по отношению к делу мира во всем мире, — всех французов, которые, независимо от того, уяснили ли они значение проекта Европейского сообщества по атомной энергии, будут осмеливаться завтра выступать в качестве его сторонников!

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ФРАНЦИИ СОЗДАНИЯ «ОБЩЕГО РЫНКА»¹

БЕРНАР ЛАВЕРНЬ,
ПРОФЕССОР ПАРИЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кого Юпитер хочет погубить, того он лишает разума

В настоящее время во Франции происходят совершенно невероятные вещи: руководители этой страны — министры, депутаты, класс буржуазии — идут с закрытыми глазами навстречу революционным волнениям — этому неизбежному последствию «общего европейского рынка», если последний (после его одобрения парламентом) будет осуществлен в широких размерах.

В предыдущей статье мы показали, что «общий рынок» неизбежно приведет к краху основную часть французской промышленности.

Несмотря на то, что председатель совета министров в своем выступлении от 20 декабря в палате депутатов говорил о «едва ли не революционном характере обоих договоров, которые мы собираемся подписать», он все же твердо уверен, что французская промышленность сможет приспособиться к новым условиям и успешно выдержать немецкую конкуренцию.

Ги Молле так оптимистически настроен потому, что он не знает, по каким причинам вложенные во Франции капиталы, даже исчисляемые миллиардами, не смогли бы снизить себестоимость французской продукции до уровня себестоимости германской продукции. Прежде всего в течение 12—15 лет, предусмотренных договором для полной отмены таможенных пошлин, французские промышленники не получают миллиардов, необходимых им для модернизации устаревшего оборудования своих заводов. Ибо где можно найти эту колоссальную сумму? Пустить в ход по мановению руки правительства печатный станок для денег? Но тогда неизбежен крах французского франка.

¹ «Трибюн де насьон», 11 января 1957 г., Франция.

Даже в том случае, если наши промышленники получат эту астрономическую сумму, то и тогда они не смогут снизить себестоимость нашей продукции до себестоимости германской или мировой продукции, ибо Франция страдает от целого ряда постоянных неблагоприятных обстоятельств географического порядка.

Какие бы речи ни произносил Ги Молле в парламенте, все равно тонна кокса будет нам обходиться в будущем так же, как и в прошлом, по крайней мере на 1000 франков дороже, чем немецким промышленникам, хотя бы из-за транспортных расходов, вызванных перевозкой кокса из Рура во Францию, а также из-за очень высокой покупной цены на американский кокс. Учитывая, что цена кокса составляет одну треть себестоимости стали, мы никогда не избавимся от этого неблагоприятного фактора.

В химической промышленности цена на горючее составляет по крайней мере 20 процентов окончательной себестоимости продукции, а между тем уголь и особенно электричество во Франции на 20—30 процентов дороже, чем в Германии. Если «Шарбонаж де Франс» или «Электрисите де Франс» снизят продажные цены, то убытки этих компаний сильно возрастут, и в конце концов это приведет к тому, что французское государство будет субсидировать всю французскую промышленность, предоставляя ей сотни миллиардов. Но откуда она возьмет эти миллиарды, если дефицит нашего бюджета уже составляет 1400 миллиардов в 1957 году?

Социальные расходы во Франции значительно выше, чем в Германии; это всем известно. Короче говоря, французское государство в результате проведения политики частичного повышения заработной платы (частичная отмена поясов заработной платы, произведенная нынешним правительством), высоких цен на уголь и электричество, а также безрассудной, но чрезмерно смелой социальной политики является основным виновником высокой себестоимости французской продукции. Многие крупные французские фирмы располагают прекрасной техникой и отличным оборудованием, и поэтому смешно, как это делают наши министры, объяснять высокую стоимость французской продукции только устарелостью нашего оборудования в то время, когда эти высокие цены вызваны неотвратимыми географическими условиями, нерентабель-

ностью национализированных отраслей промышленности и, наконец, социальной политикой государственных властей.

Наши правительства любят бесконечно говорить о том, что наше оборудование устарело, но это лишь показывает прискорбное невежество большинства из них в экономических вопросах.

Французские политические деятели готовят самим себе ужасные разочарования, так как они воображают, основываясь на заверениях нескольких экспертов, которые больше заботятся о своей блестящей карьере, чем об истине, что через 15 лет наши промышленные цены смогут конкурировать с ценами Германии, Италии и Бельгии. Впрочем, один из главных экспертов-социалистов, пользующийся большим влиянием у Ги Молле, в июне прошлого года говорил мне лично, что создание общего рынка невозможно.

Нам часто говорят, что при наличии рынка с 160 миллионами потребителей имеются колоссальные возможности для сбыта. Да, действительно, подобный рынок является раем для наиболее дешевых товаров, но могилой для наиболее дорогих товаров, какими являются французские.

Учитывая все это, «общий рынок» неизбежно поставит Францию перед следующей дилеммой: или обесценить французский франк на 40 процентов (это означает падение курса франка до нуля, панику среди населения и большевистскую революцию, которая в этом случае имела бы все шансы на успех), или попытаться снизить на 20—30 процентов заработную плату французских промышленных рабочих. Когда видишь, как робко действовал парламент в вопросе о повышении квартирной платы, то понимаешь, насколько безумно рассчитывать, что французские трудящиеся согласятся на сокращение своей заработной платы на 20—30 процентов.

Поскольку не согласятся на подобное сокращение доходов французского населения, то результатом создания общего рынка, по-видимому, явится ужасная безработица, которая охватит не только почти все отрасли промышленности, но и распространится даже на торговлю, так как доходы французов значительно сократятся, что повлечет за собой банкротство торговых предприятий или значительное сокращение их деятельности.

Не так давно один немецкий крупный промышленник, приехавший в Париж, сказал своим соотечественникам, что в Германии подробно изучили вопрос о создании общего рынка и пришли к выводу, что это означало бы ликвидацию почти всей французской промышленности в течение нескольких лет в результате продажи в убыток слишком дорогих французских товаров. Немцы оставили бы у нас лишь несколько отраслей промышленности под немецким контролем. Согласно проектам правительства Виши, Франция должна была превратиться в фруктовый сад для снабжения германского населения. Во всем этом нет ничего удивительного, поскольку экономический план Ги Молле аналогичен планам Петэна и Лавалля: он означал бы осуществление плана Гитлера, который еще тогда хотел «создать Европу».

Кроме того, немцы настолько убеждены, что все именно так и произойдет, что они уже сейчас, как сказал этот немецкий промышленник, думают о том, как построить в случае одобрения парламентом договора о создании «общего рынка» в долине Рейна жилища для 1,5 миллиона французских рабочих с их семьями (мы уверены в достоверности этих высказываний).

Впрочем, этот промышленник лишь выразил то, что мы, экономисты, и многие французские промышленники прекрасно знаем: если общий рынок будет полностью превращен в жизнь, то по крайней мере половина французских промышленных рабочих будет обречена на безработицу или должна будет эмигрировать в Германию.

Если бы самому дьяволу поручили выработать план, направленный на то, чтобы французский рабочий класс возненавидел и социалистическую партию, и МРП, и умеренных (типа г-на Пинэ), являющихся сторонниками создания «общего рынка», то он не мог бы придумать более эффективного средства. Французский рабочий класс не обратил внимания на те роковые последствия для нашей промышленности, к которым рано или поздно приведет создание угольно-стального объединения. Возможно, что рабочий класс Франции не сразу поймет вредность создания Евратома, этой другой нелепой западни, которая приведет к тому, что Франция станет жалким вассалом Германии. Но ведь нам удалось благодаря нашим статьям и выступлениям вызвать народное возмущение против Европейского оборонительного сообщества, в результате

чего оно было осуждено голосованием 30 августа 1954 года. А между тем, Европейское оборонительное сообщество ставило под угрозу лишь сохранение французской армии, к чему французские рабочие не имели непосредственного отношения. Однако на сей раз создание общего рынка привело бы к тому, что подавляющее большинство наших рабочих вынуждено было бы на 20—30 процентов сократить свое питание; это привело бы к увеличению огромнейшей армии французских безработных, а правительство воображает, что французский пролетариат согласится или на значительное сокращение своего бюджета или на массовую высылку в Германию, подобно тому, как это делалось во времена Лаваля, который отправлял десятки тысяч молодых французков на принудительные работы к нашим врагам.

«Общий рынок», возможно, воскресил бы во Франции самые тяжелые дни вражеской оккупации, так как восстания, которые вспыхнули бы во всех концах Франции, возможно, привели бы к посылке германским правительством — верным другом Ги Молле — нового гестапо в нашу страну. Неужели руководители Французской социалистической партии полагают, что французы допустят, чтобы завтра с ними расправлялись германские полицейские? Никто — если только он не лишился рассудка — не может сомневаться в том, что французская Коммунистическая партия и Всеобщая конфедерация труда вызовут революционные волнения еще задолго до того, как безработица охватит полмиллиона рабочих.

И это социалистическая партия возглавит эту страшную глупость! Что неизбежно скажут не только французские коммунисты, но и радикалы — сторонники Мендес-Франса, деголлевцы — все, кто враждебно относится к этому безрассудству? Как только французский рабочий окажется без работы, он скажет: «У меня нет больше работы, потому что немецкие товары вытеснили французские. Кто разрешил проникновение этих иностранных товаров в нашу страну? Социалистическая партия, МРП и умеренные. Это они виновники, это они враги народа». Подобное рассуждение не только весьма просто, но оно будет правильным, неопровержимым.

Экономическое равновесие страны — очень сложная сфера. Касаться ее нужно исключительно осторожно. Тяжело смотреть, как грубые руки как бы с наслаждением

разрушают всю экономику нашей страны. Насколько должны быть затуманены мозги руководителей Социалистической партии, если они сами дают коммунистической партии веревку, на которой в один прекрасный день их повесят как врагов народа. Лично я буду сожалеть, если что-либо случится с председателем совета министров. Однако если он решится стать «отцом общего рынка», подобно тому, как Робер Шуман явился отцом угольно-стального объединения, то недалек тот день — если договор войдет в силу, — когда Ги Молле придется испытать на себе гнев народа.

Будучи горячим сторонником прогрессирующей эволюции нашего общества к кооперативному, а не государственному социализму (французские национализированные предприятия представляют собой грустную картину подобного строя), я не желаю установления коммунистического режима, но совершенно очевидно — если хотя бы немного знать психологию рабочих, — что создание общего рынка неизбежно приведет у нас к весьма серьезным революционным волнениям и, вполне возможно, к коммунистическому режиму. Будучи безработными, французские рабочие (ведь люди — это не роботы) откажутся ехать в Германию и осуществят революцию во Франции. В нашей стране есть хорошие революционные традиции, которые быстро воскреснут.

Не являются ли несколько ребяческими «европейские» идеи г-на Ги Молле? 20 декабря 1956 года он произнес в парламенте следующие удивительные слова: «Объединиться — это означает в наше время объединить богатства, то есть поделить их. Французы еще не привыкли к этой идее (!). Слишком многие из них опасаются, что при объединении богатств их обманут независимо от того, будет ли идти речь о нашем уране или о наших заморских территориях. Умея делиться — великая страна обогащается».

Никогда экономисту не приходилось слышать, что народ обогащается, если он умеет делиться своими богатствами с соседом, который ничего не даст ему взамен. Но разве «европейцы» не являются одержимыми, которыми рассудок уже не руководит?

Так именно будет обстоять дело для Франции, если, для того чтобы обогатиться, она разделит свои богатства, свой уран, внутренний и африканский рынок с Германией,

которая взамен даст ей свое благословение или — если потребуется — свое гестапо (Робер Шуман, всегда щедрый за наш счет, однажды сказал: «Необходимо, чтобы Франция дала в приданое Европе свой рынок»).

Когда живешь в состоянии хотя бы относительного спокойствия, очень трудно себе представить, как происходит революция в стране. Однако последняя неминуемо происходит, если причины, которые могут ее породить, не уничтожены. А когда наступает революционная обстановка, очень трудно себе представить, как может наступить порядок, а между тем он обязательно водворяется, когда в обществе устанавливается надлежащий новый статус.

Придворные Людовика XVI, которые в 1787 и 1789 годах плясали на вулкане и воспротивились хотя и весьма скромным реформам Неккера, были мудрецами по сравнению с нашими министрами, депутатами и капиталистами, которые в настоящий момент представляют собой руководящий класс нашей страны. Уже сейчас структура французского государства сильно прогнила. Французский народ в настоящее время питает гораздо меньше уважения к министру, чем несколько лет тому назад он питал к какому-нибудь полицейскому комиссару. Наш дефицит составляет 1400 миллиардов франков, а война в Алжире безнадежно разоряет нас. Финансы страны поддерживаются с помощью уловок, к тому же временного характера. При малейшем толчке Четвертая республика рухнет. И в этих-то условиях люди, пользующиеся благами режима, хотят нарушить и без того неустойчивое экономическое равновесие страны!

Действительно, если договор о создании общего рынка будет одобрен по воле капиталистов и их союзников — социалистов, то по мере его проведения в жизнь возникнут волнения, которые будут принимать все более и более серьезный характер. Даже в том случае, если правительство, находящееся у власти, под влиянием страха расторгнет роковой пакт (в настоящее время договоры — это лишь клочки бумаги), то неизвестно, можно ли будет остановить движение французских масс, у которых уже сейчас столько причин для недовольства властями. Когда народ приведен в волнение, кто может сказать, где он остановится? Так что есть много шансов на то, что общий рынок в случае его претворения в жизнь явится могилой

французского государства, социалистической партии, французской буржуазии. А жертвы этих беспорядков не смогут утешаться тем, что по своей глупости они явились своими собственными могильщиками.

Что же делать при существующих обстоятельствах? Чудес ждать неоткуда. Надо навести порядок в государстве; надо добиться равновесия бюджета и платежного баланса и тем самым добиться устойчивости франка и всеми средствами расширять экономику. Таким образом, прибегая к испытанным методам, Франция постепенно вернет свое прежнее могущество и вновь станет процветающей страной.

ЗА ПОДЛИННОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ¹

М. АРДАН

25 марта в Риме представители правительств Франции, Западной Германии, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Италии подписали соглашение о Евратоме и «общем рынке». По мере того как проходили переговоры между этими странами, мы давали общую характеристику соглашениям, теперь подписанным, но еще не вступившим в силу, поскольку парламенты должны высказаться по поводу их ратификации. Следовательно, необходимо начать массовую борьбу, так как все зависит от быстроты и силы действий, которые сорвут эти так называемые «европейские» планы, гораздо более изощренные и опасные, чем Европейское оборонительное сообщество (ЕОС).

Они опасны для мира и безопасности всей Европы, а следовательно, и Франции, потому что они создают органы, полностью подчиненные органам военного Атлантического блока (НАТО), потому что они усиливают раскол Европы, втягивая Западную Германию в систему различных замкнутых группировок западных держав, предоставляющих ей руководящую роль во всех областях. «Общий рынок» особенно выгоден капиталистическим монополиям, и его осуществление означает, что экономически сильные страны будут навязывать свои условия более слабым европейским странам в ущерб их национальным интересам и рабочему классу.

В капиталистическом мире распределение благ и доходов между конкурентами осуществляется силой, определяемой объемом капитала. Сила же эта находится прежде всего в руках крупных американских и германских трестов.

¹ «Франс нувель», 28 марта 1957 г., Франция.

Рассматривая проект Евратома, нельзя не прийти к заключению, что он неизбежно приведет к отмене ограничений в производстве атомного оружия в Западной Германии, которую НАТО уже снабдил термоядерными бомбами.

Несомненно, что реваншистские круги Бонна не упустят случая использовать Евратом для накопления расщепляющихся материалов и веществ, чтобы как можно скорее приступить к изготовлению собственного атомного оружия.

Таким образом, последствия, исходящие от Евратома и «общего рынка», надо рассматривать как усиление опасности новых военных авантур в центре Европы.

Если бы инициаторы этих проектов действительно стремились к объединению европейских государств, они подписались бы под советским предложением о заключении подлинно общеевропейского соглашения об экономическом сотрудничестве, к которому могли бы присоединиться все европейские страны независимо от их социального и экономического строя.

Общеевропейская организация по мирному использованию атомной энергии в рамках международного агентства, предусмотренная в планах разоружения (СССР, Соединенных Штатов и западных держав), открыла бы благоприятные перспективы для развития экономики, науки, культуры и для роста благосостояния всех народов. Такое содружество помогло бы преодолеть раскол Европы на враждебные военные блоки и укрепить мир и доверие между народами.

Сторонники «обособления Европы» утверждают, что экономический, политический и социальный строй СССР и стран народной демократии не допускает разрешения в общеевропейском масштабе проблем, стоящих перед континентальной Европой, то есть перед шестью участниками «общего рынка».

Различия в экономическом и политическом строе социалистических стран и государств Западной Европы ни в коем случае не исключают их сотрудничества — ключа к мирному сосуществованию.

Если Западная Европа в своей экономической политике будет продолжать отказываться от нормализации обмена с Восточной Европой, то ей останется только, в силу ее хронического валютного дефицита, тесная зависимость

от долларовой и стерлинговой зон, к которым она привяжет, чтобы не погибнуть, заповедники африканских рынков. Другими словами, собственная зона влияния великих колониальных держав Европы неизбежно подпадает под власть доминирующего империализма — долларового. Еврафрика — вот та непомерная цена, которой Франция в силу своего менее выгодного экономического положения должна расплачиваться за создание «общего рынка» и Евратома со своими партнерами по Атлантическому блоку, а именно Соединенными Штатами и боннской Германией.

Напротив, более широко сформулированное сотрудничество, предложенное СССР, позволило бы нашей стране восстановить ее традиционные коммерческие, научные и технические связи с Востоком, которые были прерваны в результате холодной войны.

Это сближение не оговорено ни одним из драконовских условий Евратома и «общего рынка»: ни уничтожением таможенных прав, ни созданием привилегированной зоны свободного обмена, подобной той, которую требует Англия от Западной Европы, ни девальвацией национальных денежных систем, ни каким бы то ни было иным ущемлением права.

Нельзя согласиться, что раскол Европы окончателен. Потребность в международной торговле вызывает необходимость нормального обмена и расширения сотрудничества между всеми европейскими и неевропейскими странами. Именно такое сотрудничество оказывает благотворное влияние на мировое экономическое положение.

Наиболее трезво мыслящая часть промышленников, в частности в Западной Германии, в Италии, в странах Бенилюкса и во Франции, не может упускать из виду возможности более широкого доступа к материалам, в которых они нуждаются и которые производятся в Восточной Европе, как-то: руда продовольственные товары и т. д., — а также к предоставляемым им социалистическими странами рынкам сбыта оборудования, машин и электротехнических товаров, изготавливаемых в Западной Европе.

В настоящее время результаты, достигнутые зачастую с большим трудом из-за навязанных Соединенными Штатами стратегических ограничений путем двусторонних переговоров (советско-французских, советско-германских, советско-английских и т. д.), могли бы быть включены в

общеевропейское соглашение под руководством Экономической комиссии ООН для Европы.

В это соглашение могли бы быть включены вопросы торговли, транспорта, обмена научно-технической информацией и производственным опытом.

Советский Союз справедливо напоминает, что такие предложения были внесены его делегатами в апреле 1956 года и что они должны быть обсуждены на ближайшей сессии Экономической комиссии ООН для Европы наравне с предложениями, выдвинутыми другими государствами.

В настоящее время СССР предлагает дополнительно рассмотреть следующие вопросы:

совместное создание больших гидроэнергетических сооружений, представляющих интерес для многих стран с согласия и при участии этих стран;

сотрудничество в развитии европейской топливной и энергетической баз с тем, чтобы изжить напряженность, имеющуюся в топливном балансе многих европейских государств;

заключение между всеми заинтересованными европейскими странами соглашений о мерах, облегчающих их традиционную торговлю;

экономическая и финансовая взаимопомощь государств, способствующая экономическому развитию.

В области сотрудничества в использовании атомной энергии в мирных целях СССР предлагает:

создание на общеевропейской базе одного или нескольких научно-исследовательских институтов по внутриядерной энергии;

сотрудничество в постройке предприятий по производству атомной энергии для промышленных и научно-технических целей, включая снабжение этих заводов сырьем.

Отказ от планов Евратома и «общего рынка» и замена их органами общеевропейского значения представляет собой серьезное и разумное решение, которое наша страна не может игнорировать. Это путь мира и дружбы, истинного прогресса и подлинного и гармонического союза экономических районов комплекса европейских стран. Не лучше было бы вместо шестичленной Европы, раздираемой противоречиями и угрожающей термоядерным оружием, избрать для общего блага Европу, объединяющую Запад и Восток мирным сотрудничеством в единое целое?

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА ИТАЛИИ И «ОБЩИЙ РЫНОК»¹

ОТТАВИО ПАСТОРЕ

Крупная итальянская буржуазия, ее организации, ее партии, по-видимому, не выдвигают принципиальных возражений против Евратома и европейского «общего рынка». Все убеждены в том, что Италия нуждается в атомной энергии, но не имеет нужных для ее производства финансовых средств и, следовательно, ей необходим союз с другими государствами. В равной мере и европейский «общий рынок», по-видимому, представляет собой неизбежное следствие предполагаемого широкого развития промышленного производства, благодаря новым техническим процессам, благодаря новому сырью, которое дает химия, благодаря автоматизации. Интересно отметить, что более или менее сознательно применяются марксистские понятия. Было приятно слышать, как министр иностранных дел говорил в сенате о борьбе между «старым» и «новым» и о неизбежной победе «нового», о развитии средств производства в качестве фактора, определяющего любое общественное развитие, как он изображал «европейские» идеалы в виде следствия развития производительных сил и подчеркивал толкование, согласно которому эпоха воссоединения Италии была необходимостью для экономики нашей страны. Впрочем, левые разделяют эти общие соображения как ввиду того, что они порождаются действительностью, так и потому, что они вытекают из материалистической, а не идеалистической концепции истории. Следовательно, не они являются причиной противоречий между силами буржуазии и пролетариата и даже противоречий внутри буржуазных сил.

К этим первым общим замечаниям руководящие классы добавляют другие, значительно более конкретные.

¹ «Ринашита», № 1, январь—февраль 1957 г., Италия.

Вслед за Европейским объединением угля и стали Евратом и «общий рынок» рассматриваются как единственное средство для сохранения капиталистического режима в Западной Европе (для «спасения цивилизации, ценностей, свободы, христианства и т. д.»), для эффективной защиты от коммунистической опасности, для создания прочной общеевропейской экономической базы подготавливаемой антисоветской войны, для сохранения позиций Европы в Африке в качестве колонизатора, осуществляющего господство над арабскими народами и неграми. Силы пролетариата не могут разделять эти взгляды и поддерживать эти цели. Другие противоречия возникают по поводу конкретных положений договоров о создании Евратома и «общего рынка», их осуществления, попыток монополизировать их механизм и результаты; по поводу их целей и социально-экономических, политических и военных последствий; относительно способа избежать того, чтобы предусмотренные жертвы были возложены лишь на трудящиеся массы и помешать тому, чтобы именно эти массы расплачивались за «новую экономическую революцию», подобно тому как во всех странах им одним пришлось расплачиваться за прежние промышленные революции, преимущества которых прежде всего и главным образом оказались выгодны для капиталистических слоев.

В связи с Евратомом крупная промышленно-финансовая буржуазия начала и, несомненно, будет продолжать широкую борьбу против «управляемой экономики», против «вмешательства государства», за свободу частной инициативы. Эта формула в действительности означает господство в области атомной энергии крайне узких монополистических групп. Сегодня в Италии, может быть, и нет никакой возможности для частных предприятий осуществлять полный цикл производства атомной энергии, начиная с обогащения ядерного топлива. Но две-три промышленно-финансовые группы имеют возможность импортировать или построить предприятия, которые использовали бы уже обогащенное топливо и в конечном счете производили бы электроэнергию. Поэтому свобода частной инициативы означает на деле передачу всей итальянской экономики в руки этих двух-трех групп, действующих независимо друг от друга или же совместно, ибо производство атомной энергии ввиду растущего дефицита энергии, получаемой за счет других источников, будет все

больше становится основным производством — ключевой отраслью промышленности.

Однако, по-видимому, в самом договоре о создании Евратома содержится тормоз этим планам монополий, ибо, согласно договору, обогащенное атомное топливо должно оставаться собственностью самого Евратома. Впрочем, об этом уже сообщил в сенате министр иностранных дел Мартино. Из этого вытекает, что уступка такого топлива монополистическим группам в нашей стране шла бы вразрез с этим положением, и, следовательно, будет сравнительно легче вести и выиграть борьбу, которая будет предшествовать борьбе против Евратома, а именно борьбу по поводу закона, регулирующего вопросы производства и собственности на ядерную энергию в Италии, в котором будут предусмотрены условия осуществления в нашей стране договора о Евратоме.

Как известно, в сенат внесены два законопроекта: один — правительственный, очень благоприятный в отношении позиции, отстаиваемой монополиями, которым министр Кортезе и правительство сделали значительно большие уступки, чем в законе об изысканиях месторождений жидкого топлива. Другой законопроект внесен сенатором Монтаньяни от имени коммунистической группы; он ставит во главу угла национализацию. Должен был быть представлен еще третий законопроект, одобренный на недавно состоявшемся совещании «Друзей газеты «Мондо»; этот законопроект ближе к коммунистическому, чем к правительственному, но он до сих пор не внесен в парламент. Может быть, не удалось собрать достаточно подписей даже среди представителей третьей силы различных мастей? Или, быть может, его положили под сукно, чтобы не усугублять трудностей четырехпартийной коалиции, чтобы не ставить социал-демократов перед выбором, который, может быть, окажется для них еще более затруднительным, чем выбор, возникший в связи с вопросом о тарифах на электроэнергию, в связи с соглашениями о землепользовании и назначением министра по вопросам участия государства в предприятиях? Во всяком случае, эта битва состоится в недалеком будущем; она неизбежна, и от ее исхода будет зависеть позиция, которую займут левые в отношении Евратома.

В отношении «общего рынка» возникают более сложные и, может быть, более серьезные вопросы, или, вернее,

вопросы, которые будет труднее разрешить, ибо на карту поставлены непосредственные и весьма значительные интересы, отражающие противоречия между промышленниками и аграриями, а также противоречия внутри каждой из этих двух категорий. На основании данных обследования, проведенного специальным комитетом, результаты которого изложил Агостино де Вита в пространном очерке, опубликованном в сборнике «Европа без таможен» (Латерца, 1956 г.), мы хотим рассмотреть без углубленного их комментирования позиции, которые в зависимости от своих интересов занимают различные итальянские капиталистические группы по отношению к перспективе создания европейского «общего рынка».

В основном значительное большинство опрошенных высказалось за объединение рынков шести стран, уже входящих в Европейское объединение угля и стали. Особенно благоприятно относятся к созданию европейского «общего рынка» представители сельскохозяйственно-продовольственных отраслей, которые являются традиционными экспортерами (производители овощей и фруктов, цитрусовых, виноделы, владельцы консервных заводов и т. д.), а также владельцы мраморных карьеров, предприятий, производящих строительные материалы, деревообделочных, кожевенных, готового платья, обувных фабрик, текстильных предприятий, предприятий, производящих предметы утвари, и некоторых отраслей машиностроения (производство швейных машин, пишущих машинок, конторских машин, точных приборов и т. д.). Следует отметить, что за расширение «общего рынка» и включение в него всех стран Европы, в том числе стран Восточной Европы, высказываются главным образом виноделы, экспортеры садово-огородных культур, станкостроители, владельцы предприятий по производству точных приборов.

Иначе, и зачастую неодобрительно, отзывались предприниматели металлургической промышленности, некоторых отраслей машиностроительной промышленности (электротехническое оборудование, оборудование для железных дорог и трамвайной сети и т. д.), химической промышленности (особенно фармацевтических товаров), а также рыболовной, пивоваренной, молочно-сыроваренной промышленности. Эти предприниматели утверждают, что даже после уравнивания налоговых тягот, расходов на социальное обеспечение и условий кредитования для этих

отраслей итальянской промышленности было бы очень опасно оказаться перед необходимостью без всякой защиты противостоять конкуренции, особенно германской.

В отношении позиции различных промышленных ассоциаций можно отметить следующее:

Ассоциация итальянских предпринимателей шерстяной промышленности указывает, что торговый баланс Италии с другими странами, которые должны войти в состав «общего рынка», является активным в этой отрасли. Однако ассоциация утверждает, что в Италии при равном производственном оборудовании используется значительно большее число рабочих, и, следовательно, необходимо ликвидировать излишек рабочей силы, то есть для начала увеличить безработицу.

Итальянская ассоциация хлопчатобумажной промышленности отмечает, что наш торговый баланс в этой отрасли пассивен, в связи с чем она выдвигает требование упразднить налоги на пряжу, отменить в иностранных государствах субсидирование экспорта, ограничить контингенты Франции, разрешить проблему расходов по социальному обеспечению, то есть сократить их.

Итальянская ассоциация предприятий по производству искусственного волокна горячо поддерживает создание «общего рынка». Эта ассоциация, находящаяся под контролем монополистической группы «Сниа вискоза», усматривает в «общем рынке» возможность достигнуть соглашения с другими европейскими промышленными предприятиями, которые сделали бы возможными специализацию производства и ограничение конкуренции, то есть подлинную картелизацию.

Среди ассоциаций машиностроительной промышленности безоговорочно высказываются в пользу европейского рынка Ассоциация производителей швейных машин (Некки), Национальная ассоциация по производству конторских машин (Оливетти), Ассоциация по производству счетных машин. Напротив, некоторое беспокойство проявляет Союз предпринимателей по производству станков, который отмечает, что занятость в этом секторе сократилась с 25 тысяч человек в 1942 году до менее чем 10 тысяч человек в данный момент, а также объединение предприятий по производству и ремонту подвижного состава железных дорог и трамвайной сети. «Финмекканика», то есть финансовое общество, которое объединяет

машиностроительные заводы ИРИ, отмечает, что создание «общего рынка» может позволить увеличить объем итальянского экспорта в страны, входящие в сообщество, однако и другие страны этого сообщества со своей стороны смогут увеличить свой экспорт в Италию до такой степени, что возникли бы некоторые затруднения перед этой отраслью промышленности. Поэтому, подчеркивает «Финмекканика», необходима специализация производственной деятельности различных стран.

«ФИАТ» продолжает поддерживать «общий рынок», уже несколько лет занимая «европеистские» позиции. В послевоенный период этот концерн осуществил такие капиталовложения, что теперь его предприятия находятся в числе самых крупных и современных предприятий европейской автомобильной промышленности. Степень производительности труда и производственные возможности «ФИАТ» достигли такого уровня, что для дальнейшего существенного прогресса сверх того, что уже намечено в его программе, ему необходим устойчивый рынок сбыта, значительно превосходящий по своим размерам итальянский рынок. За «общий рынок» высказываются также и другие машиностроительные предприятия: «Инноченти», «Борлетти», «Итальячементи» и т. д.

Другие крупные общества, различные монополистические группы и целые отрасли промышленности, напротив, более или менее энергично проявляют свою озабоченность европейским рынком и враждебность к нему. Это главным образом отрасли промышленности, которые в настоящее время получают очень высокие прибыли, поскольку действуют запретительные таможенные тарифы, а в случае понижения этих тарифов для многих из них возникнет риск гибели или, во всяком случае, сильного сокращения прибылей. Против «общего рынка» выступают также сахарные монополии (по вполне понятным причинам) и компания Монтекатини, ибо она предвидит затруднения, особенно в области реализации фармацевтических товаров и искусственных удобрений. В самом деле, несмотря на то, что эти группы имеют зачастую технически передовое оборудование, они продают свою продукцию по более высоким ценам, чем мировые цены.

Враждебную позицию в отношении «общего рынка» — хотя и не слишком открыто — занимают также электромонополии по причинам, которые присущи имен-

но им. Компания «Эдисон», опрошенная торговой палатой Милана в ходе обследования, о котором мы писали здесь, отметила, что в области энергетики европейский «общий рынок» не имеет никакого значения, ибо в данный момент обмен энергией со странами сообщества ограничен довольно узкими рамками, и эти рамки не могут быть расширены. Компания «Эдисон» указала затем, что в области электроэнергетики каждая страна стремится самостоятельно обеспечить свои потребности. Поэтому она не считает координацию капиталовложений в энергетическом секторе, предусмотренную в докладе Спаака, одной из неотложных проблем и не ставит вопрос об использовании атомной энергии. Необходимо отметить, что итальянские электромонополии в самом деле озабочены вопросами, которые могут возникнуть в связи с созданием «общего рынка». Известно, что в Италии тарифы на электроэнергию значительно выше, чем в других странах проектируемого «общего рынка». Каким образом можно будет избежать снижения цен на энергию в Италии до уровня, существующего в других странах? И если уровень цен будет сохранен, не станет ли проблема национализации электромонополий еще более неотложной? Разумеется, если бы электромонополии взяли в свои руки производство атомной энергии, то для них проблема могла бы предстать в ином виде, причем, конечно, в ущерб всем потребителям.

В области сельского хозяйства положение весьма сложно, ибо итальянское сельское хозяйство является более отсталым, чем промышленность, и над ним тяготеют условия, присущие южным районам. Как мы уже отмечали, надеемся, что в результате создания общего рынка возникнут большие возможности для экспорта различных продовольственных продуктов и продукции пищевой промышленности, как например риса, цитрусовых, овощей и фруктов, вина, консервированных томатов; этот экспорт должен быть облегчен отменой высоких таможенных тарифов и качественных ограничений, введенных правительствами стран, принимающих участие в создании проектируемого сообщества. Правда, как явствует из ведущихся переговоров, эти надежды, по-видимому, нелегко будет воплотить в жизнь. Надеемся также, что сокращение, а затем и отмена таможенных тарифов на товары, необходимые для сельского хозяйства (машинное обору-

дование, препараты для борьбы с грибом на виноградных лозах, удобрения и т. д.), приведут к снижению стоимости продукции, увеличивая конкурентоспособность сельского хозяйства.

Однако несомненно, что аграрии не столько стимулируют, сколько тормозят создание совместного рынка. На состоявшемся в Риме 11 января 1957 года совещании представителей «Конфагрикультура» (Всеобщая конфедерация итальянских землевладельцев), Федерации мелких и средних земледельцев, которую возглавляет Бонноми, «Федерконсорци» (Итальянская федерация аграрных консорциумов), Национальной ассоциации свекловодов, Национального управления по вопросам риса, Национального консорциума по производству конопли и Объединения табаководов было заявлено о «необходимости создавать общий рынок осторожно и постепенно». Участники совещания потребовали равных условий для сельскохозяйственных производителей различных стран сообщества и, следовательно, максимального сближения налоговой системы, а также систем социального обеспечения и оказания помощи быстрого предоставления максимальной свободы эмиграции, подчеркнув требование об отмене положения, обязывающего предоставлять работу имеющейся в наличии рабочей силе. И, наконец, естественно, что те же самые сельскохозяйственные организации выступили против требования Франции о включении заморских территорий в состав «общего рынка», утверждая, что невозможно будет выдержать конкуренцию алжирского сельского хозяйства, находящегося в более благоприятном положении ввиду более низкой себестоимости, вызванной эксплуатацией рабочей силы местного населения. Почему бы итальянским аграриям не потребовать повышения заработной платы алжирским крестьянам?

Условия аграриев были более конкретно определены в лекции, которую прочел председатель «Конфагрикультура» граф Гаэтани 1 февраля в «Анджеликуме» в Милане. Первое немедленное требование состояло в следующем: отмена положения о предоставлении работы имеющейся в наличии рабочей силе. Далее — ликвидация какой бы то ни было аграрной реформы, на которую уже теперь будто бы расходуются слишком большие финансовые средства и которая приведет к созданию мелких

нежизнеспособных хозяйств, неспособных производить для рынка. Затем — предоставление «свободы заключения и расторжения контрактов», что означает: никакого «обоснованного мотива», никаких социальных законов; вместо этого лишь «соглашения» между хозяевами и профсоюзами по усмотрению хозяев, ибо в противном случае, утверждают они, нельзя будет получить иностранных капиталовложений. Не менее ясны комментарии «Соле» (8 февраля) по поводу речи, произнесенной министром сельского хозяйства Коломбо на заседании руководства христианско-демократической партии, посвященном вопросу о Евратоме и о создании «общего рынка». Весьма красноречив сам заголовок, который гласит: «Не находимся ли мы на повороте сельскохозяйственной политики?» «Соле» выражает удовлетворение по поводу заявления министра, что «Италия должна приспособить к общему рынку также политику в области сельского хозяйства, а для этого необходимо изучить вопросы об уравнивании налоговой политики и социальных расходов, оснащении сельского хозяйства современной техникой и организации профессионального обучения в сельском хозяйстве». Отметим, что «уравнивание налоговой политики и социальных расходов» означает «сокращение», ибо нет такой категории промышленных или сельскохозяйственных предприятий в любой из шести стран, участвующих в создании «общего рынка», которая не утверждала бы, что налоговые и социальные тяготы в ее стране выше, чем в любой другой. Однако журнал «Соле» этим не удовлетворен и добавляет: «Необходимо пересмотреть не только налоговую, социальную политику и политику в области образования, но и приступить к разрешению главной проблемы, а именно проблемы целесообразного с экономической точки зрения размера сельскохозяйственных предприятий. Следовательно, необходимо, отмечают сельские хозяева, чтобы правительство продолжало идти по пути, на который, по-видимому, вступил министр Коломбо. В самом деле, нельзя считать экономически оправданными те хозяйства, которые, как принято говорить, создаются «автоматически», в результате проведения земельной реформы и политики создания мелкой крестьянской собственности».

В заключение можно сказать, что в целом итальянские предприниматели настроены в пользу «общего рын-

ка» — при том условии, что его преимущества усилят их мощь, увеличат их собственность и богатства, а жертвы будут возложены на трудящиеся массы.

Позиции итальянских политических партий можно кратко резюмировать на основании голосования, имевшего место в сенате 15 февраля по «европеистской» резолюции, представленной христианскими демократами. Эта резолюция, имеющая ограниченное значение, тем не менее дала министру Мартино повод сделать довольно пространное заявление и добиться общего выражения доверия правительству. Не менее важны заявления политических деятелей и статьи, опубликованные газетами после соглашений, достигнутых в Париже на совещании премьер-министров.

Итальянская коммунистическая партия признала объективные требования, выдвигаемые экономическим развитием, но сделала особый упор на опасности, которые мы уже подчеркнули, указывая на связь Евратома и «общего рынка» с атлантической политикой и холодной войной между двумя противостоящими друг другу блоками. В ходе этой дискуссии два представителя социалистов — сенаторы Манчинелли и Мариотти — выступили с речами, близкими по духу речам сенаторов-коммунистов Негарвилле и Пезенти. Однако по окончании дискуссии социалисты воздержались от голосования, о чем заявил сенатор Луссу, который, признав, что заявление министра Мартино дает основание для голосования против резолюции демохристианской партии, добавил: «Воздержание при голосовании является следствием политической резолюции, одобренной на недавно состоявшемся съезде социалистической партии, в которой говорится, что Итальянская социалистическая партия сохраняет верность своим позициям нейтрализма, но благоприятно относится к таким инициативам, как создание общего рынка и Евратома, при условии, что будет гарантирован демократический контроль над ними, будут охраняться интересы трудящихся, учтены нужды отсталых районов и не будет допущено никакого сговора в отношении осуществления колониальной политики других государств».

Социал-демократы, республиканцы, либералы по-прежнему настроены в пользу «европеизма», а монархисты и «Итальянское социальное движение» воздержались от голосования, заявив, что они озабочены главным

образом тем, что создание «общего рынка» может ограничить национальный суверенитет.

Внешне создается впечатление, что христианские демократы единодушно одобряют Евратом и «общий рынок». В ходе дебатов и при голосовании в сенате среди них не выявилось никаких разногласий. В действительности же существуют глубокие противоречия, вызванные не только столкновением интересов различных слоев собственников, но также и различными концепциями в области внешней политики. Разногласия проявились уже некоторое время тому назад. Как известно, Фанфани и газета «Пополо» неодобрительно отнеслись к позиции итальянского делегата, воздержавшегося при голосовании в ООН по резолюции, осуждающей Францию и Англию за агрессию в Суэце. В этой связи говорили о двух линиях — проамериканской и «европеистской». Однако несколько дней тому назад итальянский делегат в ООН полностью поддержал Францию в алжирском вопросе, и ни один из христианских демократов не отметил, что это неизбежно ухудшит отношения Италии с арабскими странами. Кроме того, министр Мартино в своем заявлении в сенате пространно повторил слащавые заверения в верности Атлантическому союзу и призвал к тому, чтобы «общий рынок» и Евратом были поставлены под покровительство Соединенных Штатов Америки. Правда, он напомнил также, что договор о Западноевропейском союзе запрещает Западной Германии производить атомное оружие, дав понять, что этот запрет не будет изменен договором о создании Евратома. Однако, по-видимому, невероятно, чтобы Германия, принимая участие в производстве атомной энергии совместно с другими государствами, согласилась с тем, что лишь ее союзники смогут использовать эту энергию для военных целей.

Во всяком случае, после всего этого можно было предположить, что всякие колебания в христианско-демократической партии преодолены. Однако в тот момент, когда, казалось, было труднее всего достигнуть соглашения в Париже, газета «Пополо» пустила торпеду, которая могла потопить конференцию премьер-министров, опубликовав статью, в которой предлагала отложить заключение договора, ибо это лучше, чем принять необдуманные решения. На другой день все же соглашение было достигнуто (при этом много работы было оставлено

экспертам, которым придется кое-как закончить ее, разработав окончательные варианты статей), однако если некоторые буржуазные газеты, в том числе орган «Католического действия» «Куотидиано», ликовали, то «Пополо» проявила холодность. Бономи от имени Федерации мелких и средних земледельцев послал телеграмму протеста против включения африканских колоний в состав «общего рынка». Очень трудно определить значение и возможные последствия этой «оппозиции». Может быть, это карта, которую Фанфани приберет для того, чтобы вызвать правительственный кризис, если внутренние и внешние трудности сделали бы невозможным осуществление этих двух «европеистских» проектов. Как бы то ни было, им обеспечена поддержка Ватикана, радио которого заявило 23 января 1957 года: «Ради единства Европы стоит принести неизбежные жертвы, которые будут возникать в течение всего периода перехода от национальных рынков к открытию «общего рынка». Несмотря на это, не исключены сюрпризы со стороны христианских демократов, особенно если в результате выборов, которые должны состояться в скором времени, к власти в Германии придут социал-демократы, а в Англии — лейбористы, вследствие чего вместо лелеемых планов объединения Европы под господством католиков возникнет угроза, что Европой будут править социал-демократы.

Следовательно, даже и в Италии вопрос не разрешен. Есть еще слишком много международных проблем, в отношении которых необходимо по крайней мере прийти к компромиссу; слишком много затруднений, которые возникают, когда приходится считаться с итальянской действительностью, с интересами плутократических слоев и с интересами широких масс трудящихся. Удастся ли христианско-демократической партии, которой, например, в вопросе об «обоснованном мотиве» не удастся сломить ни сопротивления помещиков, ни сопротивления крестьян, осуществить мероприятие, которое должно заложить новые основы всей жизни в Италии и в Европе? На каких условиях и какой ценой? Поскольку снова возникает проблема: если Евратом и «общий рынок» могли бы означать широкие структурные реформы, благоприятные для народных масс и, следовательно, подлинно прогрессивные, то с помощью каких сил христианские демократы могли бы их осуществить?

ЕВРОПА ДОЛЖНА СЛУЖИТЬ ДЕЛУ МИРА ¹

ДЖАНКАРЛО ПАЙЕТТА

Политические партии и деятели, навязавшие Италии присоединение к Атлантическому пакту, отвергали возражения коммунистов и социалистов, приводя два аргумента, казавшиеся им прочной опорой всей их политики и пропаганды: западные державы априори рассматривались ими как демократические, вследствие чего исключалось, что державы могут осуществлять какие-либо агрессивные действия; нашей стране якобы никогда не будет грозить опасность быть вовлеченной в конфликт «автоматически», ибо-де самым категорическим образом исключалась возможность создания на территории Италии иностранных военных баз.

Ныне, несколько лет спустя, да будет нам дозволено констатировать, что иностранные военные базы уже созданы, что никто еще не опроверг, что оборудованы или оборудуются атомные базы и что, нравится это или нет, объявлено, что в случае атомного нападения всякая страна, откуда это нападение исходило бы или на территории которой находились бы базы и склады, сделавшие его возможным, навлекла бы на себя ответные действия такого же рода.

От Атлантического пакта затем перешли к проекту Европейского оборонительного сообщества, а когда эта попытка провалилась (причем отнюдь не благодаря стараниям наших клерикалов и социал-демократов), пришли к идее создания Западноевропейского союза. Когда мы в этой связи решительно разоблачали угрозу возрождения германского милитаризма и опасность быть вовлеченными в провокацию на восточных границах Федеративной

¹ «Унита», 24 февраля 1957 г., Италия.

Республики Германии, нам отвечали перечислением целого ряда принятых гарантийных мер.

Теперь мы можем напомнить, что ни одна из этих гарантий не была осуществлена, что Западная Германия располагает армией, что во главе так называемой европейской армии поставлен нацистский генерал — в недавнем прошлом один из палачей Парижа, что западногерманская промышленность готовится производить атомные бомбы.

Кроме того, добавим, что итальянский военный бюджет вновь стал тяжким бременем для финансов нашей страны и тормозом всякого социального прогресса, причем выдвигаются требования его дальнейшего увеличения. Мы говорим об этом, не боясь, что кое-кто обвинит нас, что мы повторяем то, о чем уже неоднократно говорили прежде, и несмотря на то, что многие хотели бы позабыть об этих «старых делах». Ведь именно из этих «старых дел» и их последствий и состоит нынешняя внешняя политика Италии, и мы, несомненно, не можем забывать о них, какую бы шумиху ни поднимали вокруг нового оживления европейстских настроений и вопроса о присоединении Италии к «общему рынку» и Евратому.

Заманчива ли возможность создания более широкой экономической базы, установления сотрудничества между различными народами, уничтожения границ? Несомненно, но только в том случае, если все это произошло бы в рамках внешней политики, отличающейся от той, что проводилась до сих пор и что открыто проводится в настоящее время. Должны ли мы, например, сотрудничать с Францией, чтобы помочь ей подавить восстание в Алжире, следует ли нам взваливать на себя бремя колониализма в период его агонии, после того как французские колониалисты извлекли из него все выводы в период его экспансии? Должны ли мы связывать свою судьбу с Западной Германией, занятой исключительно разрешением проблемы воссоединения страны, которая может заставить ее перейти от политики постоянных трений к еще более опасной политике авантюры и применения силы? Следует ли нам для того, чтобы сперва ослабить, а затем окончательно устранить барьеры, разделяющие страны «малой Европы», пренебрегать возможностью сотрудничать и торговать со странами Восточной Европы и народным Китаем? Следует ли нам возмущаться по поводу тамо-

женных тарифов, защищающих нашу промышленность от конкуренции промышленности более мощных в техническом отношении стран, и соглашаться на конкуренцию между нашей сельскохозяйственной продукцией и той, что производится в Северной Африке при помощи чуть ли не рабского труда; следует ли забывать, что мы не в состоянии продавать в некоторые страны продукцию нашей промышленности только потому, что ныне в этой области существует закон, изданный в Соединенных Штатах Америки, что мы не можем открыть себе рынки сбыта для наших товаров потому, что блок, к которому мы примыкаем, чинит этому всяческие препятствия, стремясь замедлить индустриализацию социалистических стран, а также стран Азии и Африки, освободившихся от власти империалистов?

К вопросу об опасности, угрожающей нашей экономике со стороны других, более сильных в экономическом отношении государств и вопросу о доминирующем положении, на которое претендуют Франция и Западная Германия, мы еще вернемся. Вернемся мы и к вопросу об опасности, которую представляет власть монополий, ибо если предварительно не будет проведена структурная реформа, внутри так называемого «общего рынка» грозит возникнуть империя монополий, что нанесло бы серьезный ущерб слаборазвитым районам, а нам грозило бы потерей всякой надежды на возрождение юга нашей страны. Но уже сейчас мы хотим напомнить о том, что эти опасности и грозящий ущерб никому не удастся скрыть ни от себя, ни от других. Об этом говорили социалисты на съезде в Венеции, об этом писал официальный орган Христианско-демократической партии, этого вопроса касались в своих выступлениях руководители конфедерации «свободных профсоюзов» и профсоюзной организации, возглавляемой Бономи.

Что касается нас, мы хотим сказать, что нельзя и думать платить за политику европейского единства ценой такого ущерба, ценой таких жертв со стороны тех, кого вечно приносят в жертву — бедных слоев населения и бедных районов страны, — теша себя мыслью о выгодах, которые, несмотря ни на что, якобы сулит это единство, и льстя себя надеждой, что авось потом удастся как-нибудь выйти из положения. Ко всем этим опасностям и ущербу, которые никто не отрицает, ныне добавляется еще

одна, самая серьезная опасность, а именно опасность консолидации военного блока, опасность того, что наша страна окончательно свяжет свою судьбу с политикой французского империализма и возрождающегося германского милитаризма, расплачиваясь, уже начиная с этих пор, за все последствия этого шага; что на пути разрядки международной напряженности, всеобщего сотрудничества, разоружения и мира будет вырыта пропасть, которая может оказаться непреодолимой.

Политика нищеты ради политики войны — такая судьба еще раз постигла бы нашу страну в «малой Европе», и потому мы, коммунисты, всегда выступавшие против войны и боровшиеся против нищеты, вновь предлагаем проводить политику, которая путем разоружения и разрядки международной напряженности сделала бы возможным эффективное сотрудничество между народами Европы.

РЫНОК ИЛЛЮЗИЙ¹

Как показывают последние дебаты в бундестаге, федеральный министр хозяйства не очень высоко оценивает экономическое значение только что подписанного договора о создании «общего рынка». Напротив, германская промышленность чувствует себя незаслуженно ограниченной в результате создания Евратома, то есть заключения договора о совместном использовании и контроле над атомной энергией. Однако оба проекта должны быть претворены в жизнь «из политических соображений» по воле Эрхарда, по воле, очевидно, всех партий и промышленности.

Каковы же эти политические соображения? Их можно быстро перечислить.

Создание «общего рынка» и Евратома, естественно, вызовет необходимость единой и в политическом отношении Европы. Прогрессирующее улучшение германо-французских отношений, первым результатом которого явилось соглашение о Сааре, в первую очередь обеспечит европейское единство по крайней мере в рамках шести государств. Хотя экономические выгоды создаваемого таможенного союза являются спорными, все же угрозы создания «рынка шести» оказалось достаточно, чтобы заинтересовать Англию в столь желанной зоне свободной торговли.

Это звучит благоразумно, и об этом можно дискутировать. Однако в свете фактов недавнего прошлого и исторических фактов аргументы не выдерживают критики. Таможенный союз может содействовать созданию политического единства, если политическая воля населения и

¹ «Дер шпигель», 27 марта 1957 г., Западная Германия.

государственных деятелей оказывает давление в этом направлении. Если этой воли нет, то таможенный союз будут оценивать по его экономическим результатам и в случае нужды его ослабят или же распустят.

Сначала Европейское объединение угля и стали должно было в качестве «движущей силы» осуществить военное объединение; затем задача «осуществить в принудительном порядке» военное объединение была возложена на Европейское оборонительное сообщество; Европейскому политическому сообществу вообще не предъявляли таких чрезмерных требований — оно не было мертворожденным, как его более счастливый близнец, а было мертвым уже при зачатии. Теперь же кружится хоровод официальных иллюзий, заключающихся в том, что экономическое учреждение сомнительной ценности должно, как по волшебству, создать Европу. Разве кто-либо знает, что такое Европа? Общность людей, готовых сообща идти на жертвы во имя обретения независимости; все остальное — болтовня дипломатов.

Федеральное правительство решило пойти к единству Европы по французскому пути. Его можно свести к следующей несколько грубой формуле: Германия платит для того, чтобы Франция могла заштопать самые большие дыры в своем постоянном дефиците. Германо-французские отношения могут при этом улучшиться, однако как же будет обстоять дело с европейской независимостью? Будут ли средства, которые мы предоставим Франции (и которые сначала, конечно, не нанесут нам ущерба), использованы благоразумно или же они усилят пагубную, существующую не только во Франции привычку жить за счет якобы богатых родственников?

Таможенный союз в XX веке имеет целью повышение жизненного уровня. Европейский таможенный союз, кроме того, преследует цель получения новых дополнительных средств, чтобы сделать Европу независимой от Востока и Запада. Однако у «общего рынка» нет предпосылок осуществить эти цели. Он окружил себя протекционистской таможенной стеной, отгородившись от остального свободного мира и Восточной Европы и фактически от восточной части нашей страны, составляющей ее треть.

В результате создания «общего рынка» сельское хозяйство, от которого можно было бы ожидать в основном роста производительности, останется в рамках нацио-

нальных рынков. «Общий рынок» не создает условий для необходимого разделения труда, а о свободном обмене сельскохозяйственными продуктами, по крайней мере между государствами-партнерами, не может быть и речи.

Франция, как это вполне понятно, заинтересована в том, чтобы вопрос о полной действительности «общего рынка» был поставлен в зависимость от того, возьмут ли на себя партнеры, а именно Федеративная республика, выполнение обязательств Франции в социальной области, которые постоянно оказывают инфляционистское давление на валюту.

То, что может созреть как продукт «общего рынка», должно быть сжато еще перед посевом. Какое сопротивление могло бы оказать правительство СДПГ, если оно когда-нибудь придет к власти, таким приятным для рабочих пожеланиям, на осуществление которых через общий рынок претендовала бы Франция. Товарам вновь должно быть отдано предпочтение перед трудом. В области экономики это привело бы к подрыву валюты.

Можно утверждать, будто Федеративной республике не пристало быть слишком разборчивой, ей следует платить за любую европейскую инициативу. Это репарационная точка зрения. Однако нельзя будет подходить к требованиям европейской политики, безнаказанно руководствуясь масштабами моральной компенсации.

Гротескный пример такой политики компенсации любой ценой подали нам англичане. Они бомбят Суэцкий канал, не обращая внимания на Европу. Они отводят свои войска, не сделав даже попытки совместно с союзниками добиться от Советов тех же уступок в отношении «зоны ограниченного вооружения»; и затем они требуют от Федеративной республики больших ассигнований на содержание войск и получают их. Пока что мы еще можем платить; однако мы не всегда будем иметь такую возможность, и тогда сущность европейской политики вновь будет состоять в том, чтобы оттеснить партнера по объединению и военного союзника от денежного мешка дяди Сэма.

Никто не может обижаться на Францию за то, что она в ее теперешнем состоянии не рискует начинать открытую конкурентную борьбу с немцами. Это только лишь означает, что создание европейского экономического райо-

на с честным паритетом валюты, высоким жизненным уровнем на основе высокой производительности труда в настоящее время невозможно. Если бы Федеративной республике пришлось израсходовать большие суммы, чтобы сделать Францию конкурентоспособной путем предоставления ей единовременной дотации, то эти деньги были бы затрачены во имя европейских целей. Напротив, едва ли можно серьезно ожидать, что Франция использует сроки, защитительные статьи и «переходные мероприятия» «общего рынка», чтобы стать конкурентоспособной.

Французское государство уже давно не считает обязательным обманывать своих собственных граждан. Во Франции вместо повышения цен на хлеб делают его меньшим по размерам. Это происходит по указанию властей. Если индекс стоимости жизни увеличивается в таких размерах, что возникает угроза повышения заработной платы, государство производит манипуляцию с тарифами на газ и на вывоз мусора, чтобы проскользнуть ниже статистически рассчитанного уровня. Можно приблизительно представить себе, чего должны ожидать партнеры Франции по таможенному союзу от такой практики.

В тисках между неограниченными средствами крупного американского капитала и заслуживающими внимания возможностями цветного населения Африки даже специалистам по интеграции, собравшимся вокруг Вальтера Хальштейна, было нелегко. Они откупились деньгами налогоплательщиков от требования активно поддерживать колониальную политику Франции в Алжире. «Пожертвования Сахаре» из средств немецкого народа уже поступают.

То, что созданный «общий рынок» нагромоздит новые препятствия на пути воссоединения, само собой разумеется.

Федеральное правительство с давних пор успокаивает себя пустой фразой, что от добра добра не ищут. В действительности проблема заключается в том, следует ли создавать явно бездействующий организм только лишь для того, чтобы вообще что-то сделать. Германская промышленность чувствует себя достаточно сильной, чтобы выйти из европейского лабиринта, не понеся потерь, и рекомендует ради создания хорошего впечатления сотруд-

ничать с врагом. Она верит, что небо услышит. Даже СДПГ, потерявшая уверенность в результате постоянного отрицания, склоняется к принятию новых договоров, которые так мало продуманы, как вообще только может быть мало продуман договор. Франция с дипломатическим мастерством заставила нас согласиться с политикой, которая противоречит интересам как экономики, так и Европы. То, что мы при этом сами сыграли роль погонщика, — это аденауэровская разновидность неприятности, которой и в других случаях не всегда удавалось избежать.

ЗАПАДНЯ «ОБЩЕГО РЫНКА»¹

ГАНС В. АУСТ

За закрытыми дверьми и с большой поспешностью в последнее время протаскивался один проект, который таит в себе величайшую опасность для всеобщего мира и для существования народов Европы. Речь идет о создании европейского «общего рынка» шести стран, входящих в Объединение угля и стали. Одновременно создается атомное объединение этих стран (Евратом). Наряду с этим готовится присоединение Великобритании и других государств Западной Европы к таможенному союзу «общего рынка» в виде так называемой «зоны свободной торговли».

Подлинная и откровенно преследуемая цель этого заговора — создание некоего наднационального правительства во главе с западногерманскими империалистами и реваншистскими политиками, которому должны быть подчинены все государства капиталистической Европы. Тем самым обходными путями должен быть воплощен туманный план «Европейской федерации», возведенный Аденауэром на «большой конференции католиков» в Брюсселе 25 сентября 1956 года, являющийся политическим дополнением к проектам экономической «интеграции» и представляющий собой новое издание провалившегося вместе с Европейским оборонительным сообществом (ЕОС) Европейского политического сообщества (ЕПС).

Господство в этом ультрареакционном военном государстве принадлежало бы монополистам Рейна и Рура, хотя бы вследствие их экономического превосходства. Впрочем, США, истинный инициатор этого плана,

¹ «Дейче ауссенполитик», № 3, март 1957 г., ГДР.

уже позаботились о том, чтобы их главный западногерманский союзник играл там главенствующую роль. Не случайно, что как раз на этом решающем этапе западногерманский генерал Ганс Шпейдель¹ должен получить верховное командование над сухопутными силами НАТО в Центральной Европе, а представитель западногерманского монополистического капитала доктор Ганс Фурлер в ноябре 1956 года был избран новым президентом ассамблеи Европейского объединения угля и стали, которая претендует на то, чтобы стать «парламентом» будущего «Европейского государства». В своей программной речи от 27 ноября 1956 года Фурлер решительно указал на отмеченную нами взаимосвязь:

«Отсюда, мне кажется, неизбежно вытекает два следствия. Только в союзе с Соединенными Штатами Америки мы, европейцы, можем противостоять опасностям, возникающим в мировой политике. Но второе и важнейшее, что мы должны осознать, это следующее: если Европа еще больше не сплотится экономически и политически, тогда она долго еще не будет в состоянии найти в себе необходимые силы для защиты своей свободы»².

Слияние, таким образом, преследует в первую очередь военно-политические цели: подготовку агрессивной войны против стран социализма и насильственное порабощение стремящихся к самостоятельному развитию ранее зависимых государств. [То, что эти цели обозначаются как «защита» против нападения, которое в действительности ниоткуда не угрожает (защита «свободы» монополистического капитала), обмануть никого не может: это блатной язык империализма].

1. Реакционный союз государств под западногерманским господством

В. И. Ленин уже в августе 1915 года указал на то, что «Соединенные Штаты Европы» в условиях капита-

¹ Орган западногерманских финансистов пишет, что было бы неверно видеть в Гансе Шпейделе «свадебного генерала». Он не такого склада человек, чтобы из него «можно было вить веревки» («Frankfurter Allgemeine Zeitung», 25. I. 1957). Это неприкрытая угроза.

² «Bulletin des Presse und Informationsamtes der Bundesregierung», I. XII. 1956.

лизма «либо невозможны, либо реакционны»¹. В. И. Ленин говорит о национальных комитетах миллионеров, называемых правительствами, распоряжающихся армией и военным флотом, которые помещают в колониях и полуколониях сынков и братцев «господина миллиарда» в качестве вице-королей, консулов, послов, чиновников всяческого рода, попов и прочих пиявок». Это определение, как нас учит повседневный опыт, бьет и сейчас в самую точку.

Разумеется, не так-то легко заставить народы Европы и даже их правящие буржуазные круги отказаться от национального суверенитета. Уже создание Европейского объединения угля и стали было встречено ожесточенным сопротивлением, так как его высший орган должен был безвозвратно узурпировать ряд весьма важных суверенных прав. Этот первый шаг ведет ныне к опасным результатам. За ним последовали (и это почти не привлекло внимания широкой общественности) образование «Европейского платежного союза», что дало Западной Германии опасный инструмент для выкачивания из своих партнеров долларовых и золотых запасов и тем самым увеличило зависимость этих государств также и от США. Одновременно были созданы Западноевропейский союз под британским руководством и армия НАТО, в которую после провала Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) и Европейского политического сообщества (ЕПС) Западная Германия была впущена по черной лестнице парижских соглашений. Попытка осуществить дальнейшие планы частичной «интеграции» по образцу Европейского объединения угля и стали в области сельского хозяйства, средств сообщения и здравоохранения провалились из-за противоречий среди партнеров. Поэтому западногерманские империалисты решили отказаться от решения проблемы по частям, а перейти к решительным действиям. Экономическое превосходство Западной Германии с присоединением Саара значительно увеличилось. Вооружение идет быстрыми темпами. В ближайшие четыре года Бонн намерен создать такую военную машину, которая легко опередит английскую и французскую. А так как тем временем положение Англии и Франции

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 309.

как великих держав было очень ослаблено войной в Египте — столь же глупой, сколь преступной, — момент кажется подходящим для того, чтобы значительно продвинуть вперед дело создания реакционного союза государств «малой Европы» путем образования таможенного союза.

Подготовка к этому велась издавна. Уже план Маршалла и создание так называемой ОЕЭС¹ — совещательной организации по координации западноевропейской экономики под американским руководством — были первыми шагами в этом направлении. Переговоры о создании «общего рынка» и Евратома усердно проводились при закрытых дверях под эгидой ОЕЭС и руководством представителей США в европейских столицах. В июне 1956 года государства, входящие в Европейское объединение угля и стали, на совещании в Мессине решили форсировать долго находившиеся в тени планы создания «общего рынка». Бельгийскому министру иностранных дел Полю Анри Спааку, который с декабря 1956 года является также генеральным секретарем агрессивного пакта НАТО, было поручено руководить постоянной комиссией экспертов, которая занята разработкой двух договоров: договора о создании «общего рынка» и договора об основании западноевропейского атомного объединения (Евратом). Лишь в начале нынешнего года сведения об этих соглашениях стали известны в таком объеме, что можно составить представление о намеченных мероприятиях.

• Следует подчеркнуть, что главные организаторы нового заговора против своих собственных народов — это представители крупнейших банков и тяжелой индустрии западноевропейских государств. Их интересы тесно связаны между собой и с американским капиталом. Традиции их совместных действий уходят своими корнями в двадцатые и тридцатые годы; их характерные этапы — отдельные звенья Локарнского договора, «Международный стальной концерн», Мюнхенское соглашение, Англо-германское джентльменское соглашение и Виши. С другой стороны, этим планам наиболее ожесточенно сопротивляются экономически более слабые промышленные

¹ «Организация европейского экономического сотрудничества». — Прим. ред.

круги во Франции. В брошюре, изданной ведущим объединением французской индустрии «Национальным советом французских предпринимателей» (НСФП), это двойственное отношение к планам «общего рынка» и Евратома отражено достаточно откровенно. Брошюра указывает без обиняков:

«Общий рынок» является лишь первым шагом на пути к осуществлению далеко идущих планов слияния. Брюссельские эксперты избрали этот путь, рассчитывая, что сравнительно легче будет получить согласие парламента на этот ограниченный проект, так как он не предусматривает решительного отказа от национального суверенитета. НСФП считает, что и при таком осторожном подходе проект не отвечает истинным потребностям¹.

В действительности «общий рынок» является лишь трамплином. Парижская газета «Либерасьон» пишет:

«Ссылаются на необходимость «перестроить Европу», а в действительности речь идет об объединении капиталистических стран, в котором Западная Германия, располагающая наиболее значительным экономическим и финансовым потенциалом, быстро заняла бы ведущую роль. С политической точки зрения «общий рынок» и Евратом, который должен обеспечить немецкому милитаризму атомное вооружение, представляют собой попытку возобновить холодную войну и обострить опасные противоречия между двумя мировыми блоками».

Поспешные действия реакционных правительств встречают возражения также и в среде западногерманских промышленников. Руководящие западногерманские деловые круги жалуются по поводу того, что их мнения вообще не спрашивали. Дюссельдорфская газета «Хандельсблат» писала 23 января 1957 года:

«Уже во время переговоров об Европейском объединении угля и стали политическая идея о европейском объединении оттеснила на задний план трезвую точку зрения. Должна ли эта игра вновь повториться? Уже в последний момент федеральный канцлер сделал французскому правительству целый ряд уступок, которые должны значительно затруднить образование «общего рынка», действительно заслуживающего это название».

¹ «Handelsblatt», 9. II. 1956.

Истинные намерения немецких империалистов выражены в высказывании гамбургского бургомистра и нынешнего президента бундесрата доктора Зивекинга, который явно признал то, что он формально пытается оспорить:

«С неизбежной логикой все идет к тому, что Германия снова займет центральное место в Европе и тем самым будет поставлена перед задачей во все большей степени становиться естественным центром притяжения в Европе. Немецкая внешняя политика должна быть свободной от всех иллюзий, от переоценки своего значения в мировой политике, но она и не должна также недооценивать свою собственную роль. Она должна рассматриваться не через призму немецкой гегемонии, но ее смысл должен заключаться в том, что Германия должна стать первым слугой Европы». («Первым слугой» своего государства издавна охотно называли себя абсолютистские властители!)

Чтобы не возбудить подозрения, что немецкие империалисты могут пойти своим собственным путем, Зивекинг потребовал единства с Соединенными Штатами и дальнейшего проведения политики, опирающейся на Соединенные Штаты, «в форме ли политического и военного союза или в форме видоизмененной доктрины Эйзенхауэра»¹.

Поспешность, с которой были подготовлены брюссельские соглашения, позволяет прийти к выводу, что авторы этих соглашений хотели бы поставить участников перед свершившимися фактами, прежде чем они заметят, что попали в ловушку. Газета «Франкфуртер альгемейне цейтунг» писала об этом в корреспонденции из Брюсселя:

«Спешка, стремление завершить всю эту работу имеют в основном политические причины. Лишь. поздней осенью 1956 года ранее затянувшиеся переговоры в Брюсселе получили новый толчок благодаря обмену мнениями между Аденауэром и Ги Молле. Франция и Германия стоят в 1957 году перед внутривнутриполитическими и внешнеполитическими решениями, последствия кото-

¹ «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 23. I. 1957. В том же номере приводится следующее высказывание Спаака: «Мы должны постараться заключить соглашения о Евратоме и «общем рынке», пока в Германии Аденауэр, а во Франции Ги Молле находятся у власти.

рых трудно предугадать. А это настоятельно требует завершения соглашений».

Иными словами: опасаются поражения Аденауэра на выборах и падения Ги Молле, так как понимают, что подавляющее большинство населения Франции и ФРГ решительно отвергает отказ от национального суверенитета и катастрофические экономические следствия «общего рынка» под господством монополий¹.

2. В обход парламентов

В результате брюссельских соглашений об «общем рынке» и Евратоме суверенитет европейских государств подвергается гораздо большей опасности, чем это кажется на первый взгляд. Это объясняется следующими причинами:

1. «Общий рынок» получает в «Европейской комиссии», состоящей из девяти человек, подлинное правительство, своего рода «наднациональное министерство экономики» с диктаторскими полномочиями. Этот пункт соглашения, который долгое время держался в секрете, имеет решающее значение. «Франкфуртер альгемейне цейтунг» цинично раскрывает это в следующих выражениях:

«В рамках общих экономических директив, которые «Европейская комиссия» получает от Совета, объединяющего соответствующие хозяйственные министерства, она свободна в своих действиях. Соглашение особенно подчеркивает эту сторону. Отдельные указания не должны даваться и не должны выполняться. Европа не должна быть опутана нитями национально-автаркных стремлений. Итак, все же будет существовать некая наднациональная власть, которая, кроме осуществления предписаний, предусмотренных в соглашении, может еще проявлять инициативу и давать советы? Перед кем она ответственна? Соглашение предоставляет правительствам больше возможностей и свободы, чем наднациональный орган Европейского объединения угля и стали. Составленный на паритетных началах комитет из работодателей и рабочих должен обратить еще больше внимания на эту сторону вопроса».

¹ «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 11. I. 1957.

Таким образом, разъяснено, что уже до вступления соглашений в силу существует намерение создать над-национальное правительство, которое ни перед кем не будет ответственно; оно должно регулировать путем предписаний экономическую политику и тем самым все хозяйственное развитие стран-участниц вплоть до мелких деталей. Если при этом учесть, что высший орган Европейского объединения угля и стали уже обладает подобными полномочиями в области тяжелой индустрии, снабжения электричеством и газом, а также в некоторых других отраслях экономики, то станет ясным, что суверенитет национальных правительств и их парламентов оказывается в значительной мере ущемленным. Кстати, и Евратом также должен управляться некой (второй) «Европейской комиссией», в то время как Совет министров, «политическая ассамблея» и судебная палата обеих организаций должны быть общими¹.

2. Законодательная власть и функции контроля со стороны национальных парламентов в связи с созданием «общего рынка» будут ограничены. Реакционные правительства Аденауэра, Ги Молле, Макмиллана, Сеньи и другие намерены свести на нет права своих парламентов. Общественность будет информироваться весьма скупо и лишь в случае крайней необходимости. В ожесточенных дебатах во французском Национальном собрании в первые дни приняла участие в обсуждении вопроса только четвертая часть депутатов: для остальных этот вопрос «не представлял интереса». В Западной Германии авторитарный метод, при помощи которого правительство стремится ускоренным порядком проташить соглашения, вызвал беспокойство даже в тех кругах промышленников, которые в принципе согласны с этими устремлениями. Так, газета «Хандельсблат» жалуется:

¹ «Neue Zürcher zeitung», 28. I. 1957. Затем должны быть созданы «Европейский инвестиционный банк», которому надлежит действовать по образцу «Всемирного банка», т. е. он должен всюду обеспечивать влияние американского и западногерманского капиталов, некий фонд для «частичного» финансирования переезда и переобучения людей, которые останутся безработными, а также «Исследовательский фонд» для Евратома.

«Федеральное правительство старательно избегало обсуждения в бундестаге вопросов, имеющих решающее значение для нашего будущего. В то же время существует ряд вопросов, по которым было бы очень полезно обеспечить себе поддержку в бундестаге. При этом имеются в виду, скажем, требования парламента, гласящие, что правительство должно сделать все для того, чтобы предотвратить решения, которые могли бы привести в Германии к инфляции, ослабить стабильность валюты, что является высшим требованием. Или требование к правительству — тщательно проверить, не затронет ли новое сообщество основы нашей внешней торговли; или важнейшее решение — лучше увязать переговоры о таможенном союзе с переговорами о создании зоны свободной торговли...

Бундестагу этот шанс предоставлен не был. Федеральный канцлер намерен теперь снова действовать по принципу: «Умри, но сделай!» Парламенту хотят представить проект соглашения на такой стадии, когда уже не будет возможности внести в него какие-либо изменения. Бундестаг может только сказать «да» или «нет». Нет сомнения, что если даже при обсуждении отдельных вопросов и возникнут весьма серьезные колебания, при наличии у ХДС абсолютного большинства бундестаг скажет только «да»¹.

3. Если кто-либо полагает, что наднациональная «Европейская комиссия» будет подлежать парламентскому контролю, он сильно ошибается. Единственная парламентская корпорация — «Общее собрание» парламентариев стран-участниц — «не имеет никакого права давать «Европейской комиссии» указания контролировать деятельность ее членов или расследовать действия комиссии в целом. «Общее собрание» получает только право заслушивать раз в год отчет о работе комиссии и затем на основании этого отчета о работе выразить всему составу комиссии недоверие, причем для принятия этого вотума о недоверии необходимо иметь квалифицированное большинство².

Точно так же урезаны права по отношению к комиссии и так называемого «Совета министров». Например,

¹ «Handelsblatt», 28. I. 1957.

² Там же.

решения, принятые «Европейской комиссией», могут быть отвергнуты лишь при полном единогласии «Совета министров». С другой стороны, этот европейский «Совет министров» получает возможность принимать решения простым или квалифицированным большинством. Как справедливо замечает по этому поводу газета «Трибюнде насьон» от 18 января 1957 года, предоставление власти «Совету министров» приведет к тому, что в странах-участницах возникнут конституционные проблемы. «Если решение по тому или иному вопросу будет принято, окажутся ли парламенты в состоянии осуществить права, предоставленные им конституцией?»

Таким образом, речь идет о диктатуре комитета миллиардеров, прикрытой куцем парламентским фартуком, — о диктатуре крупной буржуазии *Sans qûne et sans façon!* (Без стыда и без церемоний!)

Совещательное собрание Европейского совета ввиду отсутствия какой-либо оппозиции, обладающей чувством ответственности, уже проявило. Его можно, применяя выражение кайзера Вильгельма II, с полным правом назвать «балаганом болтунов». Его члены были тщательно отобраны из числа депутатов национальных парламентов и были назначены, а не избраны. Их трогает лишь забота о доходных местах. Их требование не создавать четвертого Европейского парламента, который бы существовал наряду с Совещательным собранием Европейского совета, Всеобщим собранием Европейского объединения угля и стали и Собранием Западноевропейского союза, нашло свое выражение в телеграмме Совещательного собрания президенту Брюссельской конференции Полю Анри Спааку. В телеграмме одновременно была высказана просьба, чтобы по меньшей мере половина членов расширенного Всеобщего собрания, делегатов или заместителей, являлась членами Совещательного собрания Европейского совета.

Не удовлетворяясь этим, делегация Европейского совета в составе шести человек в возбужденном состоянии направилась в Брюссель, чтобы лично изложить свои пожелания. Беседа продолжалась двадцать минут. Спаак смог быстро успокоить своих посетителей. Никто в Брюсселе, сказал он, не имеет по этому вопросу другой точки зрения; уже в первом сообщении руководителей делегаций министрам иностранных дел 21 апреля

прошлого года указывалось: «Парламентский контроль следовало бы осуществлять через Всеобщее собрание Европейского объединения угля и стали, количество депутатов в котором можно резко увеличить»¹.

Таким образом, еще большее количество парламентариев может быть подкуплено тепленькими местечками в будущем иллюзорном парламенте. Судя по всему, несколькими днями позднее Спаак уже нарушил свое обещание. Во всяком случае, западногерманская пресса резко протестовала против того, что по желанию французов все же должен быть создан четвертый Европейский парламент; это, мол, приводит только к «путанице и ненужным тратам»². Все это вопросы тактики, которые ввиду своей незначительности важны только для тех, кто с ними непосредственно связан. Но для духа «европейцев» это в высшей степени показательно³.

3. «Общий рынок» плюс Евратом равны нацистской «Европе»

Другим фактором, который свидетельствует об опасности «европейских планов», разработанных в Брюсселе, является их связь с проектом Евратома. Боннские империалисты потребовали его создания с тем, чтобы овладеть атомными секретами и атомным сырьем своих партнеров. В то же время, развернув псевдолиберальную кампанию против «государственного дирижества» и наднациональных органов, они позаботились о том, чтобы атомные исследования, атомное сырье и атомное оружие были переданы полностью в бескон-

¹ «Rheinischer Merkur», 25. I. 1957.

² «Handelsblatt», 30. I. 1957.

³ Новый парламент должен состоять из 225 депутатов (в Страсбургском парламенте — 75 депутатов); они должны быть избраны национальными парламентами, а именно: по 60 французов, немцев и итальянцев, по 20 бельгийцев и голландцев и 5 люксембуржцев. Распределение голосов в «Совете министров», который в принципе принимает решение большинством в 75 процентов и «только в переходное время и в немногих случаях должен решать вопросы единогласно», соответствует примерно распределению денежных взносов партнеров в обе организации: по 30 голосов для Франции и Западной Германии, 23 — для Италии, 8 — для Бельгии, 6 — для Голландии и 3 — для Люксембурга. Сколько многообещающих возможностей при ответственных голосованиях «убеждать» сопротивляющихся депутатов при помощи великодушных подношений!

трольное владение частных военных концернов. Заключив двусторонние атомные соглашения с Англией и Соединенными Штатами, Бонн показал своим партнерам, что у Западной Германии имеются, помимо Евратома, и другие возможности создать мощную атомную промышленность¹.

В западногерманский атомный пул «Физикалише Штудиен-гезельшафт м.б.х.», созданный 8 ноября 1954 года и расширенный 2 декабря 1955 года, входят 27 крупных концернов. Только после того, как была создана эта частная атомная монополия, боннское правительство образовало «Германскую атомную комиссию», решающие функции которой оказались в руках представителей упомянутых выше обществ².

Государственный контроль, который должен служить средством успокоения граждан, сведен к фарсу: министр по атомным вопросам «намерен установить контроль лишь за теми, кто получает разрешение на проведение исследовательской работы и на использование энергии». Иначе говоря, он должен оградить монополистов от конкуренции. Подобное развитие событий больше всего беспокоит французскую общественность. «Общий рынок плюс Евратом равны германской Европе» — так озаглавила 20 января 1957 года «Юманите» одну из своих многочисленных статей, зовущих к бдительности. Еще в прошлом году Ив Моро в той же газете писал:

«Евратом — это не что иное, как Европейское оборонительное сообщество в атомной области... Основной жертвой этого мошенничества будет Франция. Если не считать Бельгии, которая уже обязалась отдавать Соединенным Штатам практически весь уран, добываемый в Конго, Франция является среди членов Евратома единственным значительным производителем расщепляющихся материалов».

¹ Hans Voss, Der Stand der EURATOM — Diskussion, «Deutsche Außenpolitik», Heft 6, 1956, s. 535 f.f.

² Достаточно упомянуть хотя бы Бодена («АЭГ»), Хаберлянда («Байер»), Кнотта («Сименс»), Петерсена («Металлгезельшафт»), Ройша («Гуте Хофнунгс-хютте» — «Ганиэль»), Х. Рейтера («ДЕМАГ») и Винакера («Хехст»). Кроме того, в атомной комиссии представлены «Дейче банк» (в лице Германа Абса), «Алианцферзихерунг», «Маннесман» и «ЭССО — Стандарт ойл».

До тех пор, пока контроль над атомной промышленностью полностью находится в руках военных концернов, «торжественное заверение», что Западная Германия отказывается от производства атомных бомб, не стоит и клочка бумаги. Направляясь в Брюссель для переговоров, статс-секретарь Хальштейн получил от боннского кабинета твердую инструкцию не соглашаться на отказ от права частного владения расщепляющимся материалом¹.

Инициаторы реакционных планов создания «малой Европы» не случайно делают упор на проекты «общего рынка». Для агитации в пользу этого проекта имеется в наличии множество популярных аргументов, опирающихся на предшествующие теории и укоренившиеся либеральные иллюзии. Европа без таможенных границ и транспортных ограничений, в которой была бы обеспечена полная свобода передвижения для людей, транспорта и товаров; «общий рынок», насчитывающий 250 миллионов потребителей, который обеспечил бы для промышленности свободное развитие и дал бы возможность наладить широкое серийное производство дешевых товаров, как это имеет место в Соединенных Штатах или в Советском Союзе! Как привлекательно все это звучит! Апологеты «малой Европы» не брезгают и тем, чтобы демагогически использовать всеобщее недовольство Соединенными Штатами, которое особенно усилилось среди буржуазии после суэцкой авантюры. Они утверждают, что только объединенная капиталистическая Европа будет обладать экономической, политической и военной силой, достаточной для того, чтобы успешно противостоять Соединенным Штатам. В действительности, однако, именно американский крупный капитал через своих представителей в столицах Западной Европы прилагает все усилия к тому, чтобы ускорить объединение ряда западноевропейских стран в антисоветский военный блок; хорошо известно, что без согласия Вашингтона боннское правительство не может сделать ни одного внешнеполитического шага. Соединенные Штаты чувствуют себя достаточно сильными, чтобы без особого труда преодолеть какие-либо возможные внешнеполитические затруднения, связанные с появлением

¹ «Handelsblatt», 18—19. I. 1957.

подобного блока. Завоевав значительные позиции в важнейших отраслях западногерманской промышленности, американский капитал намерен при помощи западногерманских концернов еще глубже проникнуть в экономику Франции и других стран Западной Европы...

4. Легенда о «свободной торговле»

Апологеты «общего рынка» охотно ссылаются на пример объединения Германии в XIX веке, которому также предшествовало создание таможенного союза. Однако в эпоху монополистического капитала и империализма развитие происходит иначе, чем в период господства свободной капиталистической конкуренции. Кроме того, история учит, что в рамках немецкого таможенного союза экономически самое сильное государство Пруссия обеспечила себе решающие позиции и добилась своего господства в Германии. Эта закономерность с еще большей силой скажется в западногерманском таможенном союзе. В частности, сыграет роль то обстоятельство, что в рамках существующих или возникающих международных монополий западногерманские концерны почти повсеместно являются сильнейшим партнером и будут в состоянии установить на рынке такой «порядок», какой им будет желателен.

Достаточно хотя бы вспомнить о том, что после суэцкого кризиса Организация европейского экономического сотрудничества полностью передала вопросы распределения нефти в Западной Европе крупнейшим международным нефтяным концернам, а западногерманские газеты превозносили эту неограниченную диктатуру монополий в качестве показательного примера организации «общего рынка».

Сознавая свою силу, западногерманские монополисты не скупятся на обещания, чтобы преодолеть сопротивление своих партнеров. «К удивлению экономических экспертов», Аденауэр во время беседы с Ги Молле, «исходя из чисто политических соображений», 6 ноября 1956 года дал принципиальное согласие на выполнение основных французских требований: уравнивание социальных издержек, участие партнеров Франции в инвестициях на заморских территориях, заключение договоров о поставках сельскохозяйственных продуктов и о гарантирован-

ных ценах на них¹. В ходе длительных, упорных переговоров в Брюсселе было достигнуто соглашение о многочисленных ограничениях действия договора. Уже то обстоятельство, что договор об «общем рынке» насчитывает около 250, а договор о Евратоме — около 200 страниц, свидетельствует о том, что речь идет об очень сложном документе. Многие положения договора, вызывавшие ожесточенные споры, возможно, «вообще никогда не будут применяться»². Это означает, что ведущие монополии будут достаточно сильны, чтобы их попросту игнорировать.

В связи с этим западногерманские монополии придают огромное значение следующему решающему обстоятельству: договоры не должны подлежать денонсации. После того как государства Западной Европы попадут в ловушку «общего рынка», отступление для них исключено.

«План, предусматривающий ликвидацию таможенных барьеров в три этапа, давит кошмаром на многих важных и влиятельных деятелей в Париже, ибо он делает невозможным возвращение на исходные позиции, — писал лейб-орган Аденауэра газета «Рейнишер меркур». — Но от принципа неденонсации зависит существование всей конструкции «общего рынка». В ходе переговоров возможен широкий торг о продолжительности этапов. Вопрос о том, будут ли отдельные этапы длиться четыре, пять или даже шесть лет, будут ли они одинаковы по продолжительности или различны, имеет второстепенное значение.

Возможны и самые различные формы соглашения по вопросу о размерах сокращения тарифов до тех пор, пока с истечением переходного периода они не будут сведены к нулю. Однако мысль, что, после того как этап пройден, не может быть никакого возврата к исходным позициям, является важнейшим элементом конструкции всего здания. Отказаться от нее — значит возводить здание на обманчивой, неустойчивой основе меняющегося парламентского большинства. В таком случае при определенных условиях правительства, зависящие от этого большинства, могут быть вынуждены разрушить то,

¹ «Handelsblatt», 28. I. 1957.

² «Neue Zürcher Zeitung», 29. I. 1957.

что было до этого создано всеми шестью государствами — участниками договора с большим усердием и доброй волей, на что были затрачены крупные финансовые средства»¹.

Это заявление полностью разоблачает глубоко антинародную и антидемократическую концепцию брюссельских «создателей Европы». Народы Западной Европы, и без того достаточно опутанные сетями монополистов, должны быть бесповоротно подчинены наднациональной диктатуре международного финансового капитала и лишены всякого права на суверенитет. Все эти сложные переговоры и договоры — лишь туман, который должен замаскировать конечную цель, раскрытую газетой «Рейнишер меркур» с откровенностью, заслуживающей благодарности².

После ликвидации защитных тарифов и других протекционистских мероприятий одна только «свободная конкуренция» развяжет столь убийственное соревнование, что это приведет к многочисленным банкротствам и безработице. Но разве такая конкуренция не приведет после тяжелого переходного периода к тому, что в конце концов победителями окажутся фирмы, производящие товары с самой низкой себестоимостью и продающие их по самым дешевым ценам? Не повысит ли это благосостояние масс? Подобную иллюзию пытается вызвать к жизни отчет Спаака. Но расчеты такого рода подобны мыльному пузырю.

В отчете Спаака есть избыток рассуждений о благотворности свободной конкуренции, и в то же время он систематически игнорирует факт существования картелей и промышленных союзов... Самые мощные картели

¹ «Rheinischer Merkur», 28. I. 1957.

² В этой связи из числа многих более или менее конкретных сообщений о брюссельских переговорах заслуживает особого внимания информация Фэрле о том, что Франция согласилась по истечении первых четырех лет не претендовать на право отказа от «общего рынка» («The Financial Times», 30. I. 1957).

Однако она оставила за собой право отложить на два года сокращение тарифов и отмену импортных квот в случае, если Западная Германия по истечении четырех лет не выполнит своего обещания уравнивать некоторые социальные издержки (сорокачасовая рабочая неделя, оплачиваемые праздничные дни и т. д.). Через два года этот вопрос может быть решен большинством голосов в ущерб Франции. Правда, после этого она может обратиться в суд, но обязана подчиниться его решению. Итак, ловушка готова.

подомнут под себя другие и используют это положение, чтобы ограничить их сферу влияния. Конкуренция цен будет фиктивной. Все важнейшие вопросы (о разделе рынков, о ценах, размере производства и сферах влияния) будут решаться на секретных совещаниях. Картельные соглашения передадут руководство экономикой «Европы шести» в руки рурских магнатов... В плане Шумана тоже были привлекательные разделы, воспевавшие декартелизацию и деконцентрацию. А в результате, рурские концерны еще никогда не были столь сильны, как теперь. Французские потребители металлургических изделий, излечившиеся от иллюзий, в своем коммюнике, привлеком всеобщее внимание сообщили, что «в области поставок и цен дела обстоят так, будто продолжает существовать международный стальной концерн» («Usine Nouvelle», 1 марта 1956 г.).

Однако дело не только в картелях. В высокоразвитых капиталистических странах на рынках господствуют гигантские фирмы, диктующие свои законы и поставщикам и потребителям. Если даже не существует картелей в собственном смысле этого слова, то и господство олигополии полностью искажает картину конкуренции и укрепляет диктатуру крупных фирм, пишет Жан Дюре, дополняя высказанные выше соображения¹. Формальный запрет картелей ничего в этом не меняет. Совершенно ясно, какие политические и экономические выводы должны сделать из этого и предприниматели и рабочие. Дюре цитирует высказывание одного международного банкира, выступившего в «Франс обсерватор» под псевдонимом *** и предсказавшего, что «общий рынок» приведет к полной потере валютного суверенитета:

«Создание общего рынка приведет (и это необходимо знать) к возможно, постепенному, но в конце концов

¹ Jean Duret, Cahiers Internationaux, № 78, 1956. Французское правительство до сих пор держится за легенду о свободной торговле. Так, статс-секретарь Фор заявил в Национальном собрании, что объединение 160 миллионов европейцев является единственным средством задержать экономический упадок Европы. Этот проект, заявил он, представляет собой последний шанс для объединения Европы и тем самым — последнюю возможность для Франции. Пример Америки показывает, что снижение себестоимости и повышение жизненного уровня возможны лишь в результате создания «больших рынков» («Der Kurier», 17. I. 1957).

окончательному отказу от валютного суверенитета. Лишившись этого суверенитета, участники общего рынка будут иметь в экономической области полномочия, едва ли превышающие те, которыми обладают наши нынешние департаментские власти». Помимо всего, после того как станешь на путь «общего рынка», не так-то просто будет возвратиться обратно¹.

5. Иллюзии французской буржуазии

Одной из причин, почему, несмотря на серьезные сомнения, французские промышленники оказывают не очень сильное сопротивление «общему рынку», является то обстоятельство, что французская тяжелая промышленность получила авансом очень высокую плату за свое согласие на создание Европейского объединения угля и стали и «общего рынка». В связи с этим другие промышленники тоже надеются на ряд преимуществ (дешевые кредиты, государственные субсидии, налоговые льготы). В то же время они рассчитывают выйти из игры, если развитие событий окажется неблагоприятным. Они забывают, что конкуренция в тяжелой промышленности значительно ограничивается высокими транспортными расходами на перевозку тяжелых изделий. Для легкой промышленности это преимущество отпадает. Кроме того, французские металлургические фирмы смогли получить большие преимущества потому, что они были единственной частной отраслью промышленности, входящей в Европейское объединение угля и стали. Распространить подобные преимущества и подарки на все отрасли французской промышленности невозможно: государственный бюджет не выдержит такой нагрузки. Дюре предостерегает от легкомысленного отношения к обязательствам брюссельских договоров: тому, кто попадет в шестерни «общего рынка», вырваться оттуда фактически не будет возможности.

Профессор Бернар Лавернь в отчаянии от слепоты французской буржуазии:

«Руководители нашей страны, министры, депутаты, класс буржуазии, завязав себе глаза, идут навстречу революционным потрясениям — неизбежному результату

¹ «France Observateur», 28. IV. 1956.

«общего рынка», если он, будучи создан, найдет широкое применение».

Лавернь предсказывает, что «общий рынок» неизбежно приведет к банкротству большую часть французской промышленности. Уголь и электроэнергия во Франции на 20—30 процентов дороже, чем в Западной Германии. При снижении цен государство будет не в состоянии покрыть потери, так как в бюджете на 1957 год и так уже предусмотрен дефицит в 1400 миллиардов франков. Высокие социальные издержки и устаревшее промышленное оборудование превращают в иллюзию расчеты на то, что за 15 лет французская промышленность может стать конкурентоспособной. Поэтому «общий рынок» ставит Францию перед выбором: либо обесценить на 40 процентов валюту, либо снизить на 20—30 процентов заработную плату и оклады. Ясно, что французские рабочие этого никогда не допустят¹.

Парижский корреспондент английского еженедельника также поражен иллюзиями, которыми тешат себя французские промышленники. Вот одна из этих иллюзий: они внушают себе, что их партнеры дадут им капитал, необходимый для эксплуатации французских заморских территорий. Однако западногерманские и итальянские монополисты ясно заявили, что предпочитают использовать эти территории под своим руководством, а не спасать умирающий французский колониализм. Второе заблуждение французской буржуазии, поддерживаемое заявлениями представителей правительства, заключается в безумных расчетах на то, что Франции не придется из-за «общего рынка» «проливать слезы». Масса мелких торговцев и крестьян цепляется за иллюзию, что партнеры Франции будут согласны санкционировать на каждом этапе задержку снижения таможенных пошлин до тех пор, пока не будут уравнены все факторы, определяющие себестоимость производства (налоги, заработная плата, социальное страхование, проценты), так, как этого требует «экономический совет» — головной союз французских промышленников. И хотя должен быть создан совместный инвестиционный фонд для смягчения трудностей переходного периода, ясно, что этот фонд не будет иметь ни средств, ни власти, необходимых для

¹ «La Tribune des Nations», 11. I. 1957.

координации европейских инвестиций, не говоря уже о том, чтобы оградить от ущерба промышленников, терпящих убытки¹.

После ожесточенных дебатов французский парламент 322 голосами против 207 уполномочил правительство заключить оба договора, хотя и был знаком с ними лишь в общих чертах. При этом были выдвинуты три оговорки:

1. Ясное подтверждение соглашения об «уравнении» социальных издержек.

2. Заключение долгосрочных договоров о поставке сельскохозяйственных продуктов по гарантированным минимальным ценам и замена существующих сельскохозяйственных рыночных организаций «европейской организацией», то есть передачу ей западногерманской «рыночной организации».

3. Включение в «общий рынок» заморских территорий; одинаковое участие всех шести стран в общественных инвестициях на этих территориях.

Печать западногерманских монополистов с обычным высокомерием высказала свое раздражение по поводу этих французских условий. Вместо того чтобы начать с «важных вопросов валютной и экономической политики», там занялись проблемами единой оплаты за труд мужчинам и женщинам, сорокачасовой рабочей неделей, пособиями для многодетных. Этим проблемам было уделено больше внимания, чем коренным вопросам².

С большим юридическим педантизмом в Брюсселе в договор были вмонтированы специальные тормозы. Так, Франция потребовала, между прочим, чтобы второй этап снижения тарифов был отсрочен в случае, если французский платежный баланс будет иметь пассивное saldo. В этой связи «Фольксвирт» подозрительно замечает: это не фокус «подрывать или оставлять подорванной

¹ Nova Beloff, «Observer», 20. I. 1957. О так называемом «фонде приспособления» газета «Франкфуртер альгемайне цейтунг» сообщала 29 января 1957 года из Брюсселя: «Партнеры должны сами нести половину расходов, возникающих в результате необходимости профессиональной переподготовки и трудоустройства рабочей силы разорившихся фирм. Расходы, вызванные необходимостью использования новой рабочей силы, а также ее переброской, покрываются фондом. В случае неполного рабочего дня, связанного с перестройкой, соответствующим фирмам выплачивается возмещение. (Конечно, фирмам, а не рабочим.)

² «Der Volkswirt», 5. I. 1957.

валютную систему. В таких условиях страна не будет уравнивать свой бюджет, храбро рассчитывая на защитительные параграфы»¹. А западногерманский президент ассамблеи Европейского объединения угля и стали Фурлер вызывающе заявил в Риме, что в крайнем случае «общий рынок» может быть создан и пятью странами, то есть без Франции².

6. Протекционизм

Если мы до сих пор уделяли мало внимания собственно отмене тарифов, то это не должно означать, что вопрос этот является подчиненным³. Более того, западногерманские империалисты уделяют основное внимание ликвидации финансовых барьеров для импорта и отмене экспортных субсидий. Они хотели бы уничтожить протекционизм своих партнеров, не допустить, чтобы они препятствовали западногерманскому экспорту, применяя такие методы, как налоговые льготы, дешевые импортные кредиты и субсидии. При этом выясняется забавное обстоятельство: сами западногерманские монополисты не проявляют никакого намерения отказаться от пошлинных барьеров и других ограничений для импорта.

¹ Французский торговый баланс имел в 1956 году отрицательное сальдо в 353 миллиарда франков против положительного сальдо в 61 миллиард франков в 1955 году («Le Monde», 26. I. 1957).

² «Der Kurier», 26/27. I. 1957.

³ Предварительный план таможенного союза предусматривает снижение тарифов в течение первого этапа (4—6 лет) на 30%, второго этапа (4 года) еще на 30% и на третьем этапе (от 4 до 6 лет) остальные 40%. Подобная же система предусмотрена при ликвидации ограничительных импортных контингентов («Basler Nachrichten», 17, 22. I. 1957). Согласно последним сообщениям, поступившим в редакцию, когда номер журнала был подписан в печать, в Брюсселе было достигнуто соглашение о снижении тарифов на основе полулинейного плана.

Половина снижения тарифов, предусмотренного на каждом этапе, должна осуществляться линейным способом (на основании заранее разработанной схемы). Остальное снижение тарифов разрешается проводить каждому государству по собственному усмотрению.

Для того чтобы иметь возможность сослаться на § Соглашения, допускающий исключения, необходимы два основных обстоятельства: 1) затруднение с платежным балансом данной страны и 2) трудности в какой-либо отрасли промышленности. Односторонний отказ страны от снижения пошлин допускается лишь в особо исключительных случаях, например в случае стихийного бедствия.

Напротив, они оказывают такого рода стремлениям самое ожесточенное сопротивление.

Не следует также забывать, что все прежние попытки создать таможенные союзы, предпринимавшиеся в послевоенный период, потерпели неудачу в самом начале. Так было с предполагаемым Датско-Норвежско-Швейцарским союзом (Даношве), Англо-Скандинавским (Анскан), союзом Франции — Италии — Бельгии — Люксембурга — Нидерландов (Фибелн) и Франко-Итальянским таможенным союзом, который сейчас скорее мертв, чем жив. Даже Бенилюкс после первоначальных успехов влачит «жалкое существование»¹.

Несмотря на заключение Общего соглашения о таможенных тарифах и торговле (ГАТТ), не было речи о каком-либо общем снижении пошлин. Более того, в последние годы пошлины частично были даже увеличены с тем, чтобы компенсировать ликвидацию импортных лицензий. Это, например, имело место в Норвегии, Великобритании и Турции. Франция в качестве компенсации за либерализацию торговли (в соответствии с положениями Организации европейского экономического сотрудничества) ввела в 1954 году особые компенсационные пошлины.

Из числа государств — предполагаемых участников «общего рынка» — Голландия, Бельгия и Люксембург считаются менее протекционистскими странами, а Франция и Италия — более протекционистскими. В Западной Германии пошлины находятся на среднем уровне. Разумеется, все это относится в лучшем случае к промышленным товарам. На сельскохозяйственные товары существует наряду с защитными пошлинами еще и контингирование, осуществляемое особыми инстанциями, контролирующими импорт и создание запасов. На это государственное контингирование не распространяются условия очень ограниченной «либерализации», то есть отмена импортных контингентов для частной торговли, предусмотренная соглашением об Организации европейского экономического сотрудничества².

¹ «Der Volkswirt», 17. III. 1957.

² Комментируя это исключение, сделанное для государственной торговли, журнал «Дер фолксвирт» от 28 июля 1956 года резко и недвусмысленно заявляет: «То, что совершается в этой области, граничит с мошенничеством. Подобная практика по меньшей мере ведет

Когда летом 1956 года от федерального правительства потребовали сократить высокое положительное сальдо торгового баланса путем импортных облегчений, правительственная коалиция резко выступила против предложения СДПГ осуществить 30-процентное линейное снижение тарифов. В этой связи журнал «Дер фольксвирт» издевательски констатировал наличие необозримого количества «неприкасаемых» типов товаров. Правда, в декабре 1955 года и январе 1956 года были сокращены наполовину пошлины на 520 типов товаров. Насколько хитро были подобраны эти группы товаров, видно из того, что одна треть их вообще не импортировалась. В других случаях, например в отношении сельскохозяйственных средств производства, снижение пошлин дало жалкие результаты: увеличение импорта на 4 процента¹.

Совсем недавно вызвало ожесточенное сопротивление предложение уменьшить пошлины на овощные консервы. Было выдвинуто требование исключить из списков товаров, пошлины на которые должны быть уменьшены, бобовые, гороховые и шпинатные консервы, то есть товары массового потребления².

Тарифы на дорогие мороженые овощи были снижены на 10 процентов на зимний сезон и то лишь потому, что цены на этот товар за рубежом настолько возросли, что практически исключалась всякая возможность конкуренции³. Таким образом, вся эта процедура являлась сплошным обманом потребителей.

к тяжелой несправедливости при оценке либерализации. Специалисты по квотам исключают всю государственную торговлю, интересуясь только частным импортом». Однако, если в конце концов даже отменяются контингенты на частный импорт, в силе все еще остаются таможенные пошлины. Их влияние настолько велико, что в 1955 году в Западную Германию было ввезено готовых изделий не более чем на 150 миллионов марок в месяц, что составляет лишь 8 процентов общего импорта («Der Volkswirt», 16. VI. 1956).

¹ «Зерновые, масло, мясо или сахар на протяжении ряда лет на добрые 30—100 процентов дороже у нас, чем на мировом рынке» («Frankfurter Allgemeine Zeitung» от 31. I. 1957). Аграрный протекционизм защищает в первую очередь крупных землевладельцев и тяжело сказывается на мелких крестьянах, которые занимаются садоводством, овощеводством, скотоводством и нуждаются в закупке кормов.

² «Die Welt», 24. I. 1957.

³ «Deutsche Zeitung», 23. I. 1957.

Политическое влияние заинтересованных кругов настолько велико, что Торговая палата Гамбурга, купцы которого заинтересованы в увеличении импорта, в своем заявлении подчеркивала возможность повышения тарифов в интересах защиты сельского хозяйства. При этом палата была вынуждена признать, что перестройка системы взимания пошлин в Западной Германии (в 1951 году при взимании пошлин стали исходить не из веса товаров, а из их стоимости) в большинстве случаев привела к значительному повышению тарифов. Уменьшение тарифов, предусмотренное в соглашениях, оказалось незначительным. «Ныне, — говорилось в заявлении, — нам кажется оправданным сокращение таможенных тарифов и их приближение к уровню стран с низкими тарифами, которые являются лучшими покупателями немецких товаров. Это представляется возможным ввиду достижений нашего экспорта и неоднократно доказанной его высокой конкурентоспособности»¹.

Однако в промышленности ФРГ так же мало, как и в сельском хозяйстве, намерены снижать тарифы на те виды товаров, которые продаются за границей по значительно более дешевым ценам. Как фарс выглядят результаты объемистых расчетов, произведенных западногерманским министерством хозяйства, по-видимому, в связи с переговорами о создании таможенного союза.

Согласно сообщению журнала «Дер фолксвирт», при этих расчетах исходили из соображения, что незначительный по размеру импорт вызывает меньшую необходимость в таможенной защите. Большой же поток товаров из-за границы считался признаком особой силы конкурирующей отрасли промышленности. В этой связи было решено полностью отменить пошлины на товары, импорт которых составляет менее 1 процента производства этих товаров внутри страны. В случае, если эта доля составляет от 1 до 10 процентов, таможенное обложение должно быть в определенной степени снижено,

¹ Остается непонятным, как перед лицом этих фактов журнал «Дер фолксвирт» от 5 января 1957 года решает утверждать, что Федеративная республика уже сейчас является «страной с низкими тарифами». Еще 16 июня 1956 года этот же журнал писал: «Вокруг Федеративной республики так же, как и вокруг всех крупных промышленных государств, установлена государственная таможенная стена».

а при доле от 10 до 20 процентов должны быть сохранены прежние пошлины.

После того как при помощи счетных машин был произведен перерасчет в отношении 6500 видов товаров, выяснилось, что при таком подходе должны быть полностью отменены пошлины на большую часть товаров, в том числе на импорт автомобилей. Журнал, не скрывая ужаса, констатировал: «Вряд ли кто-либо желал такого радикального снижения тарифов, которое стало бы необходимым при такой группировке»¹.

В министерстве хозяйства эти планы были очень быстро заморожены, причем неизвестно, будут ли вообще продолжены уже начатые исследования. «Можно только радоваться, — подчеркивает «Дер фольксвирт», — что планы снижения тарифов потерпели неудачу хотя бы по одним только техническим причинам».

Это признание ясно доказывает, что западногерманские монополисты ни в какой мере не намерены делать уступок в отношении своих тарифов. Они ожидают уступок только от других. Ведь чем выше таможенные пошлины, тем меньше импорт, тем выше сверхприбыли на внутреннем рынке, больше возможность снижать в конкурентных целях цены на собственные экспортируемые товары и тем самым в экономическом отношении поставить партнера на колени.

Все эти обстоятельства укрепляют нашу уверенность в том, что «общий рынок» в глазах западногерманских империалистов вовсе не имеет задачу путем ликвидации тарифов обеспечить более низкие цены для потребителей и тем самым — более высокий уровень благосостояния масс. Напротив, они хотят сломать протекционистские барьеры, возведенные конкурентами, не делая со своей стороны никаких значительных уступок. Они намерены без единого выстрела ликвидировать суверенитет соседних государств и подчинить их диктатуре рурских монополий. При этом западногерманские империалисты рассчитывают на свое быстро растущее военное и финансовое превосходство, а также на поддержку Соединенных Штатов, обладающих огромными возможностями оказывать давление на своих западноевропейских парт-

¹ «Der Volkswirt», 12. I. 1957. Пошлины на автомобили составляют в ФРГ от 24,6 до 28,5 процента ввозной цены.

неров по НАТО, возможностями, еще более усилившимися из-за нехватки горючего в Западной Европе и ухудшения финансового положения западноевропейских стран в результате войны в Северной Африке. Кроме того, западногерманский монополистический капитал использует испытанную тактику переговоров за закрытыми дверями, подкупа влиятельных лиц, а также весь свой неистощимый арсенал хитроумных методов, которыми он располагает со времен Георга фон Сименса, Артура фон Гвинера и Ялмара Шахта.

Далеко не последнюю роль будут играть при этом финансово-политические махинации, а также попытки ограничить права рабочего класса при помощи ссылок на якобы существующую угрозу общему благополучию. В конце прошлого года западногерманский министр хозяйства Эрхард вновь с особой настойчивостью потребовал общего изменения обменного курса и введения свободного обмена валюты.

Осуществление этого требования, несомненно, привело бы к обесценению французской и английской валюты, а также, по всей вероятности, валюты других стран.

С другой стороны, в самой Западной Германии готовы применить в целях облегчения образования прибылей рецепт постоянного обесценения денег в условиях растущих цен и медленно растущей или замороженной заработной платы, рецепт, рекомендованный Кейнсом всем капиталистическим государствам¹.

7. Интересы Соединенных Штатов

Одной из самых сложных проблем «общего рынка» является проблема внешнего таможенного тарифа. Образование таможенного союза автоматически приводит

¹ Сотрудник Западноберлинского института экономических исследований в Далеме д-р Вислер с завистью констатировал: «В Соединенных Штатах закон Тафта—Хартли, предоставляющий президенту полномочия для борьбы с забастовками, обеспечивает на рынке труда осуществление свободы в этом смысле. (Имеется в виду ограничение требований рабочих о повышении заработной платы.—Г. А.) Разумеется, подобный закон может привести к злоупотреблениям, однако злоупотребление свободой не менее опасно. Вопрос о том, достигла ли наша социальная совесть такого уровня, что подобного рода урегулирование стало возможным и у нас, д-р Вислер оставил открытым». («Der Kurier», 25. I. 1957).

к возникновению совместной таможенной ограды от третьих стран. Тем самым рушатся все предыдущие торгово-политические соглашения с этими странами и болезненно нарушаются частные деловые связи. Если, как это предусмотрено решениями ГАТТ, совместный единый тариф не будет превышать среднего уровня существующих тарифов, это будет означать, что наименее протекционистские страны значительно увеличат пошлины, что приведет к соответствующему удорожанию импортных товаров, а высокопротекционистские страны в свою очередь будут лишены таможенной защиты, и их экономика станет жертвой иностранной конкуренции. Сокращение тарифов при торговле со странами, не входящими в таможенный союз, подвергнет государства, защищенные до сих пор высокими пошлинами, в первую очередь Францию и Италию, значительному давлению со стороны американских и японских товаров. Это может вызвать в промышленности этих стран такие финансовые затруднения, что она станет легкой добычей западногерманских и американских монополий.

Рассмотрим конкретно вопрос о едином внешнем тарифе. В этом отношении известно следующее: согласно брюссельскому плану, пошлины единого тарифа должны исчисляться исходя из среднеарифметического уровня тарифов, существовавших прежде. В отношении сырья пошлины будут устанавливаться на 2,5 процента ниже этого среднего уровня, а в отношении полуфабрикатов — на 10 процентов. Что касается готовых изделий, то здесь принято решение «пока» воздержаться от соответствующего уменьшения пошлин¹.

Первый этап будет продолжаться четыре года; таким образом, дается достаточное время для того, чтобы установить единые исходные позиции. У участников «общего рынка» нет намерения на первых порах устанавливать «слишком низкий» общий тариф, так как они хотят «сохранить в руках козыри при переговорах с третьими странами»².

Вашингтон не оставил никаких сомнений в том, что он желает установления «общим рынком» максимально

¹ «Der Volkswirt», 19. I. 1957. «Сделано все, чтобы обеспечить высший уровень протекционизма», — так комментировал это обстоятельство «Дер фольксвирт» 2 февраля 1957 г.

² «Basler Nachrichten», 28. I. 1957.

низкого внешнего тарифа. 15 января 1957 года, еще до решающего этапа брюссельских переговоров, американский государственный департамент выступил с программным заявлением. В нем подчеркивалась «постоянная поддержка» Соединенными Штатами движений, способных содействовать «политическому и экономическому укреплению и объединению расширяющегося Атлантического сообщества». Тем самым была подчеркнута военно-политическая сторона этого мероприятия. В заявлении государственного департамента далее говорилось, что США приветствуют создание «общего рынка» и зоны свободной торговли, однако обеспокоены возможными препятствиями, которые могут возникнуть для американских экспортных товаров. Тем не менее государственный департамент поддерживает план, ибо он укрепляет экономическую мощь европейских стран и тем самым увеличивает их покупательную способность в отношении долларовой зоны. В Вашингтоне, говорилось в заявлении, принимают к сведению заверение, что «общий рынок» имеет своей целью не только расширение торговли между странами-участницами, но и расширение торговли с другими государствами. Несмотря на это, государственный департамент подчеркивает свой «особый интерес» к тем статьям договора, которые касаются вопросов сельского хозяйства и контроля над импортом из долларовой зоны, а также говорят о частных или общественных мероприятиях, имеющих отношение к международной торговле. После этого замаскированного предупреждения заявление, выдержанное в целом в весьма общих выражениях, начинает принимать конкретный характер. В нем высказывается надежда на то, что ограничения на импорт будут соответствовать предписаниям ГАТТ, согласно которым установление квот разрешается только странам, испытывающим нехватку в иностранной валюте¹.

Из этого следует, что Соединенные Штаты ожидают, что новый порядок, который, как на первый взгляд казалось, должен затруднить импорт из третьих стран, приведет к увеличению экспорта американских товаров в Западную Европу. Особенные надежды возлагают они на увеличение сбыта своих сельскохозяйственных излиш-

¹ «The New York Times», 16. I. 1957.

ков. Эти настойчиво подчеркнутые ожидания резко противоречат широкообещательным обещаниям Спаака, который заверял, что на протяжении длительного периода времени даже не будет возникать вопрос о снижении тарифов на сельскохозяйственные товары в рамках «общего рынка». Таким образом, на деле аграрные страны образуемого блока, имеющие сельскохозяйственные излишки, не смогут свободно сбывать свои товары на «общем рынке», в то время как для сельскохозяйственных товаров из США будет открыта «зеленая улица». Французская газета «Комба», пытающаяся уяснить причины большого интереса, который Соединенные Штаты проявляют к «общему рынку», констатирует в этой связи: «В Соединенных Штатах имеются огромные запасы продовольствия, и Вашингтон сделает все для того, чтобы сбыть их в объединенной Европе. Но именно это является для Франции еще одной причиной, из-за которой она должна проявить недоверие»¹.

Планы создания таможенного союза вызывают все больше беспокойства также в промышленных и сельскохозяйственных кругах Федеративной республики. Если общий внешний тариф будет выше, чем нынешние западногерманские пошлины, то это может существенно помешать западногерманской внешней торговле. Не следует отмахиваться от предположения, что в ряде случаев это совсем не противоречит пожеланиям Соединенных Штатов. Они сами стоят перед необходимостью усилить свой экспорт, поскольку их промышленность встречается на внутреннем рынке с растущими затруднениями в области сбыта. Выразитель интересов западногерманского финансового капитала Герман Абс, выступая в Нью-Йорке, утверждал, что «общий рынок» ни в коем случае не будет отрезан от остального мира. Однако ожесточенные дискуссии по поводу общего внешнего тарифа, которые происходили в Брюсселе, в достаточной степени доказывают, что «шесть противников протекционизма говорят на различных языках»². Во всяком случае, в Бонне опасаются, что вздорожание импортного сырья и экспортные затруднения, которые могут быть вызваны установлением общего внешнего та-

¹ Цитируется по «Neues Deutschland», 19. I. 1957.

² «Le Monde», 18. I. 1957.

рифа, затруднят сбыт западногерманских товаров на тех рынках, которые ФРГ с основанием или без основания рассматривает как рынки будущего (например, в Индии и Китае) ¹.

По этой причине влиятельные экономические круги ФРГ в последний момент начинают откращиваться от запланированного таможенного союза и пытаются противопоставить ему какой-либо другой проект, который бы обеспечивал таможенный суверенитет ФРГ по отношению к третьим странам в такой же степени, как это предусматривают различные английские планы создания так называемой зоны «свободной торговли».

8. Англия и «общий рынок»

В дискуссию об «общем рынке» волей-неволей была вынуждена включиться и Англия. Ее вынудило к этому опасение, что в результате создания таможенного союза шести стран, отделенного от других государств высоким внешним тарифом, она может оказаться отрезанной от своих значительных традиционных рынков сбыта, которые поглощают около одной восьмой английского экспорта. Однако в то же время Англия отвергает включение ее в таможенный союз хотя бы потому, что это привело бы к потере ею привилегированного положения на рынках империи, которое, на основании соглашения в Оттаве от 1932 года, образует вместе с Англией замкнутый блок с предпочтительными пошлинами при взаимной торговле.

Поэтому в Англии вначале возникла идея образовать так называемый «клуб низких тарифов», объединение западноевропейских государств с низкими пошлинами. Однако Великобритания опасалась, что большое количество уступок в области тарифов может подорвать систему имперских преференций и чересчур увеличит импорт из долларовой зоны ².

С целью объединить противоположные взгляды генеральный директор Организации европейского экономического сотрудничества Сергент предложил создать в рамках ОЕЭС зону свободной торговли, то есть «общий

¹ «Le Mond», 26. I. 1957.

² «Neue Zürcher Zeitung», 7. IX. 1956.

рынок» без таможенных границ между странами-участницами, однако с правом для каждой из стран вести независимую таможенную политику по отношению к третьим государствам. В этом случае отпадает связанная с большими трудностями необходимость установления общего внешнего тарифа. В то же время локализуется опасность чересчур большого импорта из долларовой зоны, которая вызывает беспокойство в Англии, страдающей от хронической нехватки золота и долларовой валюты.

Однако в глазах апологетов зоны свободной торговли она обладает наряду с преимуществами и серьезным недостатком. В случае ее создания неизбежно сохранение жесткого таможенного контроля и в самой зоне. Если такого контроля не будет, товары из третьих стран будут постоянно проникать в зону через тех ее членов, которые устанавливают самые низкие тарифы. Практически это будет означать выход из строя тарифов в других странах зоны. Для того чтобы помешать подобного рода транзитным сделкам, все товары должны быть снабжены документами, свидетельствующими о месте их производства, а на границах между странами-участницами зоны в случае, если товары из третьих стран перевозятся из одного государства в другое, должны взиматься дополнительные сборы¹.

На первых порах Англия отнеслась очень сдержанно к проектам создания таможенного союза. Однако новый английский кабинет Макмиллана, образованный после отставки Идена, проявил в этом отношении большую активность. Уже сразу после его создания западногерманская печать повсеместно характеризовала его как кабинет, «дружественно настроенный к европейской идее». Спаак направился в Лондон, а английский министр финансов Торникрофт, делая хорошую мину при плохой игре, заявил, что английское правительство «единодушно и без задних мыслей» выступает за создание европейской зоны свободной торговли. Активность английского правительства, подчеркнул он, «ни в коей мере» не зависит от инициативы континентальных стран. Великобритания стремится к созданию зоны свободной торговли по

¹ «Neue Zürcher Zeitung», 7. IX. 1956.

доброй воле, а не потому, что она хочет обеспечить себе защиту от новых методов дискриминации¹.

Несмотря на это заявление, ясно, что Англия предпринимает усилия в этом направлении только потому, что она находится под сильным давлением Соединенных Штатов. Это, в частности, совершенно очевидно явствует из большой статьи ученика Кейнса — английского публициста Роя Гаррода, опубликованной в американском внешнеполитическом журнале «Фореин афферс». Автор многословно заверяет американских читателей в том, что Англия высоко ценит усилия Вашингтона, направленные на «европейскую интеграцию», а также «американское благородство». Однако английский народ, мол, сопротивляется отказу от суверенитета, хотя общественность почти не заметила частичной потери суверенитета в результате присоединения Англии к Европейскому платежному союзу и обязательствам по либерализации торговли, предусмотренным Организацией европейского экономического сотрудничества.

Просто неприятно читать, как автор, лебезя, разъясняет американской крупной буржуазии, что Англия не может присоединиться к таможенному союзу, а должна примкнуть к нему только через посредство так называемой зоны свободной торговли. Хотя есть люди, которые считают Содружество наций отжившим образованием (именно американские монополисты и хотят разрушить это Содружество!), Англия, твердит Гаррод, все же должна считаться с его существованием. Он неоднократно усердно заверяет читателей, что зона свободной торговли не будет проявлять никаких антиамериканских тенденций. Напротив, мол, антиамериканцы стремятся к установлению высокого внешнего тарифа для таможенного союза. Гаррод подчеркивает, что преференции для промышленных товаров «очень скромны» и касаются в основном сельскохозяйственных продуктов. Короче говоря, создается впечатление, что представители Британского содружества наций сконфуженно пытаются оправдаться перед американскими монополистами, выискивая отговорки для того, чтобы избежать выполнения желания Вашингтона, который требует, чтобы Англия присоеди-

¹ «Die Welt», 19. I. 1957.

лась к таможенному союзу и отказалась от имперских преференций¹.

Гаррод не упускает возможности напомнить, что протекционизм, господствующий в Соединенных Штатах, противоречит их призывам к свободной торговле, что Соединенные Штаты немедленно повышают свои пошлины, как только какие-либо из английских товаров добиваются заметного успеха на американском рынке. В заключение он подробно обосновывает те причины, которые побуждают Англию присоединиться к «общему рынку» в лучшем случае через посредство зоны свободной торговли, оставляющей в распоряжении Англии право на проведение самостоятельной тарифной политики. Она делает это только потому, подчеркивает Гаррод, что для нее очень невыгодно, если на континенте образуется «общий рынок», а она сама окажется перед «захлопнутой дверью»².

Эта примечательная статья является характерным свидетельством уменьшения влияния Англии как великой державы и того шантажа, которому она подвергается со стороны своего американского кредитора. Британский лев отчаянно борется за сохранение последних связей, объединяющих его бывшую мировую империю. Именно поэтому английские министры заявили во время лондонских переговоров Спааку о «своей бескомпромиссной решимости исключить из свободного торгового оборота сельскохозяйственные изделия, то есть продовольствие, корма, напитки и табак». Это затрудняет заключение соглашения со странами, экспортирующими сельскохозяйственную продукцию: Францией, Италией, Голландией, Данией. Нельзя ожидать, что они согласятся беспошлинно допускать на свой рынок английские промышленные товары, в то время как Англия будет подвергать дискриминации изделия их сельского хозяйства. Единственный выход, по мнению Спаака, состоит в том, чтобы заключить двусторонние соглашения, подобные тем, которые

¹ «Foreign Affairs», № 1, 1957, p. 225 ff.

² Единственной влиятельной буржуазной газетой Англии, выступающей против этого плана, была «Дейли экспресс». Газета писала: «Великобритания не выиграет ничего от снижения своих таможенных тарифов. Этим она лишь откроет дверь для дешевых иностранных товаров и приведет английскую промышленность к развалу. Макмиллан должен отклонить этот позорный план». («Neue Zürcher Zeitung», 16. I. 1957).

существовали до сих пор между Англией и странами, экспортирующими сельскохозяйственные изделия¹. Положение затрудняется еще и тем, что в самом проекте договора о таможенном союзе предусмотрено, что на 30 основных сельскохозяйственных продуктов таможенные пошлины не будут снижаться на протяжении продолжительного времени. (Правда, западногерманская деловая пресса сообщает, что слишком долго с крестьянами считаться не будут.) Наибольший, хотя и вынужденный, интерес к зоне свободной торговли проявляют скандинавские страны, поскольку Швеция и Дания опасаются того, что они окажутся отрезанными от английского рынка. Однако возможные результаты в случае вступления в зону свободной торговли вызывают сомнение.

Все это очень сложные вопросы, переплетающиеся с целым рядом других проблем. И даже общее соглашение правительств по этим вопросам вряд ли окажется простым делом.

Было бы наивно ожидать, что Лондон при нынешней ситуации пойдет дальше, чем дискуссия по поводу проекта создания зоны свободной торговли, заявил один из участников брюссельской конференции корреспонденту швейцарской газеты².

Даже после того, как договоры будут подписаны министрами иностранных дел, это не будет еще означать их осуществления. Тогда только начнется настоящая борьба. Чем яснее будет опасность этого соглашения, тем сильнее окажется сопротивление, тем явственнее будут бесчисленные противоречия, которые существуют между различными промышленными кругами в каждой стране и всех этих стран, вместе взятых. Во время обсуждения этого вопроса во французском национальном собрании Ги Молле сумел собрать большинство только потому, что реакционные партии, поддерживающие его, не хотели правительственного кризиса незадолго до дебатов в Генеральной Ассамблее ООН по вопросу о жестких колонизаторских методах, применяемых Францией в Алжире.

Оппозиция против «общего рынка», его убийственных результатов широко распространена даже среди правых

¹ «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 17. I. 1957.

² «Basler Nachrichten», 28. I. 1957

политических деятелей. В случае осуществления этого проекта предстоят тяжелые социальные потрясения. Заработная плата, социальные мероприятия и все условия труда будут низведены до самого неблагоприятного уровня. Трудящихся, добившихся наибольшего прогресса, вынудят отказаться от социальных достижений, добытых в тяжелой борьбе. Классовая борьба обострится до предела. Массовая безработица снизит жизненный уровень трудящихся. Огромные переброски людей из страны в страну приведут к тому, что эти люди, оторванные от родных очагов, окажутся бездомными, а их семьи разрушенными. В соответствии с пожеланиями империалистов «человеческий материал» будет то перебрасываться для подневольного труда в пустыни Северной Африки, то их погонят в качестве пушечного мяса на поля третьей мировой войны. Распад национальных государств и диктатура «Европейской комиссии», ответственная перед финансовым капиталом, приведут к уничтожению культурных традиций в Западной Европе. В центре Европы опустится железный занавес. Поэтому для всех народов Европы должны служить предостережением слова, сказанные в Национальном собрании Франции от имени коммунистической партии депутатом Мари-Клод Вайян Кутюрье: «Поскольку эти проекты угрожают национальной независимости нашей страны и противоречат интересам Франции и мира, мы поднимем на ноги общественное мнение, мы сделаем все, чтобы помешать ратификации этого второго соглашения о Европейском оборонительном сообществе, которое так же опасно, как и прежнее. Нынешняя политика должна уступить место политике подлинного сотрудничества между всеми странами Европы без всяких исключений. Только такая политика позволит нам сократить военные расходы и поднять благосостояние народов»¹.

Немецкий народ имеет особые основания для того, чтобы объявить решительную борьбу этому новому изданию гитлеровских планов создания «нового порядка» в Европе. Образование таможенной границы на демаркационной линии нанесет смертельный удар внутригерманской торговле, этой важнейшей из оставшихся связей между обеими германскими государствами. Создание

¹ «L'Humanité», 16. IV. 1957.

таможенного союза еще больше закрепит раскол Германии. Таможенный союз — это новое серьезное препятствие на пути к воссоединению нашей страны, его создание противоречит жизненным интересам немецкого народа.

«Общий рынок» является также опасной ловушкой для западногерманских трудящихся. Освободиться из этой ловушки им удастся только в результате самой упорной борьбы. В самом таможенном союзе, как это указывается выше, должна разгореться острая борьба между монополиями. Эта борьба будет в основном происходить за счет трудящихся. Тем самым будет подорван с таким трудом достигнутый жизненный уровень западногерманских трудящихся. Итальянские, алжирские и другие обнищавшие бродячие рабочие будут, как это уже частично делается сейчас, в больших количествах перебрасываться в Германию. Их конкуренция будет способствовать снижению заработной платы и ухудшению условий труда. Не случайно во время дискуссии о таможенном союзе в различных странах постоянно высказывается мнение, что «общий рынок» явится действенным оружием монополий для борьбы против требований рабочих и служащих улучшить условия их жизни.

В то же время таможенный союз обеспечит западногерманскому финансовому капиталу решающее влияние при эксплуатации колониальных владений, все еще принадлежащих отдельным участникам будущего «общего рынка». При этом Франции и Бельгии отводится роль жандармов.

Образование Международного банка по эксплуатации Африки¹, в правление которого наряду с французскими и бельгийскими крупными банками вошел представитель «Дейче банк» Герман Абс, ясно свидетельствует, что западногерманские империалисты стремятся подчинить себе не только всю Западную Европу, но и Африку. Они объявят открытую войну народам Африки, борющимся за свою свободу, тем народам, которых они до сих пор пытались обворовать своей лестью. Они

¹ Речь идет о «Консорте юропеен пур ле девелопман де ресор натюрель де л'Африк» (Консафрик), созданном в декабре 1956 года с резиденцией в Люксембурге. Его скромный первоначальный капитал составляет 2,5 миллиона люксембургских франков («Democratia Nouvelle», № 2, 1957, p. 74).

становятся на пути их непреодолимого подъема; никто не позволит обмануть себя разговорами об антиколониализме тех, кто использует в своих интересах колониализм других империалистов. Это — дополнительное свидетельство глубоко антидемократического и враждебного миру характера планов «общего рынка». Поэтому все немецкие патриоты, сознающие свою ответственность и правильно оценивающие обстановку, категорически отвергают подобные планы.

ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ ПРОТИВ ТРУДЯЩИХСЯ¹

ГЕРХАРД КЕГЕЛЬ

Чтобы убедить трудящихся стран Европейского объединения угля и стали в приемлемости малоевропейского таможенного пакта, именуемого также «общим рынком», в ход снова пущены такие понятия, как «европейское единство», «европейское сотрудничество» и им подобные туманные фразы. Если послушать режиссеров, организующих рекламу таможенному пакту, то его осуществление должно привести не только к идиллическому братству участвующих стран и их народов, но и к обеспечению мира, устранению угрожающей политической напряженности, к снижению цен и повышению жизненного уровня, к всеобщему благосостоянию.

Действительность выглядит следующим образом.

Империалистические державы, входящие в таможенный союз, рассчитывают с помощью этого объединения обеспечить свои интересы и прибыли своим монополиям. Их цели весьма далеки от иллюзий многих людей в странах-участницах, мечтающих о постепенном сплочении западноевропейских народов в одну «европейскую нацию». И это понятно, ибо настоящее объединение равноправных государств немыслимо в условиях господства монополий.

Таким образом, в действительности речь здесь идет лишь о специфической форме экономической и политической борьбы западногерманских монополий за свое господство. При этом все расходы — и в данном случае монополии едины во взглядах — должны оплачиваться за счет масс трудящихся.

¹ «Нейес Дейчланд», 13 марта 1957 г., ГДР.

Агрессивный пакт

Малоевропейский таможенный пакт является чем угодно, но никак не инструментом, который призван служить интересам народа, объединить европейские или, точнее, западноевропейские государства. Смысл его скорее сводится к тому, чтобы создать экономическую основу Североатлантического пакта, причем западногерманские империалисты надеются использовать свою гегемонию для претворения в жизнь своих старых планов создания «нового порядка в Европе».

Таким образом, таможенный пакт углубляет раскол Европы и увеличивает опасность третьей мировой войны. Об этом со всей очевидностью свидетельствует и непосредственно связанное с ним создание Евратома, в который входят государства, участвующие в Европейском объединении угля и стали. Евратом прежде всего преследует цель обеспечить атомным оружием западногерманскую армию империалистов и монополистов, входящую в НАТО, что значительно увеличит угрозу атомной войны на немецкой земле.

Малоевропейский таможенный союз имеет явно выраженное агрессивное острие, направленное против других европейских стран. Он направлен прежде всего против социалистических стран. Но фронт этого союза обращен также против колониальных и зависимых народов, борющихся за свою независимость. Ввиду того, что отдельным империалистическим государствам, как например Франции, уже не под силу угнетать и эксплуатировать эти страны в одиночку, эта эксплуатация должна быть продлена при помощи вновь создаваемых блоков.

Эта агрессивная целенаправленность таможенного союза должна породить новые и все более обостряющиеся конфликты, тяжесть которых в конечном счете ляжет на плечи трудящихся масс. Именно трудящиеся стран, входящих в систему «общего рынка», должны быть посланы на бойню против своих же братьев в социалистических странах и против народов, борющихся за свою свободу, прежде всего народов Африки. Уже само это указывает на крайне реакционный характер таможенного союза монополий, который является заговором против трудящихся масс и их жизненных интересов.

Прибыли растут...

Погонщики малоевропейского таможенного союза монополий пытаются обмануть трудящихся, утверждая, что расширение внутреннего рынка приведет якобы к снижению издержек производства и снижению цен, что-де выгодно всем трудящимся. Конечно, расширение рынка предполагает производство больших масс товаров, благодаря чему могут быть снижены производственные расходы. Но это ни в коем случае не значит, что будут снижены и цены.

Именно монополии стран, входящих в Европейское объединение угля и стали, подтвердили всей своей практикой правильность этого положения. Когда несколько лет назад создавалось Европейское объединение угля и стали, его поборники также утверждали, что это приведет к снижению издержек производства и цен на железо, сталь, уголь, кокс и т. д. Действительность же выглядела совсем иначе. Правда, производственные расходы понизились. Однако одновременно с этим за период с момента создания этого объединения на 20 и более процентов повысились цены на производимую им продукцию. Сверхприбыли текли исключительно в карманы хозяев монополий. Тяготы усилившейся эксплуатации и возросших цен несли трудящиеся. То же самое произойдет в случае осуществления плана «общего рынка».

Иначе и не может быть. Ибо таможенный союз создается империалистами не для того, чтобы обеспечить трудящимся лучшие условия жизни, а исключительно ради более высоких прибылей монополий.

В течение последних лет промышленная база Западной Германии была модернизирована и значительно расширена. В связи с этим усилилась эксплуатация трудящихся масс, хотя и снизились издержки производства. Тем не менее почти повсеместно непрерывно повышаются цены, что почти полностью поглощает прибавки к заработной плате, отвоеванные рабочими. Зато несоизмеримо возросли прибыли крупных капиталистических акул. Так, например, крупнейшие банки собираются выплачивать дивиденды за 1956 год в размере из 12 процентов. Таким образом, и в этом случае мы видим, что в условиях господства монополий сокращение издержек производства ни в коей мере не ведет к снижению цен.

Это относится не только к западноевропейским капиталистическим странам. И в Соединенных Штатах Америки, которые располагают весьма мощным производственным аппаратом, наблюдается такое же положение: сокращение издержек производства идет нога в ногу с инфляцией, которая, в частности, привела к тому, что покупательная способность доллара равна лишь половине его покупательной способности в конце войны.

Уже сегодня в Западной Германии, как и в других странах, входящих в состав таможенного союза, ведется — хотя и очень осторожно — подготовка к повышению цен, ожидаемых в связи с высокой таможенной стеной, которая окружит страны «общего рынка». При этом можно быть уверенным, что рост цен будет много выше уровня таможенной пошлины.

...а цены...

Как свидетельствует опыт, осуществление малоевропейского таможенного союза было бы, таким образом, связано с дальнейшими значительными повышениями цен которые лягут бременем на трудящихся. Лишь крупные монополии извлекут пользу из единого рынка.

Улучшение положения трудящихся масс может быть достигнуто лишь последовательной и упорной борьбой рабочих и служащих за повышение заработной платы и социальные права. Однако эта борьба была бы серьезно затруднена с созданием «общего рынка».

Одна из причин, побуждающих монополии стран, входящих в Европейское объединение угля и стали, создать малоевропейский таможенный союз, заключается как раз в том, что они намерены с помощью этого объединения торпедировать требования трудящихся относительно более высокой заработной платы и улучшения социальных условий. Более того, создатели «общего рынка» намерены нивелировать уровень жизни и заработной платы в сторону снижения.

При этом монополисты исходят из того, что в сфере стран «общего рынка», даже в период высокой конъюнктуры, будет постоянная резервная армия безработных по меньшей мере от 3 до 5 миллионов человек. По официальным статистическим данным, число зарегистрированных безработных (это признано специальными ведомствами) составило в среднем за 1954 год, то есть год вы-

сокой конъюнктуры, приблизительно 3,6 миллиона человек. Известно, однако, что официальные данные далеко не отражают фактическое положение вещей в этой области. Таким образом, приведенные данные отнюдь не преувеличены. В случае же экономического кризиса число безработных в сфере стран «общего рынка» может подскочить до 10 и более миллионов человек. Эту огромную резервную армию промышленных безработных монополии хотят использовать для того, чтобы задушить борьбу трудящихся за уровень заработной платы, задушить и другие формы социальной борьбы. В этом, собственно, и заключается смысл «положений о свободе передвижения», согласно которым рабочие и служащие в сфере таможенного союза могут передвигаться из одной страны в другую.

Давление на рабочих

При этом совершенно не принимаются во внимание массы колониальных народов, вынужденных до сих пор жить в нечеловеческих условиях и чья заработная плата составляет лишь ничтожную долю заработной платы западноевропейских промышленных рабочих.

Таким образом, в случае осуществления проекта таможенного союза крайне усилится давление монополий на трудящиеся классы. Уже сейчас ясно, что не может быть и речи не только о каком-либо повышении заработной платы или улучшении социальных условий, но что уже запланировано прямое снижение заработной платы и ограничение социальных прав трудящихся. Признания боннского министра экономики Эрхарда, заявившего 10 марта о намерении подавлять будущие движения за повышение заработной платы «также и грубой силой», показывают, как развернутся события, если планы монополистов будут претворены в жизнь. При этом необходимо учитывать, что снижение заработной платы окажется возможным и вследствие непрерывного повышения цен. Именно этот метод снижения заработной платы практикуется в последние годы западногерманскими и другими монополиями. Генеральное наступление монополий на права трудящихся достигло бы своего апогея в случае наступления экономического кризиса.

В случае осуществления малоевропейского таможенного союза во всех странах «общего рынка» еще больше

возрастет власть монополий. С небывалой силой разгорится конкурентная борьба между ними, когда монополии, не сдерживаемые более таможенными границами, непосредственно столкнутся друг с другом. В этой обострившейся борьбе пострадают менее развитые отрасли экономики, пострадают широкие слои средних классов не только во Франции и Италии, но также и в Западной Германии и других странах. Сюда в первую очередь относится западногерманское мелкое и среднее крестьянство. *Разорение средних слоев населения приведет к дальнейшему росту резервной армии безработных в промышленности.*

Кроме того, нельзя забывать, что в этой обострившейся классовой борьбе монополии будут беззастенчиво использовать любые средства для осуществления политики «разделяй и властвуй» и препятствовать рабочим организациям стран «общего рынка» объединяться для совместной борьбы против общего врага.

Удар по немецким интересам

Для рабочего класса Германии, который несет главную ответственность за решение национальных задач немецкого народа, план создания малоевропейского таможенного союза таит в себе еще и другую серьезную угрозу. *Ибо этот план еще более углубит раскол Германии, углубит пропасть между двумя германскими государствами и превратит границу между ними в таможенную границу.* При этом безразлично, как будет называться эта таможенная граница. Все это еще больше затруднит борьбу немецких патриотов за мирное воссоединение Германии в единое, миролюбивое, демократическое государство. Жизненные интересы всех стран-участниц требуют тесного сплочения рабочего класса со всеми слоями трудящегося населения для решительной борьбы против ратификации и осуществления плана монополий о создании «общего рынка». При этом мы можем констатировать, что имеются все реальные возможности для того, чтобы сорвать эти планы. Во Франции коммунистическая партия начала мобилизацию широких слоев трудящихся и французских патриотов для борьбы против проекта таможенного союза. Немецкий рабочий класс не должен остаться в стороне от этой борьбы.

НОВАЯ УТОПИЯ¹

ТОМАС БАЛОГ

По мере того как постепенно проясняются планы экономического объединения Западной Европы, среди сторонников лейбористов все более возрастает опасение, что исподволь подготавливается нечто такое, что может отбросить нас назад, в довоенное состояние, когда экономика переживала трудности и в ней господствовала несправедливость. Я лично не думаю, что существует какой-то заведомый заговор, преследующий цель охранить законы капиталистической игры с помощью нерушимых международных договоров. Но я почти не сомневаюсь в том, что замыслы сторонников «общего рынка» в том виде, как он мыслится в настоящий момент, опасны для благосостояния и Британии и Европы в целом. Они не могут излечить ужасной экономической слабости Европы перед лицом растущего могущества и технологического превосходства США и СССР. По самому существу своему они могут привести к еще большим политическим разногласиям в силу тех проблем, которые обусловлены техническим превосходством Германии. Они таят в себе опасность еще более ухудшить и без того плохие отношения между Востоком и Западом, заморозив в гигантском экономическом месиве раскол Германии. Они, наконец, неизбежно ускорят процесс распада стерлинговой зоны, что также играет далеко не последнюю роль.

На чем же в таком случае основаны те высокие надежды, которыми вдохновляется это предприятие? Экономическая аргументация в пользу «общего рынка» и «зоны свободной торговли» сводится к старой мысли, будто выигрывают все, если каждая страна сосредото-

¹ «Нью стейтсмен энд нейшн», 30 марта 1957 г., Англия.

чится на производстве того, что она производит наилучшим образом, а прочие свои потребности будет удовлетворять через посредство торговли. Сегодня эта мысль выглядит неплохой для стран — участниц «общего рынка». Эти страны решили освободить от ограничений движение не только товаров, но и рабочей силы. Таким образом, если какая-либо зона захватывает превосходство в наиболее важных или производительных отраслях промышленности, наступает своего рода возмездие — порой отнюдь не из приятных. Те, кто работает в менее благоприятной зоне, могут свободно перемещаться, как они перемещались перед войной из Южного Уэльса и Тайнсайда в промышленный пояс средней Англии. Однако подобная миграция, даже если абстрагироваться от связанных с нею трудностей, не может быть эффективным средством для решения экономических проблем менее благоприятной зоны. В Англию после 1945 года вернулось процветание, когда лейбористское правительство специальными мероприятиями сохраняло полную занятость населения и контроль над размещением промышленности; в это же время Южная Италия прогрессирующе деградировала после ее объединения с более сильной — Северной и, несмотря на продолжающуюся эмиграцию, остается в почти нищенском положении.

Таким образом, хотя и существует этот спасительный клапан, перспективы неутешительны.

Специализация по отношению к большим зонам может привести в конечном счете к специализации по рубке дров и черпанью воды. Только планирование, техническое образование и согласованная система капиталовложений могут обеспечить надежное решение. Это частично и с запозданием поняли французы, которые поставили теперь вопрос о включении их заморских территорий в организацию «общего рынка» и предложили другим странам-участницам внести свой вклад в их программу заморских капиталовложений. Помимо этого, сейчас высказывается предположение, что страны-кредиторы в организации «общего рынка» используют часть активного сальдо своего платежного баланса для оказания помощи в экономическом развитии странам-должникам. Это весьма существенные изменения в чисто негативной концепции «свободного» перемещения (товаров и рабочей силы). Однако эти изменения, безусловно, ослож-

няют проблемы для тех стран, которые, подобно Англии, хотят связать себя с «общим рынком» лишь настолько чтобы освободить от тарифов часть своей торговли.

Эта проблема осложняется далее тем, что страны-участницы не могут рассчитывать на перемещение населения как на средство облегчения от возможных неблагоприятных последствий более свободной торговли. Поэтому необходимо весьма тщательно взвесить (предоставляемые этим проектом) преимущества, и я почти не сомневаюсь в том, что перспективы для Англии в этом случае далеко не благоприятные. Если нам скажут, что мы должны вступить в эту новую организацию только потому, что будет еще хуже, если мы не вступим, то нам следует по меньшей мере опасаться ловушек.

Наиболее резким аргументом в пользу неизменности производительной мощности является прежде всего доктрина «естественных склонностей»: очевидно, что Сан-Ремо лучше приспособлено для выращивания гвоздики, чем Гуль. Однако школьные истины, как например то, что Португалия обменивает вино на хлопчатобумажные изделия, вряд ли могут служить образцом торговли современных промышленных стран, производительная мощность которых увеличивается от двух до десяти процентов в год. Такие страны могут добиться значительно большего, сохраняя полную занятость и быстро расширяя производство, нежели ведя свободную торговлю и замедляя собственное развитие. Понятно, что Германия в послевоенные годы достигла такого технического превосходства по сравнению с другими европейскими странами, которое опрокидывает и делает бессмысленными школьные истины.

Средний прирост производства в Германии в два раза превышает прирост, достигнутый в Англии в лучший для нее послевоенный год. Следовательно, Германия сможет диктовать условия, а Англия, по всей вероятности, быстро столкнется с трудностями платежного баланса и окажется вынужденной, таким образом, ограничивать капиталовложения и все более уступать преимущества.

Могут сказать, что это соображения кратковременного порядка и что преимущества более свободной торговли наступят позднее, с течением времени. Но позднее, с течением времени мы все умрем. Если мы должны сокращать кредит и ограничивать производство в течение цело-

го ряда коротких периодов, мы потеряем больше, чем мы можем, по-видимому, получить. В самом деле, они сами выдают себя именно в данном случае, когда говорят, что в результате создания Европейского объединения угля и стали очень мало что изменилось в Европе и что не наступит никаких драматических последствий, если он будет распространен на все отрасли производства. Преимущества, которые могут выявиться в будущем, весьма сомнительны.

Эту скептическую точку зрения подкрепляет и тот факт, что организаторы «зоны свободной торговли» решили теперь исключить из нее на несколько лет более слабые страны, такие, как Греция и Турция. Очевидно, что свободный импорт сделал бы совершенно невозможной индустриализацию этих стран. Однако, если Греция и Турция нуждаются в протекционизме, не применим ли тот же аргумент и к тем странам (например, Италии), по отношению к которым превосходство Западной Германии отличается чисто количественно? Далее, английское правительство настаивает на том, чтобы сельскохозяйственные продукты были вообще исключены. Разумеется, что Европа в целом, включая Англию, может получить наибольшую выгоду от свободного обмена именно сельскохозяйственными продуктами: в этой области естественные склонности действительно различны. Однако причина для их исключения очевидна. Если не исключить продовольствие, напитки и табачи, имперские преференции летят за борт. Это не имело бы значения, если мы могли бы еще рассчитывать на сплоченную, как во время войны, стерлинговую зону, которая основывалась не на тарифах и преференциях, а на ограничениях импорта и платежей в другие валютные зоны. Эти ограничения давали нам исключительные преимущества и обеспечивали нам рынки для половины всего нашего экспорта.

Столкновение интересов в вопросе об экспорте сельскохозяйственных продуктов будет, конечно, острым, поскольку по крайней мере Дания, Голландия и Италия будут решительно настаивать на включении их в «зону свободной торговли». Коммюнике, опубликованное последней сессией Совета ЕОЭС, содержало, помимо обычных избитых истин, одно важное место. «Необходимо,— указывалось там,— найти пути для того, чтобы расширить торговлю сельскохозяйственными продуктами на та-

кой основе, чтобы ни один из членов «зоны свободной торговли» не оказался бы дискриминированным». Это положение трудно согласовать с сохранением имперских преференций. Бесспорно, что такая дискриминация будет иметь место по отношению к стерлинговой зоне, независимо от того, вступит ли Англия в «зону свободной торговли» или нет. Тем не менее, если Англия вступит в нее, сплоченность Содружества наций неизбежно пострадает. Некоторые страны стерлинговой зоны в силу «особых милостей» могут оказаться вынужденными включиться в эту систему; но азиатские страны — прежде всего Индия, связанная с социалистическим планированием, — не могут принять на себя даже частичных обязательств подчиняться этим правилам.

Все эти соображения заставляют предположить, что «Новая Утопия» не сможет экономически благоприятствовать ни одному европейскому государству, за исключением Западной Германии. В частности, отнюдь не завидным оказалось бы положение Англии. С другой стороны, в области политической именно Германия стала бы главной жертвой, ибо Россия никогда не допустит воссоединения Германии, если Федеративная республика будет связана экономически, а равно и военными узами с Западной Европой. Можно ли, в самом деле, рассчитывать в этом случае на то, что подобное столкновение интересов приведет к возникновению сильной и объединенной Европы?

При возникших обстоятельствах невольно напрашивается вопрос: почему так усиленно настаивают на продвижении всех этих планов, если они так чреваты опасностями и столь мало обнадеживающи? Кто в конце концов выигрывает от этого? С одной стороны, это клерикальные режимы в Италии, Франции и Западной Германии. Воссоединение Германии означало бы самый большой удар по католической гегемонии на европейском континенте. С другой стороны, от реализации этих планов может выиграть свободное предпринимательство. По условиям проекта планирование экономического развития той или иной страны — участницы «общего рынка» станет значительно более затруднительным. Важно отметить, что проект не предусматривает никаких гарантий для стран, которые в силу своей внутренней экономической и социальной политики будут переживать трудности с платежным

балансом. Нам все еще пытаются внушить веру в глобальную систему валютного контроля либо девальвацию. Но проходящие сейчас в Англии стачки показывают, что валютный контроль может быть эффективным только тогда, когда он ведет, как это было до войны, к безработице и прекращению капиталовложений, а девальвация, которая неизбежно будет повторяться, если не устранить ее коренной причины, окажется столь же вредной для планирования капиталовложений по всей «зоне свободной торговли», как и тарифы, которые она заменит.

Англия обладает еще достаточным влиянием, чтобы приостановить существующую ныне тенденцию к политической и экономической неопределенности; договор покамест не ратифицирован. Но мы не можем согласиться с чисто негативистской точкой зрения оппозиции. Тем опасностям, которые несет с собою проект в его нынешнем виде, можно противостоять двояко: во-первых, предварительно должно быть достигнуто какое-то соглашение о воссоединении Германии; во-вторых, мы должны во что бы то ни стало настоять на том, чтобы сам «общий рынок» и «зона свободной торговли» заключали в себе положительные гарантии, направленные на установление определенного равновесия между участниками путем увеличения, а не сокращения капиталовложений более слабых государств-участников. Либерализация европейской системы платежей (отмена платежей золотом) и создание центрального банка, ведающего капиталовложениями,— это тот минимум, которого мы должны требовать. Более того, подобные мероприятия должны быть дополнены созданием общего руководства и плановыми капиталовложениями. Основная задача Англии, печально позабытая Батлером, Макмилланом и теперь, по-видимому, Торникрофтом, заключается в том, чтобы увеличить объем наших капиталовложений, восстановить нашу способность к предоставлению заграничных займов (прежде всего в слаборазвитые страны, которые не могут быстро расплачиваться) и усилить наши золотые и долларовые запасы. Этого нельзя сделать с помощью «магического» акта вступления в «зону свободной торговли». Подобный акт был бы не многим лучше безуспешной попытки неудачливого конкурента улучшить свое положение, изменив правила соревнований.

ЗАЗЫВАЛЫ ЕВРОПЕЙСКОГО «ОБЩЕГО РЫНКА»¹

Для угля, стали и нескольких родственных им видов продукции шесть государств Европейского объединения угля и стали уже имеют «общий рынок». Благодаря благоприятно сложившейся конъюнктуре (что отнюдь не его заслуга) этот «общий рынок» в последние годы успешно функционировал. Теперь же он должен быть, хотя и постепенно, но довольно быстро, распространен и на все остальные виды продукции. Договор о создании таможенного союза должен быть подписан уже в ближайшие дни, а через несколько месяцев ратифицирован с тем, чтобы затем незамедлительно вступить в силу. Это будет означать широкую отмену всех таможенных барьеров в сфере шести стран-участниц и создание «общего рынка» для 160—170 миллионов населения.

Таможенный союз! «Общий рынок»! В этом без сомнения есть что-то подкупающее. Все это ассоциируется с экономикой большого пространства типа США или Британской империи, а также старой Австро-Венгрии. Но чем же это плохо? Обременительные таможенные ограждения падут, одним ударом до огромных размеров расширится бы рынок, промышленные товары будут сбываться быстрее, у потребителя появится более разнообразный выбор, цены бы упали, жизненный уровень возрос. Экономический кругооборот стал бы более энергичным, оживленным.

И вот теперь, по слухам, мы приглашены принять участие в этом проекте. Да стоит ли вообще здесь медлить, не следует ли ухватиться за это предложение обеими руками? Однако весьма примечательно, что даже те, кто в

¹ «Эстеррейхише фольксштимме», 13 марта 1957 г., Австрия.

безмерном восторге от «общего рынка» и «единой Европы», уже сейчас обращают наше внимание на то, что присоединение к системе «общего рынка» потребовало бы «определенных жертв».

«Радостно, хотя и несколько озабоченно» встречает идею «общего рынка» президент Австрийского объединения профсоюзов Бем, ибо, по его мнению, многие предприятия попадут под давлением иностранной конкуренции в «довольно сомнительную ситуацию», из которой они смогут выбраться только с помощью «повышения продуктивности», то есть путем увеличения производительности труда рабочих. «Вся Европа» выиграет от создания «общего рынка», — говорит усерднейший из всех зазывал «европейского рынка», депутат от социал-демократической партии Чернец, но и он должен признать, что «нельзя будет обойтись без жертв, которые во всяком случае понесут не только одни (!) рабочие». Пусть все же рабочие проникнутся сознанием того, что им придется нести изрядную долю тягот!

Что же, собственно говоря, случилось? Еще не пережив всех восторгов, примерные европейцы уже говорят о жертвах! Они прекрасно понимают, что присоединение к «общему рынку», отмена таможенных пошлин, контингентов и тому подобного нанесли бы именно у нас серьезный — если не смертельный — удар «многим предприятиям» и многим отраслям промышленности. Выход она видят в следующем. Рабочим следует лишь больше производить, то есть интенсивнее работать, и тогда австрийская промышленность будет целиком и полностью конкурентоспособной.

Уже одна лишь перспектива присоединения к «общему рынку» служит, таким образом, боевым кличем для повышения производительности! Что же будет, если Австрия действительно должна будет примкнуть к «общему рынку»? Тогда, видимо, в наше распоряжение будет предоставлен «общий рынок», то есть рынок, насчитывающий 160 или 170 миллионов потребителей. Блестяще! Но одновременно произойдет и другое: участникам «общего рынка» открывается австрийский рынок. Опыт с либерализацией торговли уже доказал, что крупные иностранные концерны отнюдь не пренебрегают рынком Австрии с ее семимиллионным населением, что и этот кусок весьма лаком для них. Но эта политика отнюдь не сулит

столь блестящую перспективу Австрии, австрийской промышленности и особенно австрийским рабочим, которым придется оплачивать «европейскую» горячку наших политиков «большого пространства» отчасти безработицей, отчасти тем, что их будут вдвое больше эксплуатировать.

С созданием «общего рынка» для всех и всякого, для великого и малого, для большого капиталиста и малого возникает ситуация, напоминающая совместное пребывание в одном помещении лисицы и курицы. В этом случае навряд ли курице смогут сколько-нибудь помочь заверения: «Ты имеешь такое же право съесть лису, какое лиса имеет право съесть тебя». Нетрудно представить себе, что из этого получится. Не австрийская промышленность проглотит 165-миллионный рынок, а западногерманская, или в равной степени французская, или бельгийская крупная промышленность проглотят наш семимиллионный рынок.

Разумеется, не полностью и не сразу. Вполне понятно, что некоторые из наших отраслей промышленности, получившие благодаря естественным или другим особым преимуществам благоприятное развитие, смогут и при таких условиях успешно выдержать конкуренцию и даже развернуться. Так, это относится — по меньшей мере пока господствует конъюнктура — к типично сырьевым отраслям и к тяжелой промышленности, а возможно, и к каким-либо другим отраслям, где особенное значение имеет ручная работа. Но все же большая часть нашей промышленности, прежде всего перерабатывающей, не в состоянии в условиях полного отсутствия таможенной защиты длительное время противостоять сверхмощной западногерманской или иной западной конкуренции. Ибо какая может быть польза от теоретических перспектив завоевания рынка, если отсутствуют необходимые для этого финансовые возможности.

Кое-как обеспечиваемый сбыт на отечественном рынке еще дает определенную основу для соответствующей конкурентной способности за границей. Но если эта основа отпадет — а она должна отпасть, если при изменении конъюнктуры начнутся затруднения на «общем», а следовательно, и на австрийском рынке, — тогда нам придется сворачивать производство. Или же начинать распродажу иностранным концернам, что неизбежно приведет к тому, что наши предприятия снова снизойдут до

положения простых вспомогательных или ремонтных мастерских германских монополий.

Наряду с «общим рынком» стран, входящих в Европейское объединение угля и стали, существует еще и другой вариант «великопространственного» сотрудничества — это так называемая «европейская зона свободной торговли». Она не более европейская, чем «общий рынок», так как и она должна охватывать лишь капиталистические страны Европы. Этот план не многим безобиднее. Государства — участники «зоны свободной торговли» должны отменить между собой таможенные барьеры, однако по отношению ко внешнему миру они могут установить любые (и различные) по высоте таможенные пошлины. Англия, к примеру, могла бы ввести в этом случае высокие таможенные тарифы по отношению, скажем, к Японии, но низкие преимущественные пошлины — по отношению к Австрии. Внутри же «зоны свободной торговли» таможенные пошлины отменяются в любом случае. Это было бы под силу Англии, которая еще обладает серьезной финансовой мощью. Но Австрия едва ли смогла бы противостоять давлению немецких концернов в «зоне свободной торговли» с большим успехом, нежели на «общем рынке». Но при такой ситуации нам пришлось бы иметь дело еще и с английскими концернами. Напрашивается вывод, что все эти образования и конструкции создаются отнюдь не для того, чтобы поднять «общее благосостояние»; они служат скорее тому, чтобы помочь сильным проглотить слабых. Поэтому-то 250-миллионный рынок «зоны свободной торговли» является для нас, малых, не более привлекательным, чем 165-миллионный «общий рынок», ибо в конце концов курице совершенно безразлично, кем она будет съедена — лисицей или волком.

Но возникает вопрос: можно ли вообще обойтись без этих «образований большого пространства»? Конечно, можно. Обошлись же мы до этого без Европейского объединения угля и стали и с нами ведь при этом ничего не случилось. Мы ведем торговлю с этими странами на основе взаимной выгоды и в отдельных случаях — взаимных уступок (например, мы получаем рурский уголь в обмен на лес и электроэнергию, которую мы поставляем Западной Германии в часы пик). Это может продолжаться и в дальнейшем. Тем более, что знаменитый 250-миллионный

рынок — это еще далеко не весь мир, в котором, как известно, живет почти в десять раз больше людей. Мы могли бы даже значительно усилить наши позиции при переговорах с различными странами-участницами, если бы лучше использовали наши резервные возможности в других направлениях.

В остальном же было бы неплохо, если бы некоторые политики вспомнили; что их выбирали австрийские рабочие и что эти политики должны представлять интересы австрийских рабочих, а не так называемые европейские интересы.

«ОБЩИЙ РЫНОК»¹

Е Ж И К О В А Л Е В С К И Й

История

Уже подходит к концу работа над проектом так называемого «общего рынка» шести европейских государств — Франции, Западной Германии, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга... Можно предвидеть, что к концу этого года соглашение может быть ратифицировано всеми парламентами.

Таким образом, мы наблюдаем предпоследнюю стадию (последней будет ратификация парламентами) *длительных и тяжелых переговоров*, начавшихся два года тому назад, в июне 1955 года, на конференции министров иностранных дел шести государств в Мессине. На этой конференции было достигнуто *принципиальное* соглашение по вопросу о ликвидации таможенных границ между этими государствами, о создании «общего рынка», а также таможенной границы по отношению к другим государствам.

Тотчас же по окончании мессинской конференции начали работу эксперты, на долю которых выпало обсудить целую массу чрезвычайно сложных экономических, политических, финансовых, валютных, социальных и прочих проблем, в которых интересы отдельных стран расходились зачастую самым радикальным образом. Одновременно велась разработка проекта Европейского атомного сообщества (Евратом).

В мае 1956 года в Венеции состоялась вторичная конференция министров иностранных дел, обсудившая отчеты экспертов. Через месяц в Брюсселе к разработке проекта приступили представители правительств.

¹ «Трибуна люду», 15, 16 марта 1957 г., Польша.

В октябре 1956 года состоялась следующая конференция министров иностранных дел в Париже. Министры занимались главным образом рассмотрением разногласий, возникших в ходе подготовительных работ. Поскольку в отношениях между Францией и Западной Германией возникло особенно много трудностей, то их попытались устранить главы правительств обеих стран во время встречи в Париже в ноябре 1956 года.

С этого времени обсуждение ведется в ускоренном темпе. В январе 1957 года в Брюсселе срочно собрался весь штаб «общего рынка» для того, чтобы найти разрешение 29 труднейших спорных вопросов; что же касается последних, то разногласия по этим вопросам до сих пор не уменьшились.

В феврале этого года впервые была созвана конференция уже не министров иностранных дел, а глав заинтересованных правительств. Парижская конференция глав правительств ускорила разрешение проблем таким образом, что попросту посчитала эти несогласованные вопросы решенными. 8 марта этого года работа над проектом была признана оконченной, несмотря на то, что многие трудные и серьезные вопросы требуют еще дальнейшего обсуждения.

Таможенная уния

Стержнем всего соглашения по вопросу об «общем рынке» является решение о создании *таможенной унии* шести государств. Это означает, во-первых, *отмену пошлин в товарооборотах между этими государствами и, во-вторых, создание общего таможенного тарифа в отношении с другими государствами*. Все это должно быть осуществлено по этапам в течение 12 лет, а что касается сельского хозяйства, то в течение 15 лет.

Достижение соглашения по этим вопросам является результатом компромисса между весьма разнородными и противоположными интересами. Западная Германия и Бельгия были странами низких пошлин. Италия и Франция имели высокие охранительные пошлины. В настоящее время решено, что общий пошлинный тариф для внешнеторговых операций будет создан на основе *средней арифметической* существующих пошлин. Это означает, что Западная Германия и Бельгия должны будут

повысить таможенные сборы, а Франция и Италия — снизить.

Это ведет к двояким осложнениям. В Западной Германии и Бельгии импортные сырье и продовольствие *подорожают*. Во Франции и Италии снижение пошлин будет *угрожать* предприятиям и отраслям экономики, которые охранялись высокими пошлинами.

Уже один этот пример свидетельствует о том, какие глубокие изменения внесет создание таможенной унии как в экономику заинтересованных стран, так и во все мировое хозяйство.

Общая экономическая политика

Отмена пошлин между шестью государствами неизбежно повлечет за собой существенные изменения во всей их экономической политике. Наиболее четко этот вывод, являющийся одновременно постулатом, сформулировали западногерманские политические деятели. Министр иностранных дел ФРГ Брентано заявил в июне 1956 года, что «при создании общего рынка речь идет о том, чтобы по заранее определенным этапам призвать к жизни таможенную унию, дабы внутри этой унии обеспечить полную свободу действия законам конкуренции, а также о том, чтобы подготовить путь для общей экономической и торговой политики».

До сих пор каждая из этих стран сама решала вопрос о движении товаров, капиталов и людей, а также о том, какие отрасли экспорта поддерживать и в какой мере. Страны сами устанавливали импортные контингенты и экспортные субсидии; они сами решали вопросы, связанные с валютными операциями, с транспортными тарифами, с платежной политикой и т. д. После создания «общего рынка» все это подвергнется *существенным изменениям*. Если цель, которую поставили перед собой авторы «общего рынка», будет достигнута, то дело должно дойти до унификации этой политики, по крайней мере в принципиальных вопросах. Но это означает, что такая политика моментально войдет в конфликт с очень многими интересами, причем этот конфликт может быть еще острее, чем конфликты, связанные с таможенными проблемами.

Например, представитель Франции Мендес-Франс вы-

разил опасение, что общая экономическая политика поведет к девальвации франка, к утечке французских капиталов в ФРГ, а также к тому, что Франция будет наводнена дешевыми импортными товарами других стран.

Партнерам «общего рынка» *не удалось ликвидировать все разногласия в этой области*. В частности, Франция отвоевала себе ряд гарантий, о которых французский политический деятель Пфлимен писал: «Французским уполномоченным для ведения переговоров удалось внести в первоначальный проект столько гарантий для своей страны, что остальные партнеры оказались, собственно говоря, перед лицом своего рода «французской системы», гораздо более привлекательной, чем то, чем должен был бы стать общий рынок».

Таким образом, Франция сохранила себе право установления собственных экспортных субсидий и налогов от импорта на товары, происходящие из «общего рынка». Франция поставила также предварительное условие, что она может воспрепятствовать понижению пошлин, если того потребует финансовое положение.

Другие партнеры согласились на эти и другие уступки, руководствуясь, разумеется, не любовью к Франции, а интересами собственной выгоды, которую им дает «общий рынок». Это касается особенно Западной Германии, не без основания полагающей, что общая экономическая политика, будет больше всего приближена к ее экономической политике. Западная Германия может утешаться фактом, что в проекте соглашения имеется положение, запрещающее введение количественного ограничения ввоза товаров.

Спор по отдельным вопросам будет продолжаться, в конце концов, еще долго, и даже после создания «общего рынка» разногласия, пожалуй, не будут полностью устранены.

Заработная плата и социальная политика

Особенно сложным вопросом при установлении общей экономической политики шести западноевропейских государств было устранение различий в заработной плате и в социальной политике вообще. Страны, заключающие соглашение об «общем рынке», имеют разные системы заработной платы и социального обеспечения. Западно-германские предприниматели, например, готовы платить

за труд, но не хотят платить пособия по болезни в тех размерах, в каких они выплачиваются в других странах. Припомним хотя бы недавно закончившуюся забастовку в Шлезвиг-Голштинии, которая проводилась прежде всего под лозунгом о выплате пособия с первого дня болезни рабочего. Во Франции же существует широко распространенная система социального обеспечения. Если бы эти различия сохранялись, то у французской промышленности было бы весьма мало шансов конкурировать с западногерманской промышленностью.

Но каким образом выравнить заработную плату и систему социального обеспечения — повысить или понизить их? Выравнивание путем повышения повело бы к увеличению издержек производства западногерманской промышленности. Западногерманский журнал «Дер шпигель» писал об этом:

«Выравнивание по образцу французских расточительных законов о социальном обеспечении, за которые страна платит бешеной инфляцией и пассивным балансом во внешней торговле, наложит на германскую промышленность дополнительные расходы».

Выравнивание путем понижения могло бы вызвать серьезные классовые конфликты в странах, затронутых понижением. В связи с этим щекотливым вопросом разгорелась тяжелая борьба, которая до сих пор *не дала, собственно, результатов*, кроме констатации факта о необходимости достижения «гармонии».

Западногерманские предприниматели *сорвали* французское предложение, требующее принятия за основу сорокачасовую неделю. «Бедные» капиталисты Рура не могут себе позволить такую роскошь. Французы же заранее оговорили охранное условие на случай, если через четыре года оказалось бы, что социальное обеспечение не доведено до установленного уровня.

Участники переговоров отдавали себе отчет в том, что создание «общего рынка» может иметь *тяжелые последствия для рабочих*. Об этом свидетельствует решение о создании фонда для рабочих, прошедших переквалификацию и полностью или частично потерявших работу в результате ведения общего хозяйства. Можно ли будет таким образом предотвратить серьезные социальные потрясения в Западной Европе, и если можно, то в какой мере — это покажет будущее.

Сельское хозяйство

Сельское хозяйство весьма чувствительно к экспериментам создания «общего рынка», а также к изменению ныне существующей таможенной и торговой политики. В Брюсселе постарались избежать проистекающих из этого трудностей путем установления так называемого «охранного периода» для сельского хозяйства. Было постановлено, что до тех пор, пока не будет создана совместная рыночная организация, сельскохозяйственный товарообмен будет совершаться на основе *долгосрочных многосторонних соглашений*. Нетрудно заметить, что и здесь Франция сумела обеспечить себе определенные гарантии.

Колонии

Самую большую трудность для переговоров, особенно в последней их фазе, представлял вопрос о колониях, и прежде всего о французских колониях в Африке, а также о Бельгийском Конго. Главный спор велся вокруг вопроса о том, кто и на каких условиях будет вкладывать капиталы в колониях.

Франция хотела, чтобы средства для капиталовложений давали все государства, но чтобы господство французской метрополии там осталось непоколебленным. Кроме того, Франция хотела принудить своих партнеров инвестировать капиталы во все области экономики. Западная Германия, наоборот, желала, во-первых, ограничить эти суммы, а во-вторых, вкладывать средства лишь в некоторые области хозяйства.

В результате долгих споров было достигнуто весьма куцее решение вопроса. Было утверждено, что в течение пяти лет в колонии будет вложено 581,2 миллиона долларов, из чего Франция и ФРГ дают 200 миллионов долларов. Из этой суммы во французские колонии будет вложено 511,2 миллиона долларов. Эта сумма значительно меньше того, что требовала Франция.

Западная Германия очень серьезно сократила свою долю. Первоначально полагали, что эта доля будет составлять 300—400 миллионов марок ежегодно. Однако фактически Западная Германия будет вкладывать в колонии в среднем 168 миллионов марок. Западная Германия не приняла участия в управлении колониями, чего, впрочем, она и не добивалась, но, как пишет газета «Ди

вельт», *«мы получаем большие шансы в области импорта в Африку и развития этих территорий».*

Критика

Если дело дойдет до создания «общего рынка», то это будет *одна из крупнейших экономических и политических операций*, предпринятых капиталистами за последние годы. Понятно, что эта идея представляет большой интерес и что она имеет своих *ярых приверженцев и упорных противников*.

Однако необходимо сказать, что если бы *все* участники общего рынка не рассчитывали на достижение каких-либо реальных выгод, то, очевидно, из этого мероприятия ничего не вышло бы. Расчеты же всех шести государств можно представить следующим образом. В Европе будет образован большой рынок, охватывающий территорию, которую населяют 160 миллионов человек. Этот рынок гарантирует немецким, французским, итальянским и другим капиталистам новые возможности для развития производства и получения прибылей, для модернизации промышленности, рационализации и снижения себестоимости.

Конечно, это развитие не будет гармоническим, оно будет отмечено всеми особенностями, характерными для современного капитализма. Многие предприятия и отрасли экономики могут подвергаться, и наверняка подвергнутся, потрясениям и даже катастрофам. В каждой из этих стран имеются экономические интересы, для которых атмосфера «общего рынка» будет *гибельной*. И в каждом из этих государств есть также группы, являющиеся решительными противниками таможенной унии и общей экономической политики. К ним принадлежат, например, свободные демократы в Западной Германии (Св. ДП) и влиятельные экономические круги в Голландии. Но крупные монополии рассчитывают, однако, что после преодоления преходящих трудностей общий рынок принесет им выгоду, подобно тому, как создание Европейского объединения угля и стали принесло выгоду, хотя и не в равной степени, всем его участникам.

Впрочем, каждое из государств понимает эти выгоды по-своему, рассматривая их с точки зрения своих собственных интересов. К примеру, следует указать, что Западная Германия главным своим завоеванием считает

отмену ограничений во внешней торговле и доступ западногерманских капиталистов в африканские колонии. Франция, об осторожности и условиях которой я уже неоднократно упоминал, получила новые сотни миллионов долларов для капиталовложений в колониях, которыми она будет управлять и в дальнейшем.

При всем этом степень энтузиазма отдельных государств по отношению к «общему рынку» остается и впредь весьма различной. Недавно английское агентство Рейтер оценивало это положение таким образом, что ратификацию договора во Франции «нельзя рассматривать как дело, само собой разумеющееся», а в Голландии необходимо преодолеть еще большие трудности.

Для капиталистических стран, не охваченных этим соглашением, главной проблемой является вопрос о том, как сложатся их отношения с «общим рынком», который является, по выражению газеты «Ди вельт», «не только европейской таможенной унией, но и европейской системой предпочтительных пошлин в торговле с важнейшими районами Африки». Вот информация об отношении важнейших капиталистических стран к общему рынку.

Соединенные Штаты настроены к нему благосклонно. Великобритания обнаруживает явное беспокойство и ищет путей к каким-либо формам кооперации с «общим рынком» путем создания так называемой «зоны свободной торговли». Урегулирование отношений между Англией и «общим рынком» наступит в результате тяжелой борьбы и трений. Япония протестует, полагая, что это может угрожать ее торговле с Европой.

Социалистические страны единодушно указывают на *политическую и экономическую опасность*, которая может вытекать из создания «общего рынка» для будущего единства всей Европы и для *экономического сотрудничества стран независимо от их строя*. Об этом говорил товарищ Циранкевич в своем выступлении 26 февраля 1957 года. Мы хотим хотя бы частичной и постепенной реализации коллективной безопасности в Европе, а Евратом или «общий рынок» *«лишь укрепляют разделение Европы на противоположные блоки»*.

О политических последствиях «общего рынка» говорилось также в докладе, сделанном 12 февраля 1957 года на сессии Верховного Совета СССР. В этом докладе указывалось на угрозу того, что «в случае созда-

ния так называемого «общего рынка» *господствующие позиции на нем оказались бы в руках Западной Германии*». Советская пресса подчеркивает, что «общий рынок» угрожает суверенитету и независимости стран Западной Европы.

В ГДР высказываются обоснованные опасения, что участие Западной Германии в «общем рынке» может создать дополнительные трудности в деле объединения всей Германии.

Деятель Итальянской коммунистической партии Пайетта указывает на то, что «малая Европа» является лишь *экономической основой для НАТО* и способствует углублению раскола Европы.

Критика политических последствий «общего рынка» не должна, однако, снижать нашего интереса к *сущности* этой проблемы. Интересную дискуссию по вопросу об «общем рынке» предпринял выходящий в Москве журнал «Новое время». Когда один из авторов (Молчанов) довольно шаблонно высказался, будто главная черта проектов «общего рынка» — это их *«нереальность»*, то тотчас же в полемику с ним вступили три автора.

Юрин и Алексеев писали: «Планы создания «общего рынка» — это не «фантазия» и не «экономическая несуразность»... *а выражение объективной тенденции, результат нового развития экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма*. То, что этот рынок не является выгодным для всех его участников, ни в какой степени не говорит о том, что он нереален».

Другой автор, Менжинский, пишет о проблеме «общего рынка»: «С ней нельзя разделаться простыми ссылками на заинтересованность Соединенных Штатов в разговорах об «общем рынке» в целях замазывания трещин в «западном единстве», на попытки французского правительства активностью по созданию «малой Европы» отвлечь внимание общественности от неудачных военных авантур, на стремление западногерманских монополий обеспечить себе гегемонию на европейских рынках, на непримиримые противоречия между странами — участниками проектируемого общего рынка...»

Уже хотя бы эта дискуссия свидетельствует о том, что мы имеем дело с явлением, требующим с нашей стороны внимания и добросовестного изучения,

ПОЛЬША, «ОБЩИЙ РЫНОК» И ЕВРОПЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ¹

Е Ж И К О В А Л Е В С К И Й

Уже известно содержание соглашения об «общем рынке» шести западноевропейских государств. 29 апреля на XII сессии Экономической комиссии ООН для Европы начнутся дебаты над советским предложением *об общеевропейской экономической системе*, представленным еще в прошлом году и конкретизированным и дополненным в заявлении Министерства иностранных дел СССР от 16 марта.

Мы имеем перед собой два документа, касающихся европейского экономического сотрудничества. Впрочем, в обоих этих документах речь идет также и о сотрудничестве в области атомной энергии, но я в своих рассуждениях буду касаться лишь экономических вопросов, а не атомных.

Оба эти документа самым существенным образом отличаются друг от друга, и это касается не только политических замыслов их авторов, но и задач, структуры и методов деятельности проектируемых организаций.

Соглашение об «общем рынке» разработано для государств, однородных с точки зрения их социальной структуры. Сущность соглашения такова, что если бы к нему пожелало примкнуть какое-нибудь социалистическое государство, то ему бы пришлось перестать быть социалистическим государством и *отказаться от какой-либо мысли о плановом развитии своего хозяйства*. Очевидно, что создатели этой системы не думали о решении вопроса в общеевропейском масштабе, и поэтому обвинение в политике *раскола Европы*, выдвинутое по их адресу, вполне обоснованно. Наконец, по другим причинам

¹ «Трибуна люду», 26 марта 1957 г., Польша.

невозможно также присоединение некоторых капиталистических европейских государств к системе «общего рынка», особенно таких государств, которые с точки зрения развития производительных сил серьезно отстают от шести стран.

Напротив, базой советского проекта общеевропейской экономической системы является *сотрудничество государств с различными системами*, с различным уровнем развития производительных сил. Он приемлем как для капиталистических, так и для социалистических государств и не требует ни от одного из возможных участников отказа от его социальных принципов.

Таковы проблемы структуры. А теперь остановимся на *экономических особенностях* обоих проектов.

Соглашение об «общем рынке» шести государств касается прежде всего их *взаимных торговых оборотов*, а не вопросов, связанных с производством. Соглашение предусматривает как можно большую либерализацию торговых оборотов вплоть до отмены пошлин и создания таможенной унии, а значит, и ликвидации в принципе всех импортных и экспортных ограничений. Однако эта цель может быть достигнута лишь спустя относительно долгое время и лишь после выполнения ряда трудных условий. Поэтому многие высказывают сомнение, удастся ли вообще полностью реализовать эту программу. Но дело не в том. Нам следует *проанализировать, приемлемы ли эти принципы для Польши*.

Полезно ли для современного народного хозяйства Польши присоединение к такого рода соглашению. *Думаю, что нет*. Мы немедленно столкнулись бы с мощной конкуренцией, которая угрожала бы не только отдельным нашим предприятиям, но и целым отраслям экономики. И первым же последствием присоединения к такой системе было бы наводнение рынка иностранными товарами. Может быть, на первых порах это было бы и выгодно, но этот процесс сопровождался бы одновременной *дезорганизацией всей нашей экономики и огромной безработицей*, против которой мы были бы совершенно бессильны. Попросту говоря, мы были бы не в состоянии покупать эти товары.

Соглашение, подобное соглашению об «общем рынке», может быть выгодно для *сформировавшихся экономических* организмов. Наш экономический организм

находится теперь в процессе становления, и это касается не только его *общественного характера*, но и его материальной базы. Прежде чем мы могли бы решиться на такого рода конкуренцию, мы должны были бы прочно, значительно прочнее, чем до сих пор, встать на ноги.

Еще сегодня во Франции, Голландии, Италии и других странах многие экономисты серьезно сомневаются, выдержат ли их страны условия «общего рынка» и не понесет ли их экономика больше потерь, чем ожидаемых выгод. Мы для развития нашего хозяйства пользуемся иными методами, чем политика охранительных пошлин. Мы делаем это прежде всего благодаря *экономическим планам*. И, естественно, у нас нет никаких поводов отказываться от планового развития наших производительных сил.

Вполне очевидно, что для нашей страны, так же как и для других стран, находящихся в подобном положении, ослабление и отмена ограничений в международной торговле имеют большое значение. Вся наша политика в области внешней торговли направлена именно в этом направлении. Мы боремся против дискриминации, против политики эмбарго, против списков «стратегических товаров», против всякого рода политических барьеров в международной торговле. Мы делаем это именно для того, чтобы обеспечить развитие нашего хозяйства. Но так как в экономическом отношении мы еще не догнали не только ФРГ, но и Францию и другие страны, то *решающее* значение для нас имеет *непосредственное* международное сотрудничество в деле развития нашей экономики.

Либерализация торговли представляет для нас ценность постольку, поскольку она будет служить развитию нашего производства. Естественно, что в соглашении об «общем рынке», выработанном странами, сильно развитыми в промышленном отношении и проводящими определенную политику, этому вопросу уделено значительно меньше внимания.

Совершенно иной характер имеет советское предложение, объединяющее два принципа — *принцип либерализации международной торговли и принцип сотрудничества в развитии производительных сил* в странах, присоединяющихся к соглашению о европейском экономическом сотрудничестве.

Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее. Либерализация торговых оборотов, предлагаемая Советским Союзом, не идет так далеко, как в системе шести государств. В советском предложении не говорится об отмене пошлин и всех институтов, регулирующих размеры и условия экспорта и импорта. Советское предложение делает упор не на создание большого, автоматически функционирующего межгосударственного рынка, а на широкую *либерализацию торговли путем межгосударственных соглашений*. Третий пункт дополнительных предложений, содержащихся в заявлении МИД СССР от 16 марта, гласит о «заключении между всеми заинтересованными европейскими странами соглашений о мерах по облегчению торговли между ними».

Мне кажется, что для стран, находящихся в процессе развития, повторяю — не только в смысле общественного строя, но и в смысле материального благосостояния, *это значительно более выгодно*, чем включение в состав унии вместе с сильно развитыми партнерами, которые и в пределах таможенной унии не перестанут думать о своих интересах. *Необходимую защиту наших интересов и условия для дальнейшего развития нам обеспечивает не концепция шести, а общеевропейская концепция*. Это касается не только социалистических стран, тем более что в советском проекте говорится не только о либерализации торговых оборотов, но и о помощи государства в развитии их экономики. В советском заявлении от 16 марта из четырех дополнительных пунктов этой проблеме посвящены три. И мне кажется, что если советское предложение делает теперь больший упор на вопросы помощи и экономического сотрудничества, чем это было в первоначальном прошлогоднем проекте, то это тоже не лишено основания. Упомянутые три пункта говорят о сотрудничестве в строительстве крупных гидроэнергетических сооружений, о расширении топливно-энергетической базы и, наконец, об экономической и финансовой помощи в целях развития народного хозяйства.

Я не знаю, будет ли интересоваться нас в ближайшем будущем первый пункт, касающийся строительства крупных гидроэнергетических сооружений. *Но наверняка нас будет интересовать второй пункт — о топливно-энергетической базе*. Может быть, в рамках общеевропейской

системы нам удастся в большей степени, чем до сих пор, привлечь Англию, Германию, Францию, Швейцарию, Чехословакию и другие страны к сотрудничеству в деле развития нашей горной промышленности, электрификации транспорта и модернизации перегруженного промышленного оборудования. Это представляло бы большой интерес для всех. Уния шести государств не исключает, правда, такой возможности, но и не обосновывает ее. Она создается не для этих целей. Чтобы в ее рамках дойти до такого сотрудничества с капиталистическими странами, потребовались бы чрезвычайно сложные переговоры, результаты которых предвидеть трудно. Наоборот, советское предложение берет этот принцип за программную предпосылку. С этой целью и выработано советское предложение. И с этой точки зрения оно *в наибольшей мере отвечает нашим потребностям и нашим интересам.*

То же самое касается и третьего пункта, гласящего о всеобщей взаимной экономической и финансовой помощи. Как известно, у нас в этой области имеется множество различных интересов. Мы охотно выдвинули бы ряд предложений в адрес как СССР, ГДР и Чехословакии, так и в адрес ФРГ, Франции и других стран. Это отвечало бы также планам развития наших экономических связей с Америкой. В отношении этих стран взаимность основывалась бы, например, на том, что кредит представляет интерес не только для того, кто получает заем, но и для того, кто его дает. *И эта взаимность в рамках европейского сотрудничества создала бы, разумеется, большие возможности.* «Общий рынок» шести государств, являющийся прежде всего торговым институтом, содержит значительно меньше этих возможностей. *Поэтому нашим интересам больше всего отвечает общеевропейская концепция, содержащаяся в советском предложении.*

В данной статье мы обратили внимание на экономические цели и на экономический характер обеих концепций — «большой» и «малой Европы». Безусловно, наш анализ не был полным. Мы писали уже о нашем отношении к политической концепции «общего рынка». И руководствуясь этими соображениями, мы также высказываемся за проект общеевропейской экономической системы.

ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ В СИСТЕМЕ «ОБЩЕГО РЫНКА»¹

КАРЕЛ ДОУДЕРА

На совещание в Рим, на котором должно быть подписано соглашение о «малоевропейской» таможенной унии (так называемый «общий рынок») и западноевропейском атомном картеле (Евратом), боннский канцлер Аденауэр не послал своего министра иностранных дел. Он поехал сам, чтобы, по его словам, быть свидетелем этого «исторического момента, наполняющего его душу благодатью». Присутствие Аденауэра при подписании соглашения как бы подтверждает ту руководящую роль, которую Западная Германия будет играть в этой таможенной унии и атомном картеле.

Не случайно, что подписание соглашения о создании «общего рынка» произошло именно теперь. Западная Германия по выплавке стали обогнала Англию. Она стала крупнейшим в Европе производителем автомобилей. По добыче каменного угля Западная Германия вышла на третье место в мире. Благодаря присоединению Саарской области еще более укрепились позиции Западной Германии в так называемом Европейском объединении угля и стали. Процесс ремилитаризации Западной Германии развивается быстрыми темпами. Становится очевидным, что через несколько лет она будет иметь явный перевес в Западной Европе и в военном отношении. Эти условия указывают на то, что экономическое объединение шести западноевропейских государств может служить лишь реставрированному германскому империализму, укреплению его экономического превосходства и установлению его политической гегемонии в Западной Европе.

¹ «Руде право», 8 апреля 1957 г., Чехословакия.

Председатель Союза западногерманских промышленников Фриц Берг не скрывает того, что западногерманский монополистический капитал возлагает на эту таможенную унию «большие надежды». В западногерманской печати уже неоднократно писалось о «великолепных возможностях», которые «общий рынок» дает промышленности Западной Германии. Однако в печати высказывалось также мнение, что создание таможенной унии непременно поведет к новому повышению потребительских цен. Иными словами, если западногерманским монополиям «общий рынок» принесет выгоду, то населению Западной Германии он принесет лишь вздорожание цен на потребительские товары.

Какие выгоды ожидают западногерманские империалисты от «общего рынка»?

Во-первых, в результате отмены таможенных границ и ограничений в области импорта западногерманские монополисты захватят самые выгодные позиции в международной конкурентной борьбе в границах «общего рынка» и обеспечат важные рынки сбыта для западногерманских товаров. Они надеются, что западногерманская промышленность окажется в более выгодном положении, чем промышленность, до сих пор охраняемая пошлинами в остальных странах — участницах «общего рынка», и таким путем сделает эти страны зависимыми от Западной Германии.

Далее, западногерманские монополисты надеются, что при помощи свободного экспорта капитала прежде всего в колонии, включенные в сферу «общего рынка», они смогут принять участие в эксплуатации трудящихся других стран, а также в эксплуатации сырьевых богатств Французской Африки, вытеснить оттуда французских империалистов и занять их место.

Как видно, заключение таможенной унии далеко не является «сердечным согласием» между французскими и западногерманскими империалистами, как это хотела представить западная пропаганда.

Опасный «партнер»

Тот факт, что западногерманская промышленность находится на значительно более высокой ступени концентрации, чем французская или итальянская промышлен-

ность, что западногерманские заводы имеют более современное оборудование, чем остальные страны, входящие в систему «общего рынка», и что в результате низкой заработной платы и низких расходов на социальные нужды западногерманская промышленность может выпускать продукцию с меньшими издержками, чем промышленность Франции, Бельгии или Люксембурга, — все это дает Западной Германии в «общем рынке» выгодные перспективы.

«Германская автомобильная промышленность приветствует создание «общего рынка», потому что широкий экономический простор обещает ей и более широкие возможности сбыта...» — пишет газета «Франкфуртер альгемайне» и добавляет, что итальянские промышленники требуют от правительства гарантий против наводнения итальянского рынка продукцией западногерманской автомобильной промышленности.

Во Франции также высказываются опасения, что французская автомобильная промышленность не выдержит на «общем рынке» натиска западногерманской конкуренции. До настоящего времени во Франции и в Италии на иностранные автомобили налагались высокие пошлины (во Франции 30 процентов) и разрешался лишь ограниченный импортный контингент. Высокими охранительными пошлинами Франция защищала также свою машиностроительную промышленность.

Опасения, что в связи с отменой высоких пошлин в сфере деятельности «общего рынка» французская промышленность окажется перед невыносимым натиском со стороны западногерманского «партнера», заставили Францию потребовать в соглашении об «общем рынке» определенных исключительных мероприятий по охране французской промышленности. Это в адрес Франции высказывала упреки аденауэровская газета «Рейнишер меркур», заявившая, что Франция, «уделяющая излишне много внимания отсталым мелким и средним предприятиям и этим мешающая им приспособиться к современному развитию техники, протащила в решение об «общем рынке» совершенно нетерпимые оговорки».

Западногерманские монополисты уже теперь заявляют, что эти оговорки — лишь временное явление и что французская промышленность вынуждена будет приспособиться к новым условиям в рамках «общего рынка».

Они ссылаются на то, что те западногерманские предприятия, которые не в состоянии противостоять широкой конкуренции в рамках «малоевропейской» таможенной унии, также будут вынуждены уступить.

Итак, крупным промышленным концернам «общий рынок» предоставляет широкие возможности дальнейшей экспансии, но угрожает существованию мелких и средних предприятий.

Мюнхенская газета «Дейче вохе» делает из этого вывод, что «французская экономика быстро рухнет, раз в «общем рынке» она будет просто-напросто отдана на произвол Германии».

Западная Германия зарится на Африку

Одна из причин, почему французские империалисты согласились на создание «общего рынка», — это банкротство их колониальной политики. Создавая «общий рынок», они хотят добиться экономической и политической помощи со стороны западногерманских «партнеров», надеясь сохранить таким образом колониальную систему, терпящую крах. Они готовы за это предоставить западногерманским империалистам возможность участвовать в эксплуатации колоний.

Кризис французской колониальной политики вызвал заметный отлив французского частного капитала из Северной Африки. Западногерманский капитал может помочь заполнить эту брешь. Шеф рурского концерна Клекнера Генле заявил о готовности западногерманских монополий оказать помощь французскому империализму и принять участие в эксплуатации французских колоний.

Тот факт, что ФРГ должна выделить для инвестиций в африканских колониях Франции 200 миллионов долларов, в западногерманской печати изображается как жертва, приносимая Западной Германией интересам Франции. На самом же деле западногерманские монополии хотят просто хорошо заработать на этом деле.

Гамбургская газета «Ди вельт» с удовлетворением пишет: «Право свободных капиталовложений, содержащееся в соглашении об «общем рынке», распространяется также и на заморские территории. Как только соглашение вступит в силу, немецкие фирмы смогут водво-

риться в Алжире и на Новой Гвинее точно так же, как и во Франции или Голландии».

По правде говоря, капиталовложения во Французской Африке с точки зрения местного сырья и дешевой рабочей силы привлекают западногерманские монополии гораздо больше, чем инвестиции во Франции либо в Голландии, где издержки на заработную плату и социальные расходы значительно выше, чем в Западной Германии. Поэтому газета «Франкфуртер альгемайне» рекомендует западногерманским монополиям не жалеть средств и усилить инвестирование капиталов во французских колониях.

Западногерманские монополисты зарятся на сырьевые богатства Африки. Они надеются, что за несколько лет они с помощью своих капиталовложений настолько прочно укрепятся в Африке, что французские империалисты не смогут их оттуда вытеснить. Поэтому они готовы, несмотря на потерю доверия со стороны народов Африки, оказать временную помощь французскому колониализму.

Бремя ляжет на плечи трудящихся масс Западной Германии

Возможности экспансии, предоставляемые «общим рынком» западногерманским монополиям, равным счетом ничего не дадут населению Западной Германии. Наоборот, несмотря на все разговоры о том, что «общий рынок» приведет к новому экономическому размаху, уже теперь становится ясно, что в результате этой таможенной унии неизбежно снизится жизненный уровень трудящихся.

Уже опыт Европейского объединения угля и стали показывает, что объединение концернов привело не к снижению, а к росту цен. В ФРГ за 1950—1955 годы цены на брикеты бурого угля возросли на 37,9 процента, цены на брикеты каменного угля — на 44 процента, а на сырую сталь цены возросли на 96,5 процента. Монополистам Объединение угля и стали принесло новые прибыли, а рабочим — усиление эксплуатации.

То же произойдет и в системе стран «общего рынка». Свободная демократическая партия констатирует: «При осуществлении общего рынка придется считаться с но-

вым ростом цен. Будет повышено до 70 процентов всех таможенных тарифов». Подобные же опасения высказываются и социал-демократической партией.

Постепенная отмена пошлин в рамках таможенной унии ни в коей мере не исключает повышения таможенных тарифов по отношению к странам, не входящим в эту унию. Если Франция и Италия вынуждены будут значительно снизить свои охранительные пошлины и непосредственно столкнуться с конкуренцией не только западногерманской, но и американской продукции, то Западная Германия, которая ввиду высокой производительности могла позволить себе низкие пошлины, теперь должна будет значительно повысить их. А так как почти три четверти импорта в Западную Германию поступает из стран, не входящих в таможенную унию, то это будет означать повышение большинства потребительских цен.

Было бы иллюзией думать, что установление единой системы заработной платы и расходов на социальные нужды может поднять эти расходы в Западной Германии до уровня Франции, Голландии или Люксембурга. Создание «общего рынка» неизбежно приведет к тому, что экспансия западногерманских товаров в эти страны вызовет кризис их промышленности и повлечет за собой снижение заработной платы и расходов на социальные нужды. А это даст возможность западногерманским монополистам еще более усилить эксплуатацию трудящихся Западной Германии.

И это еще не все тяготы, которые лягут на плечи трудящихся Западной Германии.

Не только государственные деятели Советского Союза, но и швейцарский министр экономики Шаффнер предостерегали, что неизбежным результатом «общего рынка» будет дальнейший экономический раскол Европы. «Общий рынок», который создаст широкую экономическую базу для ремилитаризации Западной Германии, несмотря ни на какие «гарантии», поведет к созданию таможенной преграды, разделяющей Западную Германию и ГДР, что фактически превратит «внутригерманский рынок» в торговлю между разными государствами. Нетрудно понять, что следствием этого будет углубление раскола Германии.

ДОКУМЕНТЫ

ЗАЯВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР О ПЛАНАХ СОЗДАНИЯ ЕВРАТОМА И «ОБЩЕГО РЫНКА»¹

В настоящее время правительства Франции, Федеративной Республики Германии, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга готовят создание в Западной Европе двух новых замкнутых организаций — «сообщества» шести указанных стран по атомной энергии (так называемый Евратом) и «общего рынка», в рамках которого намечается постепенная отмена таможенных пошлин, ограждающих экономику каждой из стран, «свободное» перемещение рабочей силы и капиталов и совместная эксплуатация участвующими странами французских, бельгийских и голландских колониальных владений.

Ввиду того что планы создания Евратома и «общего рынка», затрагивающие важные для всех европейских стран проблемы экономического сотрудничества и сотрудничества в области использования атомной энергии, предусматривают такие мероприятия, осуществление которых повлечет за собой опасные для народов Европы последствия, Министерство иностранных дел СССР уполномочено заявить следующее.

Советский Союз постоянно выступал и выступает за всемерное развитие международного экономического сотрудничества, в том числе в области использования атомной энергии в мирных целях, исходя из того, что указанное сотрудничество отвечает интересам всех стран, укрепляет доверие между народами, создает прочную основу для мирного сосуществования государств.

Советский Союз придает особо важное значение налаживанию такого сотрудничества в Европе на общеевропейской основе, поскольку оно способствовало бы преодолению раскола Европы на противопоставленные друг другу военные группировки, явившегося следствием политики западных держав, и содействовало бы укреплению мира в Европе.

¹ «Правда», 17 марта 1957 г.

Развертывание в странах Европы в широких масштабах мирного производства атомной энергии открыло бы благоприятные перспективы для развития экономики, науки и культуры, для повышения благосостояния народов. Использование огромных возможностей, которые дает мирное применение атомной энергии, требует, разумеется, создания соответствующей производственной и научно-технической базы и объединенных усилий государств в деле организации широкого промышленного производства атомной энергии. Поэтому Советское правительство с должным пониманием относится к стремлению различных европейских государств, особенно тех государств, которые не располагают достаточными ресурсами и техническим опытом для осуществления работ в этой области, объединить свои усилия и возможности по мирному применению атомной энергии и использовать научно-технический опыт, накопленный другими странами.

В равной мере Советское правительство понимает заинтересованность европейских стран и в налаживании широкого экономического сотрудничества во всех других областях. Расширение экономического сотрудничества между европейскими странами весьма благоприятно сказалось бы на развитии экономики этих стран, увеличении занятости, повышении жизненного уровня населения, оказало бы положительное влияние на мировое экономическое положение в целом. Экономическое сотрудничество на общеевропейской основе помогло бы восстановить нарушенные традиционные торговые и научно-технические связи, преодолеть искусственные препятствия и ограничения в области торговых и других экономических отношений, сблизило бы европейские государства, укрепило бы у европейских народов чувство безопасности и веру в завтрашний день.

Однако планы создания Евратома и «общего рынка» находятся в явном противоречии с этими целями. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что все участники Евратома и «общего рынка» являются членами военной группировки НАТО. Очевидно, что вся деятельность Евратома и «общего рынка» будет подчинена целям НАТО, агрессивный характер которых широко известен.

В этих условиях осуществление планов создания Евратома и «общего рынка» неизбежно приведет к дальнейшему углублению раскола Европы, усилению напряженности в Европе, намного затруднит налаживание экономического и политического сотрудничества на общеевропейской основе, повлечет за собой возникновение новых трудностей в деле решения проблемы европейской безопасности.

Возникнут также новые серьезные препятствия на пути восстановления национального единства германского народа, поскольку Западная Германия окажется еще глубже втянутой в систему замкнутых военных группировок западных держав, противопоставляемых другим государствам Европы. В этой связи необходимо отметить ту понятную озабоченность, которую выразил от имени социал-демократической партии Западной Германии ее председатель Олленхауэр в своем заявлении от 6 марта сего года, указавший на ряд опасных последствий для германского народа, вытекающих из планов создания Евратома и «общего рынка».

Утверждения некоторых руководящих деятелей западных стран о том, что Евратом и «общий рынок» будут заниматься только вопросами мирного сотрудничества участвующих стран, представляют собой не более как прикрытие действительных замыслов их организаторов и вдохновителей. Нельзя забывать того, что определенные круги Соединенных Штатов, активно поддерживающие создание Евратома, добиваются быстрее возрождения германского милитаризма и оснащения создаваемой западногерманской армии всеми видами современного оружия, включая атомное. Как известно, по инициативе представителей США, решение об этом было принято на сессии Совета НАТО в декабре 1956 года. Создание Евратома явится практическим шагом в деле реализации этих опасных для народов агрессивных планов.

Не приходится сомневаться в том, что реваншистские круги Западной Германии не преминут использовать Евратом для накопления атомных материалов и сырья с тем, чтобы быстрее приступить к изготовлению собственного ядерного оружия. Таким образом, создание Евратома расчистит для германского милитаризма путь к подготовке новых военных авантур; в центре Европы снова возникнет опасный очаг беспокойства. В этой связи необходимо, однако, вновь напомнить, что оснащение западногерманской армии ядерным оружием будет чревато серьезными последствиями прежде всего для населения самой Западной Германии, которое может оказаться объектом ответного атомного удара.

Что касается расчетов правящих кругов некоторых западноевропейских стран использовать Евратом в качестве средства контроля над производством атомной энергии в Западной Германии, то такие расчеты, как показывает опыт, лишены оснований. Хорошо известно, что при создании Европейского объединения угля и стали правительство Франции, стремясь обеспечить ратификацию французским парламентом договора о создании этого объединения, также заявляло, что через это объединение можно будет осуществлять контроль над военно-промышленным потенциалом Западной

Германии. Добиваясь ратификации парижских соглашений, французское правительство утверждало, что эти соглашения будут средством осуществления военного контроля над Западной Германией. Теперь для всех очевидно, что все эти расчеты оказались иллюзорными. Создание Евратома — хотят этого или не хотят — неизбежно приведет к снятию всяких ограничений и в области производства атомного оружия в Западной Германии, что создаст прямую угрозу для народа Франции, как и для народов других западноевропейских стран.

Не менее беспочвенны расчеты некоторых кругов Франции, Италии и других западноевропейских государств на то, что создание Евратома будет способствовать ослаблению экономической зависимости этих стран от США. Напротив, их зависимость от США лишь усилится в ущерб национальному суверенитету участвующих в этой группировке стран, поскольку США, а этого никто и не скрывает, будут на деле контролировать Евратом, выступая в качестве основного поставщика расщепляющихся материалов и оборудования для атомной промышленности стран Евратома. Не случайно, что в Англии влиятельные круги высказываются против ее присоединения к Евратому, отдавая отчет в том, какие последствия для Англии повлекло бы участие в нем.

План создания «общего рынка» также представляет серьезную опасность для народов европейских стран. Его реализация означала бы, что экономически более сильные государства, а на деле соответствующие крупные монополии, имели бы возможность в рамках «общего рынка», как и в рамках Евратома, навязывать свои условия более слабым европейским государствам в ущерб насущным национальным интересам последних. Проект «общего рынка» особо выгоден для западногерманских монополий, чего, собственно, не отрицают даже самые рьяные поборники этого проекта.

В этой связи полезно напомнить, что в ранее созданном Европейском объединении угля и стали, участниками которого являются те же шесть государств, западногерманские монополистические концерны уже добились доминирующей роли в ущерб интересам других участников объединения. Не подлежит сомнению, что создание «общего рынка» приведет к подчинению Франции и других западноевропейских стран экономической гегемонии германских монополистов, обезоруживая эти страны перед милитаристами и реваншистами Западной Германии.

Все эти планы не могут не вызывать у народов глубокой тревоги, в том числе и в самой Западной Германии, где имеются силы, которые выступают против указанных планов, выражая законное

опасение по поводу тех последствий, которые может повлечь их реализация и для Западной Германии.

Некоторые недалёковидные политики в западноевропейских странах утверждают, будто создание «общего рынка» позволит его участникам выступать в качестве равноправных партнеров в экономических отношениях с США. Однако если стоять на почве фактов, то необоснованность таких расчетов является очевидной. Широко известно, что в послевоенные годы американский капитал еще глубже внедрился в экономику Франции, Западной Германии, Италии и других стран Западной Европы. В настоящее время в каждой из этих стран активно действуют десятки филиалов и дочерних компаний крупнейших американских монополий и корпораций, таких, как «Дженерал моторс», «Форд», «Стандард ойл», «Дюпон де Немур» и другие. Очевидно, что американские монополии и корпорации используют «общий рынок» в своих выгодах в ущерб интересам национальной промышленности Франции, Италии и других участвующих стран. Никто не может отрицать того бесспорного факта, что в капиталистическом мире распределение выгод и прибылей между конкурентами происходит по силе, определяемой размерами капитала, а такая сила находится на стороне прежде всего крупных американских и западногерманских монополий.

Сторонники «общего рынка» во Франции, стараясь протолкнуть указанный план и добиться его одобрения французским парламентом, заявляют далее, будто создание «общего рынка» будет соответствовать интересам французского народа. В действительности же дело обстоит иначе. Приверженцы «общего рынка» во Франции замалчивают тот факт, что Франция, вступая в это объединение, теряет свободу действий в торговых отношениях не только со своими партнерами, но и с другими странами, поскольку отношения и с этими странами будут регулироваться руководящими органами «общего рынка», а следовательно, наиболее сильными его участниками. Весьма характерно, что влиятельные круги в Англии и ряде других европейских государств отнюдь не питают иллюзий по поводу тех последствий, которые повлекло бы для них участие в «общем рынке».

В Италии сторонники «общего рынка» утверждают, что с его созданием возникнут якобы благоприятные условия для решения проблемы хронической безработицы, на которую, по официальным итальянским данным, постоянно обречено в Италии более 2 миллионов человек. Весьма возможно, что правительство Италии действительно попытается избавиться от части безработных путем направления их в другие страны «общего рынка». Но разве можно

не считается с тем, что там итальянцы будут использованы, о чем говорит имеющийся опыт, на самых тяжелых, опасных и низкооплачиваемых работах, окажутся в полной зависимости от произвола немецких и других иностранных монополий. Едва ли можно назвать решением вопроса о безработице в Италии такое положение, когда благополучие двух миллионов итальянцев будет поставлено в зависимость от спроса на них из-за границы.

Организаторы «общего рынка» вводят в заблуждение общественное мнение, утверждая, будто «общий рынок» вообще приведет к повышению жизненного уровня народов участвующих стран. Хорошо известно, что планы крупных монополий диктуются отнюдь не заботой об улучшении условий жизни народов, а узкими расчетами получения высоких прибылей. От проектируемой отмены таможенных пошлин в рамках «общего рынка» обогатятся лишь крупные монопольные объединения, которые положат в свой карман дополнительные прибыли. В условиях обострения конкурентной борьбы на «общем рынке», при отмене таможенных пошлин материальное положение трудящихся, особенно рабочего класса, может лишь ухудшиться, поскольку монополии все трудности этой борьбы будут разрешать за счет ограбления трудящихся, путем повышения налогов, вздувания цен на товары широкого потребления и т. д.

Возникает поэтому законный вопрос: кому же выгодны планы создания Евратома и «общего рынка», во имя каких целей разрабатываются эти планы, кто рассчитывает пожать их плоды? Соответствуют ли эти планы интересам тех, кто стремится к укреплению мира и безопасности в Европе, к оздоровлению международной обстановки, к улучшению материальных условий жизни трудящихся европейских стран? Ответ на этот вопрос может быть только один — эти планы призваны служить интересам тех кругов в западных странах, которые хотят вооружить германских реваншистов ядерным оружием, обострить отношения между странами Европы, создать новые препятствия на пути обеспечения мира и безопасности в Европе, еще больше затруднить восстановление национального единства германского народа, интересам тех, кто стремится лишить Францию и другие западноевропейские страны национального суверенитета, поставить их экономику в зависимость от западногерманских монополий и помешать налаживанию общеевропейского экономического сотрудничества.

Советский Союз глубоко убежден в том, что подлинное решение экономических проблем, затрагивающих интересы каждой европейской страны, так же как и решение в целом проблемы экономического сотрудничества европейских стран и их сотрудни-

чества в области мирного использования атомной энергии, нельзя найти на основе создания новых замкнутых организаций той или иной группы стран, противопоставляемой другим странам Европы.

Это решение может и должно быть найдено на общеевропейской основе путем использования уже существующих организаций общеевропейского характера или создания новых общеевропейских организаций на условиях, приемлемых для всех европейских государств, независимо от их социального строя.

Исходя из этого, Советский Союз уже выдвинул ряд предложений, направленных на налаживание широким образом общеевропейского сотрудничества:

1. В апреле 1956 года на XI сессии Европейской Экономической Комиссии ООН Советский Союз внес предложение о создании в рамках этой Комиссии органа по вопросам использования атомной энергии в мирных целях. Это предложение включено в повестку дня XII сессии Европейской Экономической Комиссии ООН, открывающейся 29 апреля сего года.

В своем заявлении «Об общеевропейском сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии» от 12 июля 1956 года Советское правительство предложило созвать конференцию стран Европы для обсуждения вопроса о создании общеевропейской организации по мирному использованию атомной энергии, имея в виду, что эта организация являлась бы региональным отделением Международного агентства по атомной энергии. По мнению Советского правительства, такая организация могла бы быть учреждена на межправительственной основе с участием в ней всех желающих европейских государств, а также Соединенных Штатов Америки.

Предлагаемая Советским Союзом общеевропейская региональная организация по мирному использованию атомной энергии не была бы направлена против какого-либо государства или группы государств, не ущемляла бы чьих бы то ни было национальных интересов.

Сотрудничество в рамках общеевропейской региональной организации по атомной энергии, несомненно, могло бы способствовать прогрессу каждой из европейских стран в деле мирного использования атомной энергии и содействовать повышению жизненного уровня европейских народов, не говоря уже о том, что оно явилось бы важным средством оздоровления в целом обстановки в Европе.

Налаживание общеевропейского сотрудничества в области мирного использования атомной энергии во многом способствовало бы решению насущнейшей задачи современности — запрещению атом-

ного и водородного оружия, как оружия массового истребления.

Руководствуясь желанием содействовать положительному решению проблемы общеевропейского сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, Советское правительство предлагает рассмотреть дополнительные вопросы, относящиеся к этой проблеме, в том числе:

а) о создании научно-исследовательского института или институтов по атомной энергии на общеевропейской основе;

б) о сотрудничестве в создании предприятий по производству атомной энергии в промышленных и научно-технических целях, включая вопросы, связанные с обеспечением этих предприятий сырьем.

Само собой разумеется, что при развертывании на общеевропейской основе сотрудничества в области мирного применения атомной энергии европейским странам представится возможность использовать и соответствующий опыт Советского Союза.

2. Что касается вопроса об общеевропейском экономическом сотрудничестве, то Советское правительство на той же XI сессии Европейской Экономической Комиссии ООН в апреле 1956 г. внесло на рассмотрение государств — членов Комиссии предложение о заключении «Общеевропейского соглашения об экономическом сотрудничестве», которое предусматривает создание более благоприятных условий для развития внутриевропейской торговли, сотрудничества в области транспорта, научно-техническое сотрудничество и обмен передовым производственным опытом. Представленный Советским правительством проект соглашения будет также обсуждаться на XII сессии Европейской Экономической Комиссии.

В настоящее время Советское правительство предлагает дополнительно рассмотреть следующие вопросы:

а) о сотрудничестве в строительстве крупных гидроэнергетических сооружений, представляющих интерес для ряда стран, с согласия и при участии этих стран;

б) о сотрудничестве в развитии топливно-энергетической базы Европы, имея в виду устранение напряженности в топливном балансе многих европейских государств;

в) о заключении между всеми заинтересованными европейскими странами соглашений о мерах по облегчению торговли между ними;

г) об оказании государствами взаимной экономической и финансовой помощи в целях содействия экономическому развитию.

Советское правительство готово рассмотреть и любые другие предложения о принципах и формах общеевропейского экономиче-

ского сотрудничества, как и сотрудничества в области мирного использования атомной энергии.

Правительство СССР считает, что изложенные выше предложения по вопросам об общеевропейском экономическом сотрудничестве и сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии могут быть рассмотрены на XII сессии Европейской Экономической Комиссии ООН.

Советское правительство надеется, что правительства всех заинтересованных стран с должным вниманием отнесутся к предложениям Советского Союза по вопросу об общеевропейском экономическом сотрудничестве и о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПО РАЗВИТИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ОБЩЕЕВРОПЕЙ- СКОЙ ОСНОВЕ ¹

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО СОГЛАШЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Советское правительство внесло предложение обсудить на XI сессии Европейской Экономической Комиссии ООН (ЕЭК) вопрос о разработке в рамках Комиссии проекта Общеевропейского соглашения об экономическом сотрудничестве. Внося это предложение, Советское правительство исходило, прежде всего, из целесообразности принятия согласованных мер, которые содействовали бы экономическому развитию европейских государств и сотрудничеству между ними. При этом оно учитывало, что для развития широких экономических отношений между всеми европейскими странами имеются в настоящее время благоприятные предпосылки и что это будет отвечать интересам европейских стран. Оно также придерживается мнения, что расширение экономического сотрудничества между всеми европейскими странами будет способствовать развитию экономики и повышению благосостояния народов этих стран, созданию необходимой атмосферы взаимного доверия в отношениях между ними и упрочению всеобщего мира.

Принималось также во внимание то обстоятельство, что экономика европейских стран играет важную роль в мировой экономике и что ее прогрессивное развитие, которое представляется возможным при установлении широкого общеевропейского эконо-

¹ «Международная жизнь», № 5, 1957 г., стр. 150—157.

мического сотрудничества, может оказать положительное влияние на развитие экономики стран других континентов.

Обсуждение этого вопроса на XI сессии ЕЭК привело, как известно, к принятию резолюции, в которой отмечалась готовность правительства СССР препроводить дополнительные и более конкретные сведения об охвате и характере своего предложения и поручалось Исполнительному секретарю созвать с согласия большинства правительств стран — членов Комиссии специальную рабочую группу экспертов по составлению соответствующего сводного доклада для XII сессии ЕЭК, в котором бы нашли отражение замечания и предложения других членов Комиссии.

В соответствии с вышеупомянутой резолюцией Советское правительство представляет проект Общеввропейского соглашения об экономическом сотрудничестве, подготовленный с учетом высказываний участников XI сессии Комиссии по данному вопросу.

В проекте Соглашения изложена точка зрения Советского правительства по возможному охвату и характеру общеввропейского сотрудничества в области торговли, платежей, кредита и страхования; транспорта и связи; совместного использования природных ресурсов; науки и техники и обмена опытом, а также по основным принципам сотрудничества. Представляя проект Соглашения в качестве материала, который может облегчить изучение вопроса о развитии экономического сотрудничества между европейскими странами, Советское правительство надеется, что правительства стран — членов Комиссии отнесутся с должным вниманием к изучению данного проекта и проявят при этом конструктивный подход к решению этого важного вопроса.

Следует также указать на то, что существующие в Европе региональные организации, занимающиеся экономическими проблемами, не затрагиваются настоящим проектом Соглашения и что вопрос об их участии в Общеввропейском экономическом сотрудничестве может быть в дальнейшем предметом консультации заинтересованных государств.

В заключение Советское правительство заявляет о своей готовности направить в надлежащее время своих экспертов в рабочую группу по подготовке доклада для XII сессии ЕЭК о проекте Общеввропейского соглашения об экономическом сотрудничестве.

Проект

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Руководствуясь принципами Устава Организации Объединенных Наций и положениями его главы IX о международном экономическом и социальном сотрудничестве;

считая, что широкое экономическое сотрудничество между всеми европейскими государствами будет содействовать укреплению доверия в отношениях между народами и явится важным шагом на пути к обеспечению общеевропейской коллективной безопасности и решению проблемы разоружения;

признавая, что расширение экономического сотрудничества между европейскими странами имеет важное значение для развития их экономики, повышения занятости, поднятия жизненного уровня населения, что окажет положительное влияние на мировое экономическое положение в целом;

учитывая, что смягчение международной напряженности создало благоприятные предпосылки для расширения внешнеторговых и других экономических связей между всеми государствами;

принимая во внимание, что укрепление международных экономических связей является важным условием мирного сосуществования государств, независимо от различия в их экономическом и политическом устройстве;

признавая, что нарушение традиционных взаимовыгодных экономических связей между европейскими государствами наносит серьезный ущерб как частным, так и государственным интересам и что устранение всякого рода препятствий и ограничений дискриминационного характера в области торговых и других экономических отношений является необходимым условием широкого экономического сотрудничества между европейскими государствами;

а также, принимая во внимание Положение о круге ведения Европейской Экономической Комиссии ООН, предусматривающее принятие мер к поднятию уровня экономической деятельности в Европе, к поддержанию и укреплению экономических отношений как между европейскими странами, так и между европейскими странами и остальным миром;

государства, участвующие в деятельности Европейской Экономической Комиссии, заключают настоящее Общеевропейское Соглашение об экономическом сотрудничестве.

Глава I

Общие положения

СТАТЬЯ 1

Государства, участвующие в деятельности Европейской Экономической Комиссии, именуемые в дальнейшем государствами-участниками, придают первостепенное значение согласованию их

усилий в деле нормализации и расширения международных экономических отношений и заявляют о своей готовности всемерно содействовать развитию экономического сотрудничества между ними, в рамках и через посредство Европейской Экономической Комиссии ООН, а также с другими странами, независимо от их общественного строя, на основе взаимной выгоды, уважения суверенных прав и невмешательства во внутренние дела других государств.

СТАТЬЯ 2

Государства-участники будут поощрять развитие такого сотрудничества на основе двусторонних и многосторонних соглашений, а также проведения консультаций и обмена экономической и научно-технической информацией.

СТАТЬЯ 3

Государства-участники обязуются сотрудничать в оказании экономической и технической помощи слаборазвитым странам в рамках ООН, а также на основе двусторонних соглашений, не связывая оказание помощи с какими-либо требованиями политического, военного или экономического характера.

Глава III

Сотрудничество в области торговых отношений и транспорта

СТАТЬЯ 4

Государства-участники будут всемерно развивать и укреплять торговые отношения между ними на началах равноправия и взаимной выгоды. Они будут изучать и принимать с наибольшей желательностью решения по предложениям, которые каждая из них пожелала бы представить на рассмотрение других в целях достижения более тесных торговых связей.

Стороны предпримут в рамках своего соответствующего законодательства все меры для облегчения и развития взаимного товарооборота и обмена услугами.

Для расширения торговли между европейскими и другими странами Договаривающиеся Стороны изъявляют согласие на участие в такой международной организации по торговле, которая

являлась бы одним из специализированных учреждений Организации Объединенных Наций и членами которой могли бы быть все члены ООН и другие заинтересованные страны.

СТАТЬЯ 5

Государства-участники предоставляют взаимно друг другу безусловный и неограниченный режим наиболее благоприятствующей нации в отношении всех вопросов торговли, судоходства между ними и положения физических и юридических лиц при осуществлении ими хозяйственной деятельности на территории любой из стран-участниц в тех условиях, в каких эта деятельность разрешается законодательством этой страны.

Каждая из Договаривающихся Сторон не будет применять в отношении ввоза с территории или вывоза на территорию другой Стороны каких-либо ограничений, запрещений или формальностей, которые не применялись бы в этом отношении ко всем государствам-участникам.

СТАТЬЯ 6

В целях обеспечения устойчивого развития товарооборота и учитывая положительный опыт ряда европейских стран в деле развития их внешней торговли на базе долгосрочных соглашений, государства-участники будут стремиться к заключению двусторонних и многосторонних долгосрочных соглашений о взаимных поставках товаров, а также содействовать заключению долгосрочных коммерческих контрактов.

СТАТЬЯ 7

Имея в виду облегчить обмен товарами и услугами в европейской торговле, государства-участники будут стремиться применять в их торговых отношениях метод многосторонних расчетов, поручив, в частности, своим центральным банкам принять участие в соглашении о многосторонней компенсации, подготовленном в рамках Европейской Экономической Комиссии ООН.

Стороны считают полезным создание общеевропейского органа по валютным и кредитным вопросам, который вырабатывал бы рекомендации государствам-участникам о расширении сферы многосторонних расчетов и разрабатывал бы конкретные предложения по расчетам и по кредитованию торговли между странами.

Государства-участники заявляют также о своей готовности изыскать подходящие формы установления более тесных связей

между своими банковскими институтами путем установления личных контактов их представителей и взаимного обмена опытом банковской работы.

СТАТЬЯ 8

Стороны будут содействовать дальнейшему расширению сотрудничества их страховых организаций в области страхования и перестрахования; разработке единых условий страхования грузов по морским и транспортным страхованиям, связанным с внешней торговлей.

СТАТЬЯ 9

Государства-участники обязуются давать исполнение арбитражным решениям по спорам, возникающим из заключаемых их гражданами, организациями или учреждениями торговых сделок, если разрешение спора соответствующим арбитражем — специально для этой цели образованным или постоянно действующим — было предусмотрено в самой сделке или же в отдельном соглашении, обремененном в требуемую для самой сделки форму.

СТАТЬЯ 10

Стороны будут принимать меры к расширению и облегчению участия в международных ярмарках и выставках, а также к поощрению и облегчению организации выставок, устраиваемых отдельными государствами-участниками в других государствах-участниках.

В этих целях они будут, в частности, предоставлять льготный железнодорожный тариф для перевозки экспонатов, предназначенных для выставок, а также освобождать от таможенных пошлин и других видов сборов при соблюдении условий, существующих для временного допуска на их таможенные территории, товары, предназначенные для выставок, конкурсов и ярмарок.

СТАТЬЯ 11

В целях облегчения заключения сделок в европейской торговле государства-участники будут сотрудничать в разработке типовых контрактов купли-продажи товаров.

СТАТЬЯ 12

Государства-участники будут сотрудничать в целях наиболее эффективного использования своих транспортных средств, сооруже-

ний и портов, содействовать развитию, на основе двусторонних соглашений, линейного судоходства и воздушного сообщения между европейскими странами, транзитных и комбинированных перевозок грузов, а также перевозок на международных речных магистралях.

Государства-участники соглашаются изучить вопрос о возможности унификации различных железнодорожных соглашений и создании единых правил международных перевозок на железных дорогах европейских стран.

Глава III

Научно-техническое сотрудничество и обмен передовым производственным опытом

СТАТЬЯ 13

Государства-участники примут меры к усилению сотрудничества в области науки и техники; обмена на условиях взаимности производственным опытом в области промышленности, сельского хозяйства, энергетики, торговли, транспорта и связи; обмена соответствующей документацией и информацией; расширения практики взаимных поездок специалистов указанных отраслей народного хозяйства, представителей деловых кругов, созыва международных конференций по научно-техническим и экономическим проблемам, а также в форме посылки экспертов, принятия в своих странах для практики и обучения на промышленных предприятиях и в учебных заведениях граждан государств-участников.

СТАТЬЯ 14

Убежденные, что практическое использование атомной энергии открывает безграничные возможности для развития мирной экономики всех стран и связанного с этим роста благосостояния их населения, и выражая желание способствовать быстрейшему прогрессу в этой области, государства-участники высказываются за объединение усилий отдельных стран в деле развития использования атомной энергии в мирных целях и обязуются изыскать удовлетворяющие их формы сотрудничества в этой области в рамках Европейской Экономической Комиссии. Они будут, в частности, сотрудничать в изучении экономических аспектов использования атомной энергии, особенно в области производства электроэнергии.

СТАТЬЯ 15

Государства-участники признают, что совместное широкое использование европейских природных ресурсов, таких, как гидро-ресурсы, газ и другие, должно оказать положительное влияние на развитие экономики европейских стран, и берут на себя обязательство изучать связанные с этим проблемы с целью практического осуществления взаимовыгодных проектов совместного использования природных ресурсов.

Глава IV

Подписание, ратификация, вступление в силу Соглашения

СТАТЬЯ 16

Настоящее Соглашение открыто для подписания всеми государствами, участвующими в деятельности ЕЭК.

СТАТЬЯ 17

Соглашение подлежит ратификации подписавшими его государствами-участниками в соответствии с их конституционной процедурой. Ратификационные грамоты будут сданы в возможно кратчайший срок на хранение Исполнительному Секретарю Европейской Экономической Комиссии.

СТАТЬЯ 18

Настоящее Соглашение вступит в силу после того, как половина государств-участников, первоначально подписавших Соглашение, сдадут на хранение свои ратификационные грамоты.

Ратификационные грамоты, депонированные после этого срока, вступают в силу в день их получения.

Исполнительный Секретарь Европейской Экономической Комиссии известит все подписавшие настоящее Соглашение государства-участники о дате вступления Соглашения в силу, а также о сдаче на хранение каждой ратификационной грамоты и заявления о денонсации.

Секретариат Европейской Экономической Комиссии примет на себя в пределах своей компетенции исполнительные функции, связанные с осуществлением этого Соглашения.

СТАТЬЯ 19

Настоящее Соглашение является бессрочным. Каждое из государств-участников может отказаться от участия в Соглашении с письменным уведомлением об этом Исполнительного Секретаря Европейской Экономической Комиссии за шесть месяцев.

СТАТЬЯ 20

Настоящее Соглашение после вступления его в силу будет зарегистрировано через посредство Исполнительного Секретаря Европейской Экономической Комиссии в Организации Объединенных Наций в соответствии со статьей 102 Устава ООН.

СТАТЬЯ 21

Подлинник Соглашения будет храниться в архивах Европейской Экономической Комиссии ООН, которая направит должным образом заверенные копии настоящего Соглашения всем государствам-участникам Соглашения.

М Е М О Р А Н Д У М

СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С ЗАМЕЧАНИЯМИ ПРАВИТЕЛЬСТВ СТРАН — ЧЛЕНОВ ЕЭК ПО СОВЕТСКОМУ ПРОЕКТУ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО СОГЛАШЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В соответствии с резолюцией ЕЭК 3 (XI) Советское правительство представило проект Общеевропейского соглашения об экономическом сотрудничестве, который был разослан в июле 1956 года Исполнительным Секретарем ЕЭК правительствам стран — членов Комиссии. Советское правительство имело при этом в виду, что заключение такого соглашения существенным образом будет содействовать расширению на взаимовыгодной основе экономических связей между всеми европейскими странами, сближению европейских государств и укреплению мира в Европе.

Советское правительство внимательно ознакомилось с поступившими к настоящему времени сообщениями правительств 27 стран — членов Комиссии, излагающими точку зрения этих правительств относительно предложенного Советским Союзом проекта Общеевропейского соглашения. В результате этого взгляды, которые были высказаны правительствами упомянутых стран, можно было бы резюмировать следующим образом.

Большинство стран — членов ЕЭК разделяют идею развития экономического сотрудничества на общеевропейской основе; многие

страны высказываются за целесообразность заключения Общевропейского соглашения об экономическом сотрудничестве в форме, предложенной Советским Союзом, или поддерживают цели общеевропейского сотрудничества, как они поставлены в указанном проекте Соглашения.

О значительном интересе, проявленном странами — членами ЕЭК к вопросу о развитии экономического сотрудничества на общеевропейской основе, свидетельствует и тот факт, что многие правительства выражают пожелание, чтобы Советское правительство дало пояснения к некоторым статьям проекта Соглашения.

Правительства Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии и ряда других стран выражают готовность содействовать достижению соглашения об экономическом сотрудничестве на общеевропейской основе. Некоторые из этих правительств заявили в своих ответах, что они имеют в виду сделать при обсуждении проекта Общевропейского соглашения об экономическом сотрудничестве частные замечания и дополнения, направленные на его улучшение.

Правительство Югославии считает, что проект Соглашения об экономическом сотрудничестве содержит ряд положительных предложений, дающих возможность применять в региональном плане принципы ООН.

Ответы правительств Финляндии, Швеции и Австрии свидетельствуют о том, что правительства этих стран изъявляют готовность участвовать в разработке Соглашения, которое было бы приемлемо для большинства европейских стран. Причем следует указать, что правительство Швеции рассматривает советское предложение о заключении Общевропейского соглашения об экономическом сотрудничестве как полезный вклад, преследующий цели, в значительной мере совпадающие со шведскими устремлениями к усилению экономического сотрудничества между Востоком и Западом.

Правительство Великобритании, хотя и высказывает сомнение в возможности достижения соглашения на основе рассматриваемого проекта, выражает вместе с тем надежду, что правительства всех стран — членов ЕЭК рассмотрят на предстоящей сессии ЕЭК поставленный вопрос с реалистической и конструктивной точек зрения и, возможно, достигнут эффективных результатов. Правительство Великобритании, указывается также в его ответе, приветствует общие цели представленного Советским Союзом проекта и, равно как и правительство СССР, желает устранения препятствий к улучшению отношений, увеличению торговли и усилению контактов между странами — членами Комиссии.

Правительство Франции, делая ряд оговорок относительно возможности достижения соглашения, высказалось в пользу того, чтобы поднятые в советском проекте Соглашения вопросы явились предметом подробного изучения и переговоров, заявив наряду с этим, что оно всегда стояло за развитие внутриевропейской торговли и европейского экономического сотрудничества.

Правительство Федеративной Республики Германии, так же как и правительства некоторых других стран, с интересом отнеслось к советскому предложению о заключении в рамках ЕЭК Общеввропейского соглашения. Будучи неуверенным в том, что советский проект в его теперешнем виде может послужить реальной основой для тесного экономического сотрудничества, правительство ФРГ заявило, однако, что оно сочувственно относится к развитию более тесного сотрудничества между государствами — членами ЕЭК и готово провести осуществимые мероприятия, направленные на достижение этой цели.

Правительства Бельгии, Дании, Нидерландов и некоторых других стран указали, в частности, что советский проект должен быть внимательно изучен при условии представления Советским правительством разъяснений по замечаниям, сделанным этими правительствами.

В замечаниях некоторых стран — Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Норвегии и др. — указывается на то, что советский проект составлен без учета различия политических и экономических систем стран Восточной и Западной Европы. Одновременно выражается мнение, что развитие широкого сотрудничества в рамках ЕЭК было бы целесообразно путем достижения соглашения по отдельным представляющим общий интерес вопросам или путем дополнения и изменения круга ведения Комиссии.

К числу немногих правительств, которые полностью отклоняют предложение СССР о заключении Общеввропейского соглашения, относится правительство США. Возражая против конструктивных предложений СССР, направленных на усиление экономического сотрудничества на общеевропейской основе, США со своей стороны не вносят каких-либо предложений для достижения этой цели. Такая позиция не согласуется с основными целями Европейской Экономической Комиссии, которая, в соответствии с целями и принципами Устава ООН, призвана содействовать экономическому сотрудничеству между государствами — ее участниками.

Учитывая вышеизложенное и идя навстречу высказываниям многих стран, Советское правительство в целях сближения существующих различных точек зрения и создания атмосферы конструктивного сотрудничества на XII сессии ЕЭК считает необходимым

сделать следующие пояснения и внести некоторые изменения в представленный ранее проект Соглашения.

1. В сообщениях правительств ряда стран указывается, что основные затруднения, которые препятствуют развитию общеевропейского сотрудничества, вызываются различием систем государств — членов Комиссии.

В этой связи необходимо отметить, что указанное различие систем само по себе не может являться и не является препятствием в развитии сотрудничества между государствами. Факты свидетельствуют о том, что такое сотрудничество во многих случаях оказывалось возможным и успешно развивалось во всех областях, в том числе по линии внешнеторговых, финансовых, культурных, научных и технических связей. Сотрудничество стран с различными системами нашло также свое выражение в совместном создании международных организаций и в участии в их деятельности, в том числе и в деятельности Европейской Экономической Комиссии ООН, в которой сотрудничают страны с различными политическими и экономическими системами.

По мнению Советского правительства, при наличии предпосылок для широкого экономического сотрудничества на общеевропейской основе, а такие предпосылки имеются, важным условием, от которого зависит успешное развитие сотрудничества между государствами с различными социально-экономическими системами, является желание государств способствовать такому сотрудничеству.

2. Отдельные правительства выражают пожелания о большей конкретизации некоторых положений советского проекта Соглашения. Советское правительство считает необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что целью любого широкого соглашения о сотрудничестве является определение тех общих принципов и направлений, на основе которых должно развиваться это сотрудничество между странами-участниками. При этом принималось во внимание, что проект Общеевропейского соглашения послужит основой для делового обсуждения его на совещании экспертов всех стран с тем, чтобы внести в него необходимые изменения и дополнения, в том числе и по линии большей конкретизации отдельных его положений, имея в виду сделать Соглашение приемлемым для всех государств-участников. Советское правительство выражает надежду, что общие усилия правительств заинтересованных стран в рамках Комиссии и, в частности, на ее XII сессии могут привести к положительным результатам.

3. Касаясь отдельных статей советского проекта, правительства ряда стран высказывают опасения по поводу возможного дублирования работы, проводимой некоторыми существующими междуна-

родными организациями. В этой связи необходимо отметить, что советский проект не предусматривает создания каких-либо новых международных организаций, а направлен на укрепление и дальнейшее расширение общеевропейского сотрудничества при посредстве и под эгидой ЕЭК. Естественно поэтому, что в советском проекте Соглашения имеются и такие положения, на основе которых осуществляется деятельность как в самой Европейской Экономической Комиссии, так и, возможно, в некоторых других организациях, которые по своему составу не являются общеевропейскими. По мнению Советского правительства, это обстоятельство не препятствует, а, наоборот, создает большие возможности для плодотворного применения этих положений и принципов в интересах развития экономического сотрудничества на общеевропейской основе.

4. Со стороны некоторых правительств в связи со статьей 1 проекта Соглашения затрагивается вопрос о согласовании международного сотрудничества и суверенных прав государств и высказывается пожелание получить разъяснение по этому вопросу от Советского правительства.

Советское правительство в этом вопросе придерживается того бесспорного положения, что государственный суверенитет включает в себя и такие элементы, как недопущение вмешательства во внутренние дела и право государств заключать договоры с другими государствами как равного с равным.

Это и учтено в формулировке статьи 1 проекта Соглашения.

5. Многие правительства высказали сомнение в необходимости статьи 3 в данном проекте Соглашения (в статье говорится об оказании помощи слаборазвитым странам в рамках ООН), ссылаясь на то, что положения статьи выходят за рамки регионального сотрудничества. Советское правительство не возражает против исключения этой статьи из текста проекта Соглашения, если это будет соответствовать пожеланиям большинства стран-участниц.

6. Замечания правительств по статье 4 касаются в основном вопроса о создании международной торговой организации. По их мнению, постановка этого вопроса выходит за рамки компетенции региональной экономической организации ООН.

Советское правительство по-прежнему убеждено в том, что положительное отношение европейских государств к идее создания международной торговой организации ускорило бы претворение в жизнь этой идеи, что означало бы существенный вклад в дело развития международного экономического сотрудничества.

7. Ряд правительств высказывает сомнение, в связи со статьей 5, относительно возможности широкого и взаимного предостав-

ления безусловного и неограниченного режима наиболее благоприятствуемой нации, а также относительно обязательств не применять ограничений, запрещений или формальностей в отношении ввоза или вывоза.

Приняв во внимание упомянутые выше замечания, Советское правительство предлагает включить в проект Соглашения статью 5 в следующей измененной редакции:

«Государства-участники, учитывая, что между многими европейскими странами в их взаимоотношениях в области торговли и мореплавания действует режим наиболее благоприятствуемой нации, создающий надлежащие предпосылки для развития международной торговли, будут стремиться расширить применение этого принципа, на условиях взаимности, на торговлю и мореплавание между всеми европейскими странами.

Государства-участники будут прилагать усилия к устранению препятствий экономического, торгово-политического и административного характера в области внешней торговли и в необходимых случаях консультироваться в целях принятия согласованных решений и рекомендаций».

8. Замечания правительств по статье 6 сводятся к тому, что европейские государства не могут принять обязательства содействовать заключению частных долгосрочных коммерческих контрактов.

В связи с этим Советское правительство предлагает дать следующую новую редакцию статьи 6, объединив ее с прежней статьей 11 проекта Соглашения относительно разработки типовых контрактов купли-продажи:

«В целях обеспечения устойчивого развития товарооборота и учитывая положительный опыт ряда европейских стран в деле развития их внешней торговли на базе долгосрочных соглашений, государства-участники будут стремиться к заключению двусторонних и многосторонних долгосрочных соглашений о взаимных поставках товаров, а также благожелательно относиться к заключению долгосрочных коммерческих контрактов. В целях облегчения заключения сделок в европейской торговле государства-участники будут продолжать сотрудничать в разработке в рамках Европейской Экономической Комиссии типовых контрактов купли-продажи».

9. Правительства ряда стран высказываются против включения в статью 7 вопросов о соглашении относительно многосторонней компенсации и о создании общеевропейского органа по валютным и кредитным вопросам до тех пор, пока эта работа не будет завершена в рамках ЕЭК.

Советское правительство считает возможным принять во внимание упомянутые соображения и предлагает изложить данную статью в следующей редакции:

«Имея в виду облегчить многосторонний обмен товарами и услугами в европейской торговле, государства-участники будут стремиться применять в их торговых отношениях метод многосторонних расчетов, используя, в частности, опыт работы, проделанной в этой области в рамках Европейской Экономической Комиссии».

10. Правительства некоторых стран указывают, в связи со статьей 9, на неприемлемость для них обязательства давать исполнение арбитражным решениям по спорам, возникающим из заключенных торговых сделок.

Принимая во внимание высказанные соображения, Советское правительство предлагает уточнить редакцию данной статьи следующим образом:

«Государства-участники будут содействовать исполнению, в соответствии с их законами, арбитражных решений по спорам, возникающим из заключаемых их гражданами, организациями или учреждениями торговых сделок, если разрешение спора соответствующим арбитражем — специально для этой цели образованным или постоянно действующим — было предусмотрено в самой сделке или же в отдельном соглашении, облеченном в требуемую для самой сделки форму».

11. Замечания правительств по статье 10 касаются трудностей предоставления льготных тарифов для перевозки экспонатов и товаров для выставок, конкурсов и ярмарок и проводимой работы в этой области, в частности в рамках ЕЭК.

Учитывая эти замечания, а также результаты проделанной в рамках ЕЭК работы, Советское правительство предлагает изложить второй абзац статьи 10 в следующей редакции:

«В этих целях они будут, в частности, благожелательно рассматривать вопросы о предоставлении льготного железнодорожного тарифа для перевозки экспонатов, предназначенных для выставок, об освобождении от таможенных пошлин и других видов сборов, при соблюдении условий, существующих для временного допуска на их таможенные территории, товаров, предназначенных для выставок, конкурсов и ярмарок».

12. Некоторые правительства считают преждевременным рассматривать вопрос об объединении усилий отдельных стран в деле развития мирного использования атомной энергии и об изыскании удовлетворяющих их форм сотрудничества в этой области в рамках ЕЭК до тех пор, пока не будут завершены работы по созданию Международного агентства по атомной энергии.

Советское правительство считает необходимым обратить внимание на тот факт, что предлагаемое в советском проекте сотрудничество по мирному использованию атомной энергии на общеевропейской основе имеет целью содействовать работе Международного агентства по атомной энергии. Чтобы устранить возможное в связи с этим недопонимание, Советское правительство предлагает изложить статью 14 в следующей редакции:

«Убежденные, что практическое использование атомной энергии открывает огромные возможности для развития мирной экономики всех стран и связанного с этим роста благосостояния их населения, и выражая желание способствовать быстрейшему прогрессу в этом направлении, государства-участники будут стремиться к подысканию взаимовыгодных и удовлетворяющих их форм и методов сотрудничества в области мирного использования атомной энергии в рамках Европейской Экономической Комиссии, установив в этих целях надлежащие связи с Международным агентством по атомной энергии».

Советское правительство выражает надежду, что данные выше пояснения и замечания будут внимательно рассмотрены правительствами стран — членов Комиссии и послужат основой для плодотворного обсуждения на XII сессии ЕЭК вопроса о разработке Европейского соглашения об экономическом сотрудничестве.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	5
Бернар Лавернь, Жульничество Евратома. <i>Перевод В. Лукьяновой</i>	31
Что такое Евратом? <i>Перевод А. Шапиро</i>	38
Бернар Лавернь, Евратом и разоружение французского государства. <i>Перевод В. Лукьяновой</i>	45
Бернар Лавернь, Сирены Евратома не перестали петь. <i>Перевод В. Любимовой</i>	51
Бернар Лавернь, Последствия для Франции создания «общего рынка». <i>Перевод Н. Смирновой</i>	58
М. Ардан, За подлинное европейское сотрудничество. <i>Перевод В. Наговицина</i>	66
Оттавио Пасторе, Экономика и политика Италии и «общий рынок». <i>Перевод М. Тимониной</i>	70
Джанкарло Пайетта, Европа должна служить делу мира. <i>Перевод Г. Богемского</i>	82
Рынок иллюзий. <i>Перевод А. Тюпаева</i>	86
Ганс В. Ауст, Западня «общего рынка». <i>Перевод А. Галкина</i>	91
Герхард Кегель, Таможенный союз против трудящихся. <i>Перевод В. Могутина</i>	128
Томас Балог, Новая утопия. <i>Перевод Б. Лихачева</i>	134
Зазывалы европейского «общего рынка». <i>Перевод В. Могутина</i>	140
Ежи Ковалевский, Общий рынок. <i>Перевод М. Алексеевой</i>	145
Ежи Ковалевский, Польша, «общий рынок» и европейское экономическое сотрудничество. <i>Перевод М. Алексеевой</i>	154
Карел Доудера, Западная Германия в системе «общего рынка». <i>Перевод М. Алексеевой</i>	159
Документы: Заявление Министерства иностранных дел СССР о планах создания Евратома и «общего рынка»	167
Предложения Советского Союза по развитию экономического сотрудничества на общеевропейской основе	175

Сборник статей
ЕВРАТОМ И «ОБЩИЙ РЫНОК»

Технический редактор *М. А. Белёва*
Художник *Л. А. Рабенау*

Сдано в производство 28/V—1957 г.
Подписано к печати 21/VI—1957 г.
Бумага $84 \times 108^{1/8} = 3,0$ бум. л.
9,8 печ. л.
Уч.-изд. л. 9,9. Изд. № 7/3884
Цена 3 р. 65 к. Зак. 463

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

20-я типография Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

3 р. 65 к.